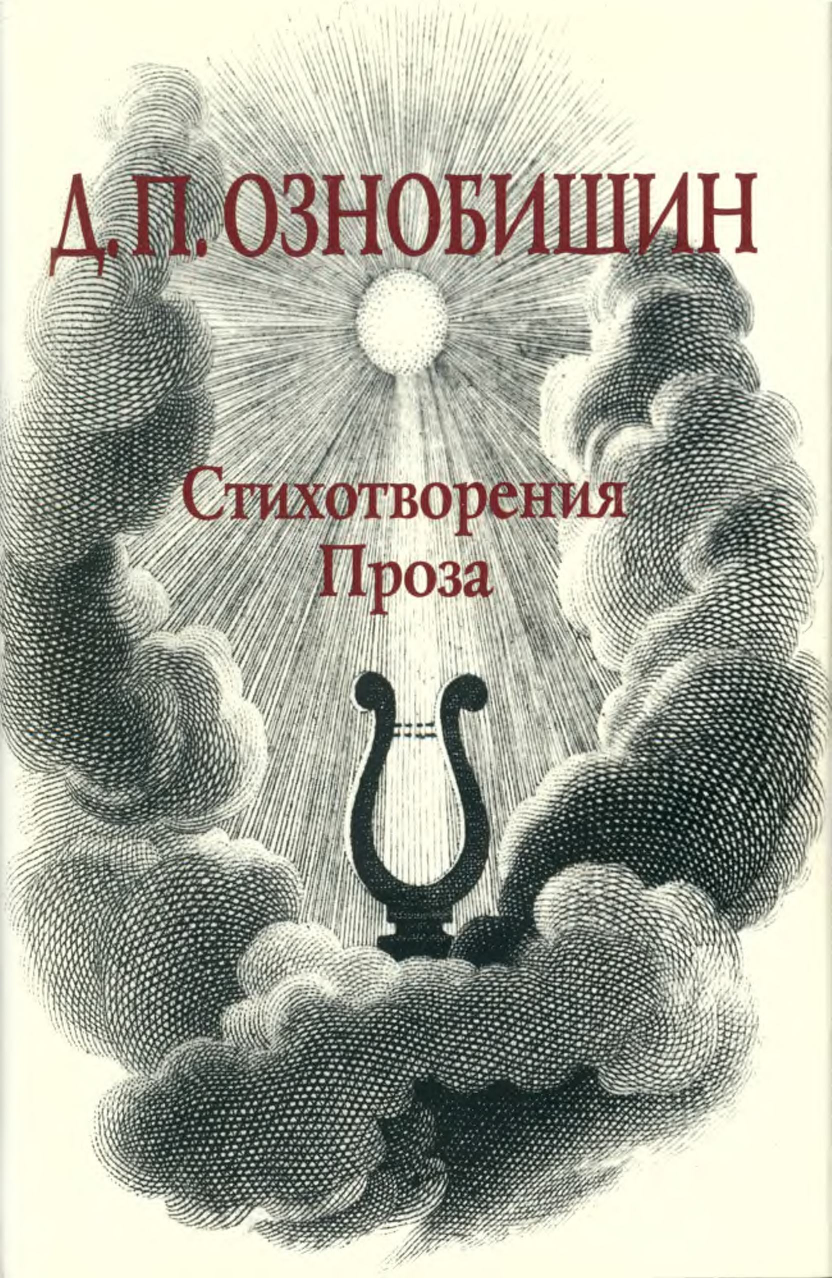
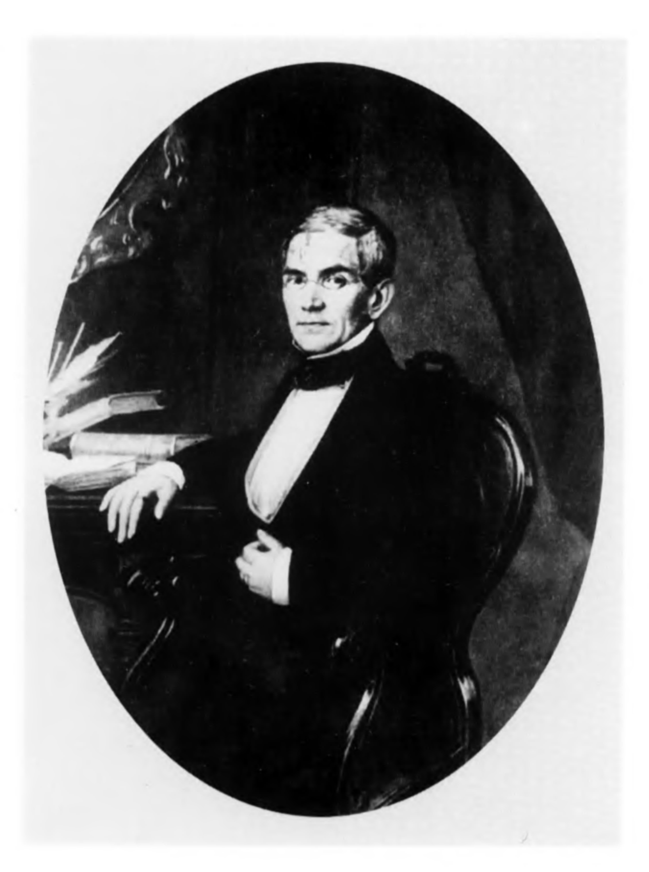

Д. П. ОЗНОБИШИН
Стихотворения
Проза

Д. П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза

Д. П. ОЗНОБИШИН * Стихотворения * Проза

1

Д.П. Ознобишин.
Фотография с портрета 1850-х годов.
Музей ИРЛИ (ПД) РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Д. П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза

В двух книгах

Книга первая

Издание подготовили
Т. М. ГОЛЬЦ, А. Л. ГРИШУНИН,
Н. Н. ХОАМУХАМЕДОВА

МОСКВА «НАУКА» 2001

УДК 820/89
ББК 84(0)5
О 46

Ответственный редактор
А.Л. ГРИШУНИН

ТП 2001–II–№ 207

ISBN 5-02-022639-4
ISBN 5-02-011811-7 (кн. 1)

СТИХОТВОРЕНИЯ

МЕЧТЫ

Часть первая

Non ego, Phoebc, datas à te mihi mentiar artes;
Noc nos aëriae voce monemur avis;
Nec mihi funt vifae Clio Cliufque forores,
Servanti pecudes, vallibus, Afera, tuis.
Ufis opus movet hoc, vati parete perito.
Vera canam, coeptis, mater Amoris, ades.
Efte procul vittae tenues, infigne pudoris;
Quaeque tegis medios, inftita longa, pedes;
Nos Venerem tatam conceffaque furta canemus;
Inque meo nullum carmine crimen erit.

Artis amatoria, lib. 1*

---

* Лгать не хочу и не буду: наука моя не от Феба,
Не возвещает ее грающий птичий полет,
Не выходили ко мне, пастуху Аскрейской долины,
Клио и восемь сестер, вещий ведя хоровод;
Опыт меня научил – внемлите же опытной песне!
Истина – вот мой предмет; благослови нас, Любовь!

Прочь от этих стихов, целомудренно-узкие ленты,
Прочь, расшитый подол, спущенный ниже колен!
О безопасной любви я пишу, о дозволенном блуде,
Нет за мною вины и преступления нет.

Первое дело твое, новобранец Венериной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить.

Наука любви, кн. 1[1] (*пер. с лат. М. Л. Гаспарова*).

СОН

(Из Антологии)

Спишь ли, Ценофила?
Милое творенье!
О, когда бы мог я
В легкое виденье,
Для очей прелестных,
Ныне превратиться.
Я б оставил крылья,
И никто б из светлых
Лучших снов Зевеса
Близко Ценофилы
Не дерзнул носиться.

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

(*Из Парни*[1])

В полях вечерний лег туман,
Несутся тени над водою;
Веди, прекрасная, с собою
Пришельца из далеких стран.
Весенний луч блестит росой,
Восходит месяц над рекой,
Небес пустынных юный житель;
И ждет смиренная обитель
Пришельца с нимфой молодой.
Там сделай ложе из цветов;
Пусть с юных прелестей покров
Падет пред ним, как сон мгновенный,
Когда же взор его смущенный
Желанья страстные зажжет,
Когда рукою дерзновенной
Он грудь твою к своей прижмет,
Когда он скажет: "Будь со мною,
Мы время сладко проведем!" –
Тогда склонись к нему главою,
Пусть огнь любви пылает в нем.
И ночь его приятна будет,
И в пылких ты уснешь мечтах;
Едва же утра глас пробудит
Нощные тени на полях
И след прошедшего украдкой
Прочтешь ты на его глазах,
Оставь его в дремоте сладкой
Мечтать о счастье на цветах.

В полях вечерний лег туман,
Несутся тени над водою.
Веди, прекрасная, с собою
Пришельца из далеких стран.

ОТРЫВОК ИЗ 1-й ЭЛЕГИИ

. . . .

Так, ты обманута, моя Елеонора,
И я предчувствовал жестокий жребий мой;
Где радость юных лет, где прелесть разговора!
Все время алчное похитило с собой!
Почто же, милый друг, ты в землю взор склоняешь,
О, дай блаженство мне прочесть в твоих очах;
Но ты безмолвствуешь... ты слезы проливаешь,
Улыбка умерла на розовых устах.
Нет! ты обманута, о друг мой несравненный!
Ты жертва бедствия во цвете пылких лет!
Утешься! – огнь любви, сей пламень сокровенный
Рассеет грусть твою, прольет отрадный свет;
Как роза в ясный день красой своей блистает,
Лишь вечер, – с жизнию теряет запах свой;
Наутро воздух пьет, для жизни воскресает,
Сей огнь живительный есть огнь любви святой.

. . . .

ЖЕЛАНИЕ

Счастлив, кто близ тебя вздыхает,
Украдкой ловит нежный взгляд;
            Его счастливее стократ
Кто чувств твоих язык безмолвный понимает;
Но я бы их Судьбы желать себе не смел,
Поэта-юноши завидней мне удел;
Его младая песнь, согласная с цевницей,
            Как тихий вечер над гробницей,
Приятную в душе задумчивость прольет.
И дева юная, с мерцающей денницей,
Тая дыхание, внимать ему придет.

МОНАХИНЯ

(*Из Парни*)

Возьмись за кисть, художник милый,
И ткань немую оживи,
Вдохни в нее волшебной силой
Всю прелесть тайную любви,
Которою благой природой
Не все одарены равно;
Пусть сокрывает полотно
С непринужденною свободой
Златые кудри на плечах.
Старайся, чтоб во всех чертах
Невинность с младостью менялись,
Чтоб перси, гордые красой,
Своей пленяя белизной,
Под крепом тихо волновались.
От взоров тайны скрыть умей,
Чтоб угадать их можно было,
Чтоб в милой томности очей
Был виден след души унылой.
Изобрази в ее устах
Привет стыдливости бесценной
И вздох, навеки сокровенный
В забвенных, гибельных стенах;
Тогда умершая для света
Воскреснет снова для Поэта.

ЭПИТАФИЯ

Любезность, красоту, невинность, дарованья,
Все, в цвете пылких лет, она взяла с собой;
В безмолвьи Грации льют слезы состраданья,
И горестный Амур светильник гасит свой.

ЭЛЕГИЯ 2-я

Я помню милый взгляд, волшебный огнь очей,
Любви счастливые мечтанья,
Блаженство скрытое в безмолвии ночей,
И нежных персей волнованья,
И первый поцелуй, и первый вздох любви…
Все время быстрое умчало!
Но тот же льется огнь в пылающей крови
И сердце *бывшего* желать не преставало.
Где ж ты, о счастие давно минувших лет,
Вы, пылкой юности надежды?
Пролейте с высоты свой благотворный свет
На бренные страдальца вежды.
Кто горестно испил безвременно фиал,
Уже ли есть тому к блаженству пробужденье!..

Как странник на ладье вблизи грозящих скал
От смерти мнит найти спасенье,
Вотще – с шумящею волной
В пучине ждет его могила;

Так радость для меня путь жизни роковой
На краткий миг лишь озарила;
На краткий миг я счастие узнал;
Оно в душе не изменилось
И огнь любви в груди не угасал,
И сердце пламенное билось.

Но отчего ж стеснилась грудь тоской,
Почто в слезах мои затмились взоры?
Увы! Любовь склонила факел свой
На хладный прах моей Елеоноры.

ВЕСНА

(*Из Антологии*)

Хлад зимы сокрылся,
Расцвели долины,
С юною весною
Пробудился зефир,
Легкими крылами
Веет ароматы
С лилий и ясминов.
Всех цветов прелестней
Мне моя Корина,
На устах Прекрасной
Я срываю розы,
И счастливец – смертный,
В радостных восторгах
Жизнь позабываю.

ЛАНДЫШ

Мне грации сулили
Из юных роз венок,
В залог вручили ландыш,
Зефир унес цветок;
А с ним и все надежды
Сокрылися мои;
Почто зефир нескромный
Унес цветок любви?
Хочу рассеять лирой
Напрасно грусть свою;
Забыть хочу утрату,
Нет сил; – я слезы лью,
Прошли очарованья
Беспечных юных дней!
Зефир, отдай мне ландыш
С веселостью моей;
В нем все мое блаженство,
В нем радости мои;
С ним был я прежде счастлив,
Отдай цветок любви.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ея Сиятельству графине
Н.И. Кут⟨ай⟩совой

Спешу исполнить ожиданье,
　Желали вы моих стихов;
Не гимн, не длинное посланье
　Я вам в альбом писать готов;
Но скромный ландыш посвящаю;
　Похвал я лестных не ищу;
Счастлив я тем, когда мечтаю,
　Что место в книжке получу.

МЕЧТА

Не ты ли утренней звездою
На своде неба голубом,
Ласкать сребряным лучом
Поля блестящею росою,
Безмолвно плавала над мною.
Не ты ль с вечерней тишиной
Мне втайне о любви твердила, –
Когда послушные ветрила
Зефир весенний волновал,
Когда на влаге усыпленной,
В ладье, туманом окруженной,
Я брег знакомый оставлял?
Не часто ль ты являлась мне
В златых мечтах и в пылком сне,
Как ангел, мира гость случайный,
И взор твой нежный и печальный
Немую грусть изображал?
Но где ты, милый Идеал,
В какой стране обетованной;
Ужель, о призрак столь желанный,
На *миг* ты небо покидал!
. . . .

С⟨ТЕПАНО⟩ВУ

Что ты свел глазки, Плутишка, – или Тебе уже завидна
Участь Т⟨итов⟩а, – вижу ты смотришь как звучный екзаметр
Скоро ложится пред ним на бумагу; – Ах! не завидуй!
Пусть Мнемозина льет щедро дары на любимца Фортуны,
Пусть он из чаши небесной пьет радость бессмертных,
Жителей горнего свода; – счастье нам здесь не надолго!
. . . .

ПЕЧАЛЬНАЯ

(*С немецкого*)

Зачем, скажи, так часто
Твой взор блестит слезой?
Зачем спешишь в долину
Вечернею порой?

Скажи, ужель сокрылась
Изменница-мечта?
Зачем не красит роза
Поблёкшие уста?

Не яростной ли бурей
Цветник разрушен твой?
Иль смерть отъяла друга
Холодною рукой?

Но завтра ландыш свежий
Украсит твой венок;
А грозный образ смерти
От нас скрывает рок.

Любовь, волною грусти
Я сердцем угадал,
Последний луч надежды
В груди твоей пропал.

Т⟨ИТОВ⟩У[1]

. . . .

В часы полуночи безмолвной
С подругой резвой и живой,
Увенчан розой полевой,
Он пьет бокал, шампанским полный,
Иль нимфы на устах прекрасной,
Певец счастливый, сладострастный
Вкушает счастье и любовь,
В нем юная пылает кровь,
По жилам пламень пробегает...
Но время с грозною косой
Меж тем на миг не засыпает.
Оно невидимо с собой
Минуты счастья увлекает.

. . . .

АДЕЛАИДА

Тихо сквозь листья ветвей древесных
Свет проникает в рощу волшебный.
Там, одинокий, странствует друг твой.
Аделаида!

В светлом потоке, в льдинах альпийских,
В ясном закате майской денницы,
В звездном сияньи вижу твой образ,
Аделаида!

Веет ли зефир в светлой аллее,
Дышит ли ландыш, скрытый цветами,
Шепчут ли волны, глас твой внимаю,
Аделаида!

Ах! и в могиле жизнь я не кончу,
Прах мой сокроют дикие розы,
В каждом листочке ясно мерцает
Аделаида!

К Ш⟨ЕВЫРЕ⟩ВУ

. . . .

На ложе счастья и любви
Ты радость жизни не вкушаешь,
И юности бесценной дни
Суровым музам посвящаешь.
Смотри, – стоит Амур в слезах,
Венок с главы своей срывает,
И с тихой горестью в очах
Свой лук и стрелы покидает.

. . . .

СИРЕНЬ

Под тению сирени,
Близ светлого ручья,
Любимец юных граций,
Уснул однажды я.
Зефир прохладой веял,
Ручей в цветах журчал,
Я спал, – и в сновиденье
Ерот ко мне предстал;
С колчаном за плечами,
В руках он лук держал,
И острыми стрелами
С усмешкой угрожал.
Смеялся я угрозе;
Ласкал его рукой,
Малютка притаился;
Но вдруг пронзил стрелой.
С тех пор душа тоскою
Томится ночь и день,
Когда ж вечерний сумрак
Прострет на небе тень;
Тогда, один, в печали
Сижу задумчив я,
Под тению сирени,
Близ светлого ручья.

К СТ⟨ЕПАНОВ⟩У

. . . .

Когда же дней моих теченье
Прервется паркой роковой,
Пусть хладный прах в уединенье
Она почтит одной слезой.
Тогда бесчувственный, безгласный,
В сырой могиле я вздохну,
Проснусь, чтоб видеть взор Прекрасной,
И снова навсегда усну.

. . . .

К С⟨ТЕПАНО⟩ВУ

Вообрази себе на камне, близ гробницы,
Невинность, грацию, всю прелесть юных лет,
Небесный огнь очей сквозь длинные ресницы
И розы на устах – ланит волшебный цвет.

Вообрази себе под розовою шляпкой
Небрежно локоны виющихся волос,
И взор таинственный, взор сердцу столько сладкий,
Который в грудь мою весь огнь любви принес.

Вообрази себе ты персей волнованье,
Стан легкой грации, шестнадцать с виду лет;
И гением своим дополни очертанье,
Прибавь все прелести, всё будет слаб портрет.

К СТ⟨ЕПАНОВ⟩У

О милый друг, она одна
В моем уме, в воображенье,
Лишь ею грудь моя полна,
И милый образ в сновиденье
Мелькает часто предо мной;
Проснусь ли – призрак исчезает;
Но все душе напоминает
О нимфе резвой и живой.
Я помню персей волнованье,
Небесный огнь в ее очах,
И легкий стан, и колебанье
Прелестных кудрей на плечах;
Я помню длинные ресницы,
Ее ланит волшебный цвет…
Увы, и глас моей цевницы
Одну любовь лишь издает.

ПЕСНЬ БАРДОВ

Герои вкусили из чаши кровавой,
И камень Тевтата[1] обеты приял.
О Римлянин! тщетно, обманутый славой,
Ты кольцы отчизне своей обещал!
Напрасно, победой не будет гордиться,
Цельт бегства не знает, – он грозен в боях.
Как мгла на долине пред ночью ложится,
Как ясное небо пред бурей мрачится,
Так мрачны их взоры блуждают в степях;
Озера их чуждой добычею полны,
Богам благодатным они отданы,
Там с плеском лобзают их светлые волны;
Но верные пали отчизны сыны.

Герои вкусили из чаши кровавой,
И камень Тевтата обеты приял,
Напрасно, о Цезарь! как дуб величавый
Ты ветви оружьем своим расстилал.
Шесть лет мы сражались в отчизне с тобою,
За веру, свободу сражались шесть лет!
Как утро блистает над дальней горою,
Как солнце играет над светлой струею,
Так сладко делили мы время побед;
Но храбрые пали, – и храбрых нет боле, –
Они отдыхают на злачных холмах,
Незнаемый камень – могила их в поле;
Но бард вдохновенный прославит их прах.

Герои из чаши кровавой вкусили,
И камень Тевтата обеты приял.

Но скоро мы тризну по храбрым свершили,
Победные лавры Цельт быстро познал,
Орлы преклонились пред мощной рукою,
И меч кровожадный врагов сокрушил.
Как утром несется туман над водою,
Как сумрак вечерний ложится грядою,
Так тени неслися из свежих могил,
И мщеньем отрадным их взоры пылали,
И радость являлась на бледных устах;

Уж ночь наступала; костры потухали;
И клики свободы исчезли в горах.

Герои из чаши кровавой вкусили,
И камень Тевтата обеты приял.

Мы спали! нас ночью враги окружили,
Напрасно глас трубный в дубраве звучал;
Напрасно! вождь цельтов! что стало с тобою.
Иль девы в объятьях ты славу забыл? –
Увы! близ Клермона, поникшей главою,
Мечтая о братьях, сраженных Судьбою,
Печальный, он слезы печальные лил:
Раздался звук трубный, знакомый со славой,
Дружину героев он скоро собрал;
Герои вкусили из чаши кровавой,
И камень Тевтата обеты приял.

НА СМЕРТЬ Б . . . . . А

Чей прах сей холм уединенный
 в себе сокрыл?
Никто и крест на нем священный
 не водрузил.
Никто печальный гроб цветами
 Не осыпал,
И в землю грустью и слезами
 Не провожал.
. . . .
. . . .

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

(*Соловей и Чиж*)

В прекрасный майский день, вечернею порою,
Когда денницы луч последний угасал,
И бледный свет Луны, всходящий над рекою,
Сквозь листья трепетно мерцал.
На ветке тополя, в унынье погруженный
Печальный Соловей сидел;
– Сосед, – воскликнул Чиж, молчаньем
удивленный, –
Я долго на тебя смотрел,
Никак узнать не мог; как ты переменился,
Скажи, что сделалось с тобой?
С минувшею весной
Ты будто вновь переродился.
Бывало пением дубраву наполнял,
И странник, зноем утомленный,
Твоей гармонией плененный,
Под тенью тополя усталость забывал,
И ветренный Зефир молчал,
И шумный бег ручей перерывал в долине,
А ныне,
Совсем другой ты стал;
Не слышен сладкий глас; откройся мне в печали,
Я в грусти поделюсь с тобой
Участья нежного слезой;
Смотри, как вечер тих, туманы с гор упали,
И полная луна плывет на небесах;
– Благодарю, мой друг, – ответствовал в слезах
Певец весенних дней, любви и наслаждений, –
Благодарю тебя за дружеский привет,

Я пел, лелеянный под кровом обольщений,
В тени густых древес; – на них уж листьев нет,
    Секира острая их зелени лишила;
Там я провел весну моих цветущих лет,
    Там будет и моя могила.

ОТРЫВОК ИЗ ЭПИТАЛАМЫ

(*Из Катулла*[1])

. . . .

Как юный цвет полей, родясь в тени безвестной,
Серпом не тронутый, в дали от тучных стад,
Питаемый росой, цветет в красе небесной,
И многих юношей и дев пеняет взгляд;
Усеченный жнеца безжалостной рукою,
Теряет красоту – и цвет его спадет,
К земле склоняется, и утренней порою,
Ни дев, ни юношей к себе не призовет,
Так дева юная мила для всех бывает;
Утратив нежный цвет невинности своей,
Уже ни юношей, ни дев не привлекает,
Гимен, младой Гимен, приди к нам Гименей!

УМИРАЮЩИЙ ПОЭТ

(*Элегия*)

Задумчивый сидел, над светлыми струями,
В тени дерев, певец младой;
Денница медленно скрывалась за холмами,
Вечерняя заря, пылая над водами,
В них рисовалася с волшебною красой.

Он пел: пылай, заря, вечерними лучами.
Безмолвные поля и холмы озаряй;
Мне, в цвете юности, должно расстаться с вами,
Долины мирные, отчизны милый край!

Приветствую тебя, поток уединенный,
Дубрава мрачная, где часто я блуждал,
Тебя, цветущий холм, и тополь наклоненный,
Где я протекшее в мечтах возобновлял.

Но смерти хладный мрак простерся надо мною,
И гаснет жизнь моя, как луч последний дня;
Наутро новый день воскреснет за горою,
И громкий глас его не воззовет меня.

Давно ли жизни в Океане,
На легкой я ладье летал;
Пред мной яснелся брег в тумане,
И ветр мой парус надувал;
Но счастие – обман минутный,
И беден тот, – на ветр попутный
Кто все надежды полагал.

Пловец неопытный, без весел и кормила,
Служу игралищем и ветров и валов;
С весною дней моих зовет меня могила.
Я сам навлек себе правдивый гнев богов.

И жребий мой решен, – и смерть перед очами
Решительный удар уже нанесть грозит;
Жестокосердая, смягчится ли мольбами?
И старца слабого, и юношу разит.

Как тень, как призрак сна мгновенный,
Так память дней моих пройдет;
Но глас цевницы вдохновенной
Ужель в потомство не прейдет!
Почто же, струны, вы звучали?
Безвестность вы себе стяжали,
Могильный мрак – награда вам!

А вы! которые со мною
Текли по жизненным путям,
Когда с вечерней тишиною
Ложатся тени по полям,
Украсьте лирой холм печальный,
Быть может, что зефир случайно
Коснется пламенным струнам,
Тогда прольется звук унылый,
Безмолвье вечера прервет,
И дева юная, блуждая близ могилы,
Тая дыхание, внимать ему придет.

Он пел... еще заря румяная пылала,
Последний свет ее на небе догорал,
Поля туманами природа облекала
И бедный юноша с денницей угасал.

СВИДАНЬЕ

Я пришел, лампада тлела,
Огонек едва мелькал;
Ты бледнела, ты краснела,
Я в восторгах утопал.
Сбрось с себя покров ревнивый,
Дай любви неторопливой
Миг блаженный бытия!..
Отчего ж рука твоя
Пояс девственный не смеет
С персей пламенных сорвать,
Взор угас, язык немеет,
Чувств не в силах выражать?
Отчего главой прекрасной
Мне на грудь склонилась ты?
Вижу образ сладострастный,
Нежных лилий красоты,
Слышу персей волнованье,
Уст пленительных дыханье,
Роз весенних аромат,
Насладимся, друг бесценный,
Дни блаженства пролетят,
В час грядущий, сокровенный,
Парки смертью нам грозят.
Там, в обители безмолвной.
В царстве мрака и теней,
Не придет восторгом полный
Друг стучаться у дверей.
Там прелестный час полночи
Незаметно протечет,
Хладный сон покроет очи
И денница не взойдет.

СТАРЕЦ

Быстро мчатся юны годы,
Как зефир весной,
Старость хладными крылами
Веет надо мной.
Я давно венец цветущий
Снял с главы своей.
И сказал: пора быть мудрым
Для преклонных дней.

Буду ль счастлив – неизвестно;
Ах! я счастлив был;
Утро дней моих сокрылось.
Я мечты забыл.
Огнь в глазах едва сверкает,
Меркнет жизни свет,
Я блаженством насладился
В цвете пылких лет.

Как ручей среди долины
Мчится с быстротой;
Так и время, невозвратно
Все взяло с собой!
Тщетно сладостных мгновений
Взором я искал!
Я смотрел; но в отдаленьи
След давно пропал.

РУЧЕЙ

Ручей! кристальною струею
Ты гибкий брег лобзаешь свой,
Журчишь, – пленяешь быстротою,
И образ юности златой
Являешь светлою волною.
Когда ж зефир спокойны воды
Подернет мелкою струей,
Когда цветущий вид природы
Затмится в них, – тогда с тобой
Сравню унылый жребий свой.
Промчались невозвратны годы
Беспечной юности моей! –
Катися медленно, ручей,
И жалобным своим журчаньем
Исполни сердце вспоминаньем
Тех благ, которых больше нет!
Как ты – один, от всех забвенный,
И я оставил шумный свет;
Шуми, ручей уединенный,
И зыбкий брег струей лобзай;
Журчи – и скромное теченье
В долине сей не прерывай,
И в сердце скорбное вливай:
Надежду, веру в Провиденье.

ОТРЫВОК ИЗ ТОМАС-МУРА

. . . .

Та песнь была
Для тех мила,
Кто грустных дней
В душе своей
Не находил,
Кто счастлив был,
Когда любил!

ИСЦЕЛЕНИЕ

(*Элегия 3*)

Ты тронулся ее усердною мольбой!
Всесильный, внял ее моленьям!
Давно ли гаснул я, прикованный судьбой
К одру страданий и томленья!
Давно ли!.. но теперь я снова радость пью,
Я снова к жизни воскресаю;
Волшебный огнь любви волнует грудь мою,
И я блаженство понимаю.

Как сладко, пробудясь от временного сна,
Меня приветствует природа;
Как радостно в брегах ласкается волна,
Какая в воздухе свобода!
Прелестный май везде прохладу льет,
Я слышу горлиц воркованья!
Страдальцу бедному и самый неба свод
Дарит душе воспоминанья.
Там, где шумит поток, венчанный тростником,
Где ивы тень свою склонили,
Туда в вечерний час, о милый друг, тайком
Мечтать мы часто приходили.
Там, на груди твоей, в любви я клятву дал.
Она в душе моей хранится;
Там первый поцелуй я пламенный сорвал,
И умирал, чтоб вновь родиться.

Жестокий рок меня страданьем посетил;
Уж смерть носилась надо мною,
Уж холодела кровь; но ты мой ангел был.

Ты к сердцу трепетной рукою
Страдальца юного прижала, вся в слезах;
Я с жизнью пил твое дыханье,
И сладкий поцелуй на розовых устах
Мне возвратил существованье.

ОТРЫВОК ИЗ 4-й ЭЛЕГИИ

. . . .

Я не забыл тебя, прелестный сон любви,
Вас, пылких дней очарованье!
Трепещет грудь моя, слабеет огнь в крови;
Но сердце хладное еще полно желанья.
Но я еще дышу мечтой протекших дней.
Туда и взор и мысль несется...

. . . .

* * *

О пылкий Лицидас, блистающий красой,
Как первый луч златой денницы,
Как роза нежная, рожденная весной,
Зачем ты вниз склонил ресницы;
Зачем твой милый взор слезою омрачен,
Уста безмолвны от печали.
И бледен цвет ланит, – ужель твой сладкий сон
Мечты коварные прервали,
И ты фантазии оставил светлый край,
Любовь, блаженство, наслажденья; –
Прелестный юноша! резвись, люби, играй:
Жизнь наша – призрак сновиденья!

ЭПИЛОГ

Узнал, узнал и я сей жизни сладость.
Твой поцелуй я сладостный сорвал!
Чего ж желать! – Пускай умчится младость,
Я осушил любви златой фиал.

Обман души, – мечты воображенья,
Как легкий сон вы скрылись от очей.
Молчат в груди безумные волненья,
Угаснул огнь пленительных страстей.

И я один, как странник утомленный,
К брегам родным привязываю челн,
Внимаю рев стихии разъяренной,
И не страшусь порыва грозных волн.

Счастлив стократ, кто пристани надежной,
Во цвете лет, без слез любви, достиг;
Кто в тишине любим подругой нежной,
Чья жизнь прошла, как светлый, быстрый миг.

Конец первой части

Часть вторая

Carmina vol caelo possunt
deducere lunam.
*Virg. Eclog. VIII. v. 69**

К С.... К....

Свидетель пылких наслаждений,
Пою очей привет немой,
Минуты сладких упоений
И вздох любви во тьме ночной.
Тебе звук пламенный цевницы
Я посвящаю, милый друг;
Быть может, ты прочтешь в досуг
Шутливой музы небылицы.
Чего желать мне в жизни сей! –
Твоим лобзаньем упоенный,
Я презираю блеск честей
И суд толпы непросвещенной.

* Песни-заклятия даже Луну низведут с небосвода. *Верг⟨илий⟩. Буколики VIII, 69.*

ЭЛЕГИЯ 5

Могу ль с тобой я ласками делиться,
Когда вся грудь наполнена тоской,
Когда душа печалию томится
И взор блестит горячею слезой.
Твой поцелуй в устах моих хладеет,
Восторг любви мою не движит кровь,
Язык без чувств прикованный немеет,
И я забыл минувшую любовь.

И я забыл минувшей жизни сладость,
Огонь любви в груди моей угас;
Как светлый миг, навек умчалась радость,
Уже ничто не может сблизить нас.
Как нежный плющ вкруг пня младого вьется,
Так я тебя в объятьях прижимал, –
Но все прошло, – лишь слабо сердце бьется; –
Так! я испил блаженства весь фиал.

1

(Из Антологии)

Кориза, равен тот с богами,
Кого, в безмолвии ночном,
Лобзает свежими устами,
Кому на грудь склонясь челом,
Любви волшебный огнь вливаешь.
Кого ты страстно обнимаешь
В восторге пылком и немом.

Тимоклей

ОТРЫВОК ИЗ ПЕРСИДСКОЙ ПЕСНИ. ЗАППИ

З ю л е й к а

О певец, Гатем прекрасный!
Пламень сердца мне воспой,
И в награду сладострастный
Поцелуй получишь мой.

Г а т е м

Сладким даром песнопенья
Я судьбой не наделен;
Но слова твои – веленья;
Для певца они закон.

Посмотри, как тихо веет
Майский, легкий ветерок,
Как приятно зеленеет
Развернувшийся листок.
. . . .
. . . .

2

(*Из Антологии*)

Отраден в знойный полдень
Для странника поток;
Пловцу, от грозной бури,
Цветущий островок.
Приятней несравненно
Летит свиданья час,
Когда, для счастья, снова
Любовь сближает нас.

ЗАЛИВ БАЙЯ БЛИЗ НЕАПОЛЯ

(*Из Ламартина*)

Взгляни, как тихо исчезает
У брега светлая волна!
Как зефир ветреный играет,
Струями влагу одевает,
Где ясная лазурь видна.
Взойдем в ладью – спокойны воды,
Денницы луч пылает в них;
Прекрасен вид немой Природы,
О Байя[1], на брегах твоих.

Бежит нас берег молчаливый,
Меж тем рукою боязливой
Ты правишь легкою ладьей,
На шумное весло согбенный,
В пространстве влаги возмущенной
Я пеню волны за собой.

Какой зефир прохладой веет!
Склонилось солнце в лоно вод,
День ясный тихо вечереет,
Царица ночи восстает.
При бледном месяца сияньи
Несется роз благоуханье,
И воздух ароматом полн;
Поднялся ветерок прибрежный
И с берегов льет запах нежный
На влажную поверхность волн.
Но звуки радости промчались
На шумном береге и волнах,

В единый глас они слиялись,
И эхо вторит их в горах.
Звездам свой челн не доверяя,
Рыбарь, ветрила собирая,
Встречает песнью мирный кров.
Меж тем, как юноши толпою
К нему бегут, манят с собою
Забыть усталость от трудов.

Но вечер сумрак разливает,
Темнеет грозный океан,
Знакомый берег исчезает,
Умолкнул шум – возлег туман.
В часы таинственных видений
Сидит задумчивости гений
Среди развалин и гробов,
Сидит, склонясь на камень хладный,
И взор свой устремляет жадный
На след промчавшихся веков.

Отчизна древняя героев и свободы!
Бессмертной славою гремевшая в веках,
Давно ль обильну дань несли тебе народы!
Где верные сыны? – Их нет, и ты в цепях*!
Но след протекшего в развалинах священный
Восторгом истинным певца воспламенит,
    Как храм, забвенью обреченный,
О падшем божестве и в прахе говорит.
Покойтесь тихим сном в обители безмолвной,
Вы, Рима древнего отважные сыны!
Бессмертье – ваш удел; но там, где шепчут волны,
И вьется плющ вокруг стены,
Туда зовет меня мой дух, мечтанья полный.

* Сие стихотворение написано в 1813. Ламарт⟨ин⟩. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Гораций[2], здесь уединенный,
В брегах, где Анио течет,
Играл на лире вдохновенной,
Забыв и двор, и шум забот;
Здесь, с умирающей денницей,
Младую Цинтию Проперций[3] ожидал,
Здесь о любви своей на пламенной цевнице
Неверной Делии Тибул[4] напоминал.
Там пристань мирная, где песнию волшебной
Гонимый Тасс смягчал суровый жребий свой[5],
Когда, покорствуя судьбе, ему враждебной,
Изгнанье преносил с бестрепетной душой.
В безмолвьи сих брегов он скоро жизнь кончает,
Воззванный славою, свой путь не довершил;
Венец бессмертия поэта убегает,
И поздний лавр его могилу осенил.

Долина Баия! обитель песнопенья!
О холм пленительный, любезный для певцов,
Песнь громкой радости, любви и наслажденья
Твоих задумчивых не огласит брегов.
    На них лежит рука забвенья,
И слышен там лишь томный шум валов
Иль пробужденный гул в долине разрушенья.

    Все время алчное с собою
    В полете гибельном влечет,
    И наша жизнь, как тень, пройдет,
    Как след, оставленный ладьею
    На лоне тихоструйных вод.

ТЕПЛЫЙ ИСТОЧНИК

(*Из Антологии*)

Под явором однажды
Лежал в дремоте сладкой
Киприды сын младой.

Вблизи его дымился
Едва горящий факел
У брега светлых вод.

“Взгляните, – вдруг сказала
Подругам миловидным
Одна из резвых нимф:

Взгляните, бог прелестный
Свой пламенник оставил,
Что сделаем мы с ним?”

“Потýшим; пусть прохладой
На время остудится
Страдальцев смертных грудь”.

И факел погрузили;
Тогда в одно слилися
И волны и любовь.

О милые наяды!
Вы сами ныне льете
Кипящий только жар.

МИГ ВОСТОРГА

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердца упоеньи
Внезапно взор встречаю твой;
Когда на грудь мою склоняешь
Чело, цветущее красой,
Когда в восторге обнимаешь...
– Тогда язык немеет мой;
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья,
Я забываю мир земной,
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и Парки[1] роковой.

⟨1822⟩

УВЕНЧАННЫЙ АМУР

(*Подражание. Из Антологии*)

Где твой лук, о мальчик милый,
Где светильник роковой,
Где оружье, тайной силой
Скорбь носящее с собой.
Крыльев нет, стоит смущенный,
Два венца в твоих руках,
И лежит венок лилейный
На каштановых власах.
Кто облек тебя, прелестный,
Очарованной красой.
Знай, о смертный: гость небесный;
Сын Любви, но не земной.
Я на миг надеждой сладкой
Не питаю смертный дух,
Не бегу от них украдкой,
Не следит за мной недуг;
Но волшебный пламень жизни
Разливаю в их сердцах.
Мысль стремлю к полям отчизны,
Там, в безбрежных небесах.
Там награда ожидает,
Всем стяжаниям конец;
На челе ⟨его⟩ сияет
Добродетели венец.

ЛЕИЛА

Леила, я с тобой – мечты не изменили;
Волшебный огнь любви мою волнует грудь,
"Люблю", – уста твои мне снова повторили.
Минуты счастия, Леила, не забудь.

Склонясь на грудь мою, безгласно от печали,
Слезой любви меня ты провожала в путь,
С невольным трепетом уста твои шептали:
"О пылкий юноша, Леилу не забудь!"

И я опять в стране любви и наслажденья,
Знакомый свод небес мне милой кровлей будь!
С тобой, Леила, пью восторги упоенья,
В моих объятиях земное все забудь!

МОГИЛА ЭДВИНА

Lugete, o Veneres Cupidinesque.
*Catul**

Где малютка милый, сердца утешенье,
Счастие Леилы?
В будущем надежды отнял невозвратно
Хладный мрак могилы.

Плач, Андиамена, хор прелестных граций
Слезы проливает,
Светлый ангел жизни с горестью безмолвной
Факел наклоняет.

Но вотще обеты, слезы и стенанья,
Их Едвин не слышит,
С жизнью расставаясь, и в объятьях смерти
Прелестью он дышит.

Милую улыбку на устах безмолвных
Смерть не истребила,
Ах, увидев жертву; с позднею слезою
К небу воспарила.

Там, где в тихий вечер, сквозь древесны листья
Свет луны мерцает,
Где ручей прозрачный, с шумом извиваясь,
Берег опеняет;

* Плачьте, о Купидоны и Венеры. *Катулл* (*лат.*).

Где зефир свивает с ландышей и лилий
Нежны ароматы,
Там его могила, там уснул навеки,
Ранней смертью взятый.

Там Амур безгласный, бросив лук и стрелы,
Урну обнимает,
Хладную могилу кипарис печальный
Тихо осеняет.

ОДИНОЧЕСТВО

Et tu ne pugna, virgo.
*Catul**

Леила, где твоя краса? –
Зачем так рано исчезает;
Что скорбью грудь твою стесняет,
Почто в очах блестит слеза
И небо втайне укоряет?
Где скрылась радость прежних лет,
Беспечность, резвые желанья,
Где счастье – лишь остался след
В немой тоске воспоминанья.
Ты познакомилась с мечтой,
Тебя задумчивость пленила,
Она печальный жребий твой
Приветом нежным усладила.
Она… но робкий взгляд очей,
Где нега томная сияет,
Но цвет ланит, где блеск лилей
Столь рано розы заменяет,
И скромность поступи твоей,
Все тайну сердца открывает.
Все говорит, что любишь ты,
К кому летят твои мечты,
Чье имя грудь твою волнует.
Кто нарушает твой покой
И в сумрак робкою стопою
К тебе подходит и целует?
– Никто, – повсюду тишина,
. . . .

* И не сопротивляйся, дева. *Катулл* (*лат.*).

Нет, мне понятен взор немой,
Понятны слезы и томленье
Любви, отверженной тобой.
Лишь свет трепещущий луна
Сквозь окна льет в твою обитель,
Что вижу я! – Амур немой,
Амур, отверженный тобой,
Твоей пустыни верный житель!
Амур в твоем уединенье
Тропинку темную сыскал.
Он в пылком сне тебя ласкал,
Он сердцу тайну доверял
Быть в одиночестве счастливой…

Уже покров с одра скользит,
Куда ж рука твоя спешит
Безвестной тайною стезею?
Коснулась персям, их красой
В волненьи чувств пренебрегнет,
Все дале, дале… цвет младой,
Обитель Грации достигнет!..
Остановись – храни цветок,
Залог небесный, несравненный,
Наступит время, грозный рок
Сорвет сей дар неоцененный…
Забудь коварные мечты,
Забудь преступные желанья,
И вновь счастлива будешь ты,
И вновь найдешь очарованья.
Забудь совет красноречивый
Всегда обманчивой любви
И миг блаженства торопливый
С невинной резвостью лови.
Пора беспечных дней пройдет,
Увянут розы наслажденья,
И пылкой юности мгновенья
Увы! ничто не принесет.

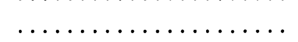
СТ⟨ЕПАНО⟩ВУ

Степанов, ветреный поэт,
Насмешник милый, остроумный,
Забудь любви своей предмет,
Бесплодной страсти огнь безумный;
Забудь отраду бывших дней,
Давно утраченную радость,
И поцелуев прежних сладость,
И счастье пламенных ночей.
Забудь измену ⟨*нрзб.*⟩
(Цветка волшебной красоты);
Поверь, найдешь веселье снова
И пылкой юности мечты.
Ты их найдешь; – еще сияет
Для нас заря прелестных лет
И нам в грядущем обещает
Блаженства лучшего привет.

МАЛЕНЬКОЕ СХОДСТВО

Она, как лилия, была,
Как роза, юная Леила,
Свежа́, как майский ветерок,
Нежна, как миртовый листок,
Как блеск зари между ветвей,
Все красота, все прелесть в ней!
В чертах любезных жизнь горит,
И все к пленительной манит,
И взор небесно-голубой
Ресниц под тонкой пеленой,
В них томной неги виден след;
И на устах любви привет
Еще невинной и немой,
И кудри стелятся волной
На стройных раменах у ней.
Один нескромный взгляд очей,
Одной улыбки смелой вид,
Все несравненную стыдит,
Все оживляет огнь ланит,
Горящих девственной красой.
На персях Грации младой
Прозрачной ткани тень скользит,
В них тайно жизнь заключена,
Их движет медленно она.

УМИРАЮЩАЯ

Во взорах ангельских огнь жизни погасал,
Лицо невинностью сияло,
В устах хладеющих глас сердца замирал
И все в ней прелестью дышало.

Все облекалося красою не земной,
Она мне Ангелом казалась,
За ней душа моя с смиренною мольбой
К пределам горним увлекалась.

НЕДОУМЕНИЕ

Скажи мне, отчего, когда твой взор встречаю,
Невольно трепещу, язык немеет мой,
Когда коснусь тебя, в восторгах утопаю,
Скажи, о М. тр. к въ, что сделалось со мной?
. . . .

НОВЫЙ АМУР

(*Из Антологии*)

Взгляните, как Амур сей мил,
Он озарен красой небесной,
Его нагим изобразил,
Без лука, стрел и легких крил,
Резец кудесника чудесный.
Лилею держит он в руках,
И миловидно на волнах
Дельфином резвым управляет,
Холодный мрамор жизнью полн,
Кто в нем владыку не узнает
Всех стран земных и грозных волн.

МИР ФАНТАЗИИ

Там негою веет вокруг ветерок,
Там шепчется с брегом сребристый поток,
Там светом волшебным денница горит,
Там все наслаждаться природой манит.

Там златом трепещет лимон на ветвях,
Там стелются класы в цветущих полях,
И жизнию дышит там грозд молодой,
И персик стыдливой пленяет красой.

Там вечное утро, безоблачный день,
Там длинные годы мелькают, как тень,
Там вечность ничтожна, там времени нет:
В сей мир вдохновенный стремится поэт.

К ДОРИСЕ

(*Из Антологии*)

Венец из свежих роз чело твое венчал,
    Одежда легкая небрежно волновалась,
Как обнимает мирт наполненный фиал,
    К Хараксу юному так нежно ты ласкалась.
И память дней твоих в Невкрете не умрет,
    Доколе Сафы песнь гремит под небесами,
Доколе гордый Нил с великим ⟨*нрзб.*⟩ несет
    Обилье чуждых стран, покорными волнами.

Павзидик

СОВЕТ (К ЛАИСЕ)

(*Из Парни*)

Sparge rosas.
*Hor.**

Только час полночи
Тихо прозвучит,
И ревнивцев очи
Сон обременит, –
Тенью незаметной
В уголок приветный
Я прокрадусь твой,
И спадут запоры
Тихо предо мной.
Ты откроешь взоры
Томные от сна,
Улыбнешься нежно
И рукою снежной
Обовьешь меня.
Миг очарованья!
Я твое дыханье,
Страстный, буду пить!
Но, мой друг стыдливый,
Сбрось покров ревнивый!
Чтоб милее быть,
В тайное свиданье,
В тишине ночной,
Будь всегда со мной
В легком одеянье
Грации младой.

* Рассыпь розы. *Гор⟨аций⟩* (*лат.*).

ИЗ ГЕРДЕРА[1]

Как драгоценный перл, волнами принесенный
На каменистый брег, из глубины морей,
Блистает пышностью, красой неоцененной;
Так чувства нежностью пленительны своей.
Но он является нам в блеске несравненном,
Когда в златом венце сияет красотой,
Иль в ожерелье драгоценном
Блистает на груди подруги молодой.

ВЕНОК

Тебе венок сей из лилей,
Блестящих снежной белизною,
Киприда, приношу с усердною мольбою:
Тронь сердце Делии моей.

Увы! жестокая любовью презирает
И даже те цветы с досадой обрывает,
Которые один, в безмолвии ночей,
Я тайно рассыпал вблизи ее дверей.

⟨1822⟩

АЛЬБОМ I

НОВЫЙ ГОД

Слетел сын Вечности прекрасной
Как Ангел дивной красотой,
В одной руке светильник ясный,
С алмазным зеркалом в другой.
Любовь в его открытом взоре,
Пылает жизнь в чертах лица,
И перед ним синеет море
Завесой дивной без конца.

Величественно, необъятно
И не колыхнется оно;
Там звуки есть; но все невнятно
В безмерности унесено.
Туда, в торжественном теченьи,
Стремится гордый сонм планет,
Осветит море, и в мгновенье
Теряет в мраке яркий свет.

Там нет борьбы – стихии в мире:
Огонь, вода текут равно
Быстрей, чем искры след в эфире.
Все жадно поглощает дно.
Планеты жизнь и жизнь пылинки,
Свет солнца, отблеск червяка –
Все, от гиганта до песчинки
Равняет дивная рука.

Но только светоч свой горящий
К волнам наклонит юный год,
Картиной яркой и блестящей

Поверхность моря восстает.
Ревет, клокочет снежной пеной,
Огнем кружится к облакам,
И древний мир – скелет Вселенной
Разоблачается очам.

На миг видение играет
И снова мрак и тишина;
Но в чистом зеркале сияет
Картина чудная, ясна;
И слышны в синеве далекой
Живые звуки голосов,
Заветы древности глубокой,
Преданья грозные веков.

Он внемлет их, восторга полный,
И радостным движеньем рук
Стремится, рвется через волны
Поймать утраченный им звук.
Но гаснет пламенник чудесный,
И звук замолк... Свой новый путь
Приемлет Гений в поднебесной,
Стеснив печаль в младую грудь.

* * *

С протекшим годом в час разлуки
Мы часто втайне слезы льем;
Мы говорим: такие звуки
Едва ль в грядущем мы найдем.
Минувшего заботы, горе
Для сердца кажутся милей,
Чем для пловца в открытом море
Ветрила легких кораблей.

1 января 1828. Москва

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “ДОН ЖУАН” л. БАЙРОНА

Песнь I

Как сладостно внимать в полночный час
 Над зыбью вод, луною серебренной,
Гондольщика Венецьи звучный глас
 И писк весла, волною принесенный;
Как сладостен блеск Веспера[1] для нас
 И ветерок, скользящий постепенно
С листа на лист; и радует навес
 Чрез Океан обгнувший свод небес.

Как сладостно внимать, как громко лает
 Домашний страж, встречая у ворот;
Приятно знать: там взор наш ожидает
 И радостный заблещет в наш приход;
Как сладко к сну ручей журча склоняет,
 Иль гонит сон трель жавронка с высот.
Шум пчел, глас дев, песнь соловья причинны,
 Язык детей: – их первый звук понятный.

Приятно зреть порою виноделья
 Как гроздья льют на землю пурпур свой,
Или тайком скрываться для безделья
 Под сенью кущ от суеты градской.
Скупцу глядеть на злато – верх веселья,
 Как для отца сын первенец родной.
Приятно мстить – для женщин особливо,
 Солдату крест, корсару приз счастливый.

Как сладостно наследство; но сильней
        Нас радует кончиною нежданной
Иль тетушка иль дядя без детей
        Лет в семьдесят, прельщенный нас издавна
И сундуком, и дачею своей,
        Всех при смерти, но без смерти желанной,
Виной того, что только за дверьми
        Как Жид уж нас тревожит векселями.

Как сладостно снискать венок лавровый,
        Что нужды в том, иль кровью, или пером;
Окончив брань иль разойтися снова
        Особенно с докучным языком;
Старинных вин иметь подвал готовый,
        Как сладко зреть несчастного, о ком
Пеклися мы; приятна мысль о школе,
        Где помнил все, а нас не помнят боле.

Но сладостней, чем это все стократ
        Часы любви, восторги первой страсти!
Как с дерева Познанья плод весь снят,
        У жизни мы уж боле не во власти –
Чем может льстить! –
        Что с сим грехом сравнится в сладострастьи!
Он тот огонь, который нам с небес
Снес Прометей и – не простил Зевес.

Январь 1828

ЧАС БЛАЖЕНСТВА

(*Арабский мауль*[1])

О чашник прекрасный,
Все вынеси мне,
Что в старой той бочке
Осталось на дне.
Широкие чаши
Искусно кругом
Расставь, и до края
Наполни вином.
Уж ночь наступила,
Вокруг тишина,
Волшебные звуки
Льет лютня одна.
Вечерняя гаснет
Звезда в вышине,
Жестокая стала
Нежнее ко мне.

Января 1826

РОЖДЕНИЕ ПЕРЛА

Степей полнощных дух могучий
Младую деву полюбил,
Для ней он радостные кущи
Ирана светлого забыл.

Чертог из пышного коралла
За поцелуй дарил он ей;
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"

Он приносил ей злата груды,
Он сыпал серебро горой,
Алмазы, яхонт, изумруды
Вокруг лил щедрою рукой.

Земля вся мускусом[1] дышала,
Алой[2] дымился перед ней;
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"

"Огнисты розы Суристана[3],
Но что пред милою оне!
В садах роскошных Индостана
Есть цвет, – он думал в тишине, –

Лишь взглянет, грусть в душе пропала,
Веселье в сердце", – с ним он к ней...
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"

В волнистом пологе тумана
Однажды утром дух грустил,
И на поверхность океана
Слезу блестящую сронил,

И та слеза вдруг перлом стала,
Каких не зрели средь зыбей!
Он к деве с ним. Она молчала,
Но с ней стал счастлив дух степей.

Прекрасны утренние розы,
    Когда на них заря горит;
Но вы, любви живые слезы, –
    Ваш блеск ничто не затемнит!

Как перл, на дне зыбей сокрытый,
    Вы льетесь сладостно в тиши, –
Как в перле блеск и нежность слиты,
    Так в вас все радости души!

Январь 1828

ДОЛГИ ЛЮБВИ

(*Арабский мауль*)

Твой глас приятней слух лелеет,
Чем лютни звук в тиши ночной,
В твоих устах мед чистый рдеет
И дышит сладостно алой!
Но пламень страсти презирая,
Всегда сурова ты ко мне.
Взгляни, как ветвь сия сухая,
Я гасну в грустной тишине,
Я гасну в муке ожиданий,
Уж стынет жизнь в моей крови.
Спеши ж, предмет моих желаний,
Мне заплатить долги любви.

Январь 1828

АЛЬМЕ

Уж подан знак; в кругу подруг краснея
Она встает – одежды все долой!
Мемфиса[1] ткань, чуть гибкий стан лелея,
    На ней скользит жемчужной бахромой,
Вот локоны, крыл ворона чернея,
    Рассыпались душистою волной
На шею, грудь, на мраморные плечи.
И полились гармоньей дивной речи.

Под голос флейт, звук труб и тамбурина,
    Под шумный лад игривых кастаньет,
То поплывет как пава лебедина,
    То вдруг стремит воздушный свой полет.
Как будто бы на крыльях ветра мчится,
    Чуть видит взор ее эфирный след,
Иль стройный стан, роскошно развивая,
Оно летит, в томленье неги тая.

След молнии – движений быстрота!
    Все живо в ней, все в ней любовью дышит,
Как пламенно зарделися уста,
    Огонь зари в ее ланитах пышет!
    Ревнивая завеса не снята,
        Но персей жар ее приметно движет,
Пленительно рисуя для очей
И круглость форм и облики грудей.

Что шаг, то блеск, то новая краса
    В ее чертах, в открытом, ясном взоре
Видна душа – светла, как небеса,
    Или темна, как голубое море.

Но миг один, и новы чудеса:
    Любовь и стыд в ней меж собою в споре.
Стыд побежден, забыт и робкий страх.
    Уж зыбкий смех разлился на устах.

Огонь ланит ярчее розы мая.
    Трепещет вся, в смятении живом,
Как древних лет Вакханка молодая,
    Безумная, вращается кругом,
Покровы рвет и в бешенстве, нагая,
    Исполнена незримым божеством.
Ее объял восторгов пламень дикий,
И чужды ей толпы и плеск и клики.

Январь 1828

УПРЕК

(*Арабский мауль*)

Как свеж огонь твоих ланит!
В прозрачной чаше так, играя,
Вино душистое кипит;
Агат в очах твоих горит,
Любовь в сердцах воспламеняя.
Пред нежной шеи белизной
Ничтожен перлов блеск живой!
Но с этой красотой чудесной
Тебе рассудок дан в удел, –
Ужель столь строгой, друг прелестный,
Ко мне он быть тебе велел?

Январь 1828

ХИОСЕЦ

Владел прекрасным замком я с блестящими зубцами
Сребро там с златом грудами хранилось за стенами.
Бывало на террасу я всходил неторопливо,
И все, что вкруг ни видел взор, мои то были нивы.
Имел жену я верную – залог любви прекрасный,
Жену – царицу прелестей, с душой как полдень ясный.
Имел я бодрых юношей – три сына в блеске цвета,
В их чистом взоре луч горел веселого рассвета,
И яркий день там виделся, и долгий и надежный;
Имел я дочь – для матери предмет заботы нежной:
Невзрослая, дитя еще, как розочка стыдливая,
Когда шипок свой в первый раз вскрывает боязливая.
А ныне что осталось мне? – Один, да меч булатный;
Но чувствую, я вновь богат, когда с отвагой ратной
Несуся я на варваров. Всё будто вновь со мною,
Когда тела турецкие вокруг меня горою
Накопятся высокою, как мести пир богатый;
Тогда упьюсь я радостью, забуду все утраты,
И над моим сокровищем безмолвный протянуся
И вдоволь я, и до смерти над ним повеселюся.

Января 1826

СЧАСТЛИВАЯ НОЧЬ

(*Арабский мауль*)

Стократ отдам я жизнь мою
За взгляд красавицы стыдливой,
Ко мне с улыбкой молчаливой
Представшей тихо в ночь сию,
В тот час, как тайною видений
Все чувства в нас упоены;
Когда и человек и Гений
В глубокий сон погружены.
О, как в восторге, в исступленьи
Я пылким взором к ней летел!
Как сердцем выразить хотел:
Проснися, дорого мгновенье!
Ее так часто ты винил
В бесчувственном пренебреженье,
Теперь черед твой наступил.
Она пришла, во взорах страстных
Вся роскошь девственной любви.
Скорее жатву с уст прекрасных
Лобзаний пламенных сорви.

Января 1828

СОН

Когда один, в безмолвьи тихой ночи,
Обвеян я зиждительной мечтой,
И гений сна мои смежает очи
Целебною забвения рукой,
Я вижу мир и светлый и чудесный!
Меня влечет фантазия моя
В тот край, где все в гармонии прелестной,
Где звучная песнь льется соловья.
Приветный шум зеленых пальм внимаю,
Под сенью их, при токе чистых струй
В палящий жар полдневный отдыхаю,
И сладостно, и с роскошью впиваю
Прохладного Зефира поцелуй.
Вокруг меня все полно аромата,
На всем горит волшебный жизни след:
Здесь апельсин сияет ярче злата,
Здесь сребряный миндаль роняет цвет;
Как дев уста – душистые гранады
Манят, блестя сквозь зыбкий свод миров;
Румяный грозд ласкает негой взгляды
Несорванным веселием пиров.
Здесь все огонь, все страстью смелой дышит,
Здесь северных не знают хладных дум;
Восторг любви в сердцах, как роза, пышет,
И мыслями сверкает свежий ум.

Но это сон; все кончит пробужденье,
Вняв утра глас, стирается мечта;
Лелей меня, волшебное виденье,
Как без тебя существенность пуста.

Январь 1828

ПОДРАЖАТЕЛИ

Из лука пущенна стрела
Пронзила своды эмпирея,
И, самолюбьем пламенея,
Упреком встретила орла:
“Смотри, как я взвилась высоко,
Быстрей тебя я вверх лечу
И выше, только захочу,
Так, что с земли невзвидит око!”
“Как мне судьба твоя жалка! –
Сказал орел; – чужие крылья,
Чужая мчит тебя рука
Под светозарны облака,
А вниз влечет свое бессилье”.

Февраль 1828

ПОМЕРАНЕЦ

Приляг под ароматной тенью,
Под зыбкий померанца свод!
Здесь все манит к успокоенью,
Здесь сердце сладко отдохнет.

На крыльях бабочки игривой
К тебе опустятся мечты,
Окружит рой их молчаливо
И призадумаешься ты.

Тебя обнимет тайный трепет,
Когда, счастливец, встретишь вновь
В них первый свой младенца лепет
И жизни первую любовь.

Но мыслью берегись заботной
Виденье милое прервать,
Быстрее пташки перелетной
Оно сверкнет – и не видать.

Лови поспешно миг текучий,
Нам настоящее дано!
Оно бежит, как дым летучий,
Как пеной бьющее вино!

Февраль 1828

ЗАГАДКА

Влюбился: целовал, свершил,
Достиг и сам любим прелестной…
Кто ж, как, и что, и с кем я был? –
Одной богине то известно.

Неизвестного

* * *

Цвет миндальный несравненней
Всех цветов в моих очах:
Первая весны улыбка
Он природы на устах.

Ибн Саад Талавера

ЗАРА

Когда весенний ветерок,
Порхая тихо меж ветвями,
Скользит с листочка на листок,
Не сладко ль веет он плодами?
Не так ли свеж он, как цветок?

Ручей, навесом серебристым
Бегущий в дол с крутых вершин,
Не полн ли отзывом душистым,
Объяв волной своей ясмин[1]?

И ты, о Зара молодая,
Чей гибкий стан с газелью схож,
Когда мне чашу наливая
С улыбкой милой подаешь,
Приемлет воздух ароматный
С прелестных уст твоих она,
Я мучусь жаждой непонятной,
Хотя душа упоена.

Неизвестный

ПРОЩАНЬЕ

Ты слезы льешь живой печали, –
Когда пробил разлуки час –
Они как жемчуг засияли
Из-под ресниц прелестных глаз.
Я также плачу в думе страстной,
Не перл, рубины лью с очей,
И наших слез ручей согласный,
Как ожерелье вкруг прекрасной
Обвилося груди твоей.
....

Альгаким[1] *(Халиф Испании)*

ТАЙНАЯ ДУМА

Она и плачет и смеется
И молчалива и грустна;
И речь ее рекою льется,
Вдруг остановится она –
В испуге вздрогнет, грудь забьется,
Какой-то думою полна.

Родных и ласки и угрозы
Для ней не милы, ей равны;
В ее щеках то пламень розы,
То яркость нежной белизны,
И часто градом льются слезы,
Невольным вздохом стеснены.

Недавно резвостью блистала
Она меж радостных подруг,
Теперь ей все печально стало –
Взор, полный прелести, потух,
На миг он вспыхнет как бывало,
Когда про что-то вспомнит вдруг,

И странны девы юной звуки,
Когда она, в тиши ночной,
Поет и простирает руки,
Целуя жадно мрак немой,
Как будто глас услышав муки
К ней близок кто-то не земной.

С ней слово молвите – так ясно
Она вам скромный даст ответ;
В ней все невинно-сладострастно,

Души прекрасной виден след.
Но думу разгадать напрасно –
Для ней ни слов, ни чувства нет.

Она участья не приемлет,
Непостижима для очей,
Призыву радости не внемлет –
Бежит, таится от людей –
И пылкой мыслью лишь объемлет
Один предмет тоски своей.

О скоро ль сей недуг минует,
– Нельзя ль цвет милый воскрешать?
И то, о чем она тоскует,
Прекрасной снова возвращать;
Она с печалью не свекует, –
Но чем же думу утолить!

Март 1828

УЖ ЭРИН БЛЕДНЕЕТ
(*Ирландская мелодия*)

Уж Эрин бледнеет, чуть видный очам;
Но ты где, мне Эрин, везде будет там.
Вдали мне отчизной всегда будет грудь,
И взгляд твой, друг милый, осветит мой путь.

В ужасные дебри, в ущелиях гор,
Где нас чужеземца не выследит взор,
Я скроюсь с Кулином*; вой бури в брега
Слабее, чем ярость и лютость врага.

Там в злато всмотрюся я кудрей твоих,
Скользящих над арфой, при звуках родных,
Там гордый Саксонец, холодный душой,
Ни струн не обрежет, ни кудри златой.

Июнь 1828

---

* В двадцать осьмой год царствования Генриха VIII (король Ирландии с 1541 г. – *Т.Г.*) издано было строгое постановление касательно обычаев и национальной одежды ирландцев, им было запрещено брить и стричь волосы выше ушей, запрещалось также носить *глиббы* и *кулины* (длинные локоны) на голове и отпускать на верхней губе род бороды, называемой crommeal.

Один из наших бардов сочинил песнь по этому случаю, в которой одна ирландская девушка отдает преимущество своему любезному Кулину (юноша с длинными локонами) перед всеми индейцами (англичанами) и теми, кто приняли одежду сих последних. Только голос этой песни дошел до нас; он вообще всеми любим. (Walker's Historical memoirs of Jrish Bards, стр. 134). Г. Вакер пишет также, что около этого времени были приняты строгие меры против ирландских менестрелей. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

КРАСАВИЦА НА МОСКОВСКИХ ИСКУССТВЕННЫХ ВОДАХ

Свежий сон

Ее потупленные очи
Дремотой легкою полны,
В них виден след последней ночи –
Все недоконченные сны.

Но ясно в них душа сияет,
Когда стыдливая она
Небрежно их приподнимает,
Как дума грустная томна.

Июнь 1828

СИЛЬФЫ[1]

Вьются резвы, кружатся
Ранней утра порой,
То на бабочке мчатся
Упиваться росой.
То на жука садятся
И шумят над водой.
Крик и песни повсюду
За игривой толпой,
Цвет их крыл изумруду
Не уступит красой.
Солнца луч засверкает –
Их толпа исчезает
С свежей утра росой;
Кто в тюльпан притаится,
Кто под мачеху-мать
Мотыльком серебрится.
Чуть дыша, шевелится,
Лист не смея поднять.
Иль под зыбкой лозою, –
В мягкой кроясь траве,
Чирикнет стрекозою
И юркнет в мураве.
Кто отыщет нахала? –
Как пойти по следам!
Смотришь здесь засияло,
Поглядишь, он уж там,
Прибаюкнул в лилее,
Будто сном крепким спит.
Ты рукой – он скорее
Ветерка улетит.

Но лишь вечер настанет,
Зной полудня спадет,
Он от сна мигом вспрянет,
Из листочка проглянет
И тотчас же в поход.
На шмелю разъезжает,
Тузит в спину, в бока,
Шмель жужжит и серчает,
Да не сбить седока.
Или к мошкам вотрется
В их толкущийся рой,
Как герой развернется
И летят все долой.
Или полный отваги
Он вдаль зеркальной влаги

....

Рыбку дразнит, хохочет.
Та схватить его хочет,
Схватить тень на листке.

Июнь 1828

ВОДЯНОЙ ДУХ

Не ходи к потоку –
Он шумит, бежит,
Там неподалеку
Водяной сторожит.
Он на дне золотом
Неприметен днем.

Солнце лишь к закату –
Он встает из реки,
Тяжелую пяту
Кладет на пески
И, луной озарен,
Погружается в сон.

До утра косматый
Там спокойно спит,
Рой духов крылатый
Вкруг него сторожит,
Чтоб случайно волна
Не встревожила сна.

Июль 1828

IF THOU 'IT BE MINE
"МОЕЙ БУДЬ, ДРУГ МИЛЫЙ..."

(*Ирландская мелодия*)

Будь только моею, тебе принесу я
Сокровища неба, земли и морей;
Чем думы прельщают, взор смертных чаруя,
Что в сладостных звуках надежды нежней –
Все, все будет наше, – моей будь, друг милый!

И думы – в истоке столь светлы и скрыты,
Как реки, что льются с небесных высот,
Сердца сберегут в нас; – коль дали облиты
Прохладною влагой тех свежих ручьев.
Цветы будут вечно – моей будь, друг милый!

Все это, и то ли создаст любви Гений
Тому, кто горам его сердце вдает,
Отчизну свою – род горных селений,
Низвесть может деву, где в счастье живет,
И сделай это, – моей будь, друг милый.

Март 1828

OH, BREATHE NOT HIS NAME...*
(*Ирландская мелодия*)

Не зовите его: пусть спит он в безмолвии,
Где хладный с бесчестьем сложен его прах;
Пусть слезы застынут на наших очах,
Как вечерня роса на его изголовье.

Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится,
Свежим дерном могила его обновится.
А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши,
Сохранят его память живей для души.

1826

* Не зовите его... (*ирл.*).

* * *

Что, если б встретилась мне ты –
Чрез много долгих лет разлуки,
Узнал ли б я твои черты,
И сердца пламенного звуки?

Нет, нет, в преступном забытьи
Не упрекнешь меня, друг милый;
Знакомый звук, черты твои
Мне будут верны до могилы.

Промчатся годы мимо нас,
Не раз весна весну заменит.
И, может быть, блеск ясных глаз
Покров задумчивый оденет.

Быть может, времени полет
Изменит цвет лица прекрасный,
И звук в устах твоих замрет,
Стесненный думою невластной;

Но сохранишь то ж чувство ты
В твоей слезе, как в час разлуки, –
И ясны будут мне черты
И изменившиеся звуки.

Март 1828

* * *

Ты видел ли, как роза блещет,
Когда, полураскрыв шипок,
На ней роса еще трепещет,
Скатясь, как яхонт, на листок?
Вкруг ветерок чуть слышно веет,
Роскошно нежа милой грудь;
Пчела кружится и не смеет
На лоно девственной прильнуть.

Ты видел ли печаль девицы,
Когда, в весне прекрасных дней,
Невольно на ее ресницы
Сбегают слезы из очей?
Вокруг нее все страстью дышит,
Но, безутешная, она
Речей приветливых не слышит,
И молчалива, и грустна.

Как роза, красотой алея,
Она для счастья умерла:
Холодным ласкам Гименея
Судьба цвет нежный обрекла.
Все в ней пылает думой страстной;
Но мысль напрасно не чаруй:
Не развернул души прекрасной
Любви забытый поцелуй.

11 мая 1828

ЖЕЛАНИЕ

Как гордый кедр над легкой тучей
Я вознесу мое чело,
Чтоб пыли до меня летучей
Земных забот не донесло.
Кропимый горнею росою
При тихом отблеске лучей,
Я утомленною главою
Спокоюсь вчуже от людей.

Март 1828

ОДНОДНЕВНАЯ РОЗА

Что ни день, то розой новой
Розан мой меня дарит:
Ранним утром пурпуровый
Уж шипок на нем горит, –
И лишь солнце выше, выше
Востекает в небосвод,
Как дитя, смеясь, он дышит
И смелей пеленки рвет,
Осенит ли полдень знойный,
И, столистная, она
Улыбнулась в неге томной,
Свежей прелестью полна.
Близ нее в восторгах стонет
Сладкозвучный соловей,
Пчелка в ароматах тонет,
Опустившись в лоно к ней;
Но с вечерними тенями
Нет в ней прежней красоты –
Полубледными цветами
Чуть блестят ее листы.
Наклонясь главой усталой
Под вечернею росой,
В землю цвет роняет алый,
Аромат утратив свой.
Розы день – краса девицы –
В утро жизни взор манит,
Краткий миг лови денницы –
Быстро вечер прилетит.

31 мая 1828

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ

Ты слышал ли, в дали небесной
Как звучно жавронок поет?
Как от земли, восторгам тесной,
Стремит он к небу свой полет?

Кружася, песнь легко заводит,
Трель продробит и смолкнет вдруг.
Певца взор ищет – не находит,
Но долго песнь лелеет слух.

Ты зрел ли, с высоты крутистой
Как льется шумно водопад,
Как в каждой капле серебристой
Оттенки радуги горят?

Окрестный берег воет, стонет –
Пар снежный вьется в вышине –
Ты далеко – а глаз твой тонет
Еще в сверкающей волне.

Понял ли девы пламень страстной,
И огнь ланит, и томность глаз,
Когда застенчиво, неясно
Люблю промолвит в первый раз?

Огонь сей душу пламенеет, –
Он для очей неуловим,
Он слаще песни грудь лелеет,
Он ярче волн в душе храним!

Май 1828

ЮНОША-ПЕВЕЦ

(*Ирландская мелодия Мура*)

На брань устремился певец молодой,
Где гибель – там стал меж рядами;
Он меч опоясал отца боевой,
И арфа висит за плечами.
“Край песней! ты сведал измену людей, –
Воскликнул герой величавый, –
Один только меч для защиты твоей,
Одна только арфа для славы!”

Певец низложен был; оковы врагов
Не смяли дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит средь пиров,
На ней перервал он все струны;
“В цепях ты не будешь, – сказал ей певец, –
Ты – эхо живых вдохновений!
Твой звук был для чистых, свободных сердец,
Рабам не внимать песнопений!”

Сентябрь 1826

ADIÉU C.

Не для меня прелестной очи
Блистали дивною красой;
Они как звезды тихой ночи
Для всех на тверди голубой
Равно горят, равно манят.

Не для меня уста младые
Улыбкой нежною полны,
И эти волосы густые
Искусно в кольцы сплетены.
Ах, в кольцах тех, силок для всех.

И до меня и после будет
Прелестный лик других пленять;
Но сердце долго не забудет
Кого так льстилося понять.
Ах, память та, с душой слита.

15 августа 1828. Троицкое

ПОСЕЛЯНКА

Она простая дочь природы;
Но как мила, но как мила!
В очах прелестный огнь свободы,
Душа так ясно весела.

Блеск розы – наслажденье взгляда,
На губках милой не горит;
В них дышит свежая гренада,
В них аромат и нектар слит.

Как томно очи голубые
Она возводит от земли,
Как пышно локоны льняные
Роскошны плечи обвили!

Какая нега в стане стройном,
Как сельский мил у ней язык;
К ней все влечет, влечет невольно,
И победить ей нужен – миг.

Кто избежит от чаровницы,
Как сердце втайне сбережет,
Когда она, подняв ресницы,
Очами гордо поведет?

Иль, сбросив легких кудрей волны
С чела небрежною рукой,
Улыбкой, наслажденья полной,
Приветит с скромностью немой.

Так в час рассвета молчаливый,
Сквозь дымку легких облаков,
День улыбается игривый,
Таинствен, полный чудных снов.

Сентябрь 1828. Троицкое

“Я ПОМНЮ ВСЁ...”

Ты помнишь ли минуты ликованья,
Когда для нас так быстро дни неслись,
Когда ты ждал в любви моей признанья
И верным быть уста твои клялись?
Ты мне внимал; довольный, восхищенный,
Считал себя блаженным на земли!
Каких мне жертв не нес ты упоенный...
Я помню всё; но ты, ты помнишь ли?

Ты помнишь ли тот взгляд красноречивый,
Который мне любовь твою открыл?
Он в будущем мне был залог счастливый –
Он страстью вдруг меня воспламенил.
В тот светлый миг одной улыбкой смела
Надежду я родить в твоей груди...
Какую власть я над тобой имела!..
Я помню всё; но ты, ты помнишь ли?

Ты помнишь ли день празднества блестящий,
Как с умыслом сронила я цветы,
К ним бросившись, свой поцелуй горящий
Напечатлел на них в восторге ты,
Вручая мне, в моих очах так ясно
Мою любовь глаза твои прочли...
Обет был дан... о как пылал ты страстью!..
Я помню всё; но ты, ты помнишь ли?

Ты помнишь ли, когда в уединеньи
Я столько раз с заботою немой
Тебя ждала, завидя в отдаленьи,
Как билась грудь от радости живой?

Ты помнишь ли, как в робости невольной
Тебе кольцо я отдала с руки?
Как счастьем я твоим была довольна?
Я помню всё; но ты, ты помнишь ли?

Ты помнишь ли тот час, когда в молчаньи
Блуждали мы в саду рука с рукой?
Когда наш путь мерцающим сияньем
С высот небес был озарен луной?
Ты помнишь ли звук арфы отдаленной,
Друг к другу нас восторги как влекли?..
Твоя любовь казалась неизменной…
Я помню всё; но ты, ты помнишь ли?

Ты помнишь ли, вечерними часами,
Как в неснях мне страсть выразить умел?
Ты помнишь ли ночь яркую звездами?
Ты помнишь ли, как ты в восторге млел?
Я слезы лью, о прошлом грудь тоскует;
Но хладен ты, и сердцем уж вдали!..
Тебя тех дней блаженство не чарует…
Я помню всё; но ты, ты помнишь ли?

Москва. 1828. Май

СТАНСЫ

1

Там, где Сура[1], где ясен свод небес,
Где от брегов прохладой сладко веет,
Где на горах шумит зеленый лес
И ярко день осенний вечереет,
Где весело обширный дом стоит,
Глядя на сад, природою развитый,
Туда меня мечта моя манит,
С тем краем все поэта думы слиты.

2

Не блеск небес, не ропот Сурских волн,
Не темный лес манит меня отрадой;
Я зрел моря, восторгом дивным полн,
Дубрав знаком я с свежею прохладой,
И дом, и сад не новы для очей;
Что ж так влечет, что втайне дух волнует? –
Там я в тиши не многих знал людей;
Но мысль о них невольно грудь чарует.

3

Любезный круг, радушная семья!
Там блещет все добротою старинной;
Обласкан был в тиши гостеприимной.
Б⟨екетовы⟩[2], могу ли вас забыть,
Признательным к вам чувством в сердце полный!
Нет, в памяти я буду век хранить
Ваш темный лес и ваши Сурски волны.

4

Но в тихий час, когда взойдет луна,
Облив сребром поля, реку и горы,
В моих мечтах рисуется *она*,
К кому всегда летят душа и взоры.
Минувшее, как вероломный друг,
Мне дорого еще воспоминаньем,
И мысль о *ней*, рождая слезы, вдруг
Встревожит грудь живым очарованьем.

1828–1829

ОНА

Она добра, она мила.
Неоцененное творенье!
Природа ей в удел дала
Всех дум высоких упоенье!
Всмотрись в лазурь ее очей:
Какая прелесть в томных влита!
Послушай звук ее речей,
В ее словах душа открыта!

Она тиха, она скромна
Без принужденного искусства!
Еще дитя; но так умна;
Но ум ее так полон чувства.

Сентябрь 1826. Троицкое

НЕСБЫТОЧНОЕ

(*Сонет*)

Зачем желать… чему так сбыться трудно,
Покой души напрасно возмущать;
Чего искать, быть может, безрассудно,
Но, видев раз, нельзя не обожать.

Так млечный перл блестит красою чудной
На дне морском; но как его достать?
Чуть брезжит луч в пучине изумрудной;
Взбежит волна – и света не видать.

Как много звезд на небе есть прекрасных;
Но есть одна любимица души!
Она горит в лучах так томно-ясных,
И как лучи небесной хороши!
С ней ночь и день не свел очей бы страстных.
Но далеко до ней в земной тиши!

Сентябрь 1828. Троицкое

НОВЫЙ ГОД

Куда как свет переменился,
Горазд на выдумки народ!
Что в день теперь он научился
На то был нужен прежде год.
Но что ж! умней ли люди стали
И лучше ль мир теперь идет? –
Всю пляшем жизнь; а встарь плясали
Лишь раз в году под новый год.

Нет, старики мудрей нас были, –
Твердит вздыхаючи Федот, –
Они в свет жен не вывозили,
И то однажды разве в год.
Кузнецкий мост, где рыщут дамы,
Адамов всех с ума сведет,
И Евы стали так упрямы
Уж чересчур на Новый год.

Зато в старушках перемену
И дальновидный не найдет,
Всмотрись-ка в бабушку Елену
И угадай, который год?
Она и ест и видит худо;
Но зубы все наперечет,
И признаюся, вот в чем чудо:
Моложе годом в Новый год.

Бывало только придут святки –
Девица к зеркалу идет,
Засветит по бокам огарки
И смотрит, что пошлет ей год.

А ныне боле не гадают,
Не ждут проезжих у ворот,
И с робким шепотом вздыхают:
Ну, хоть бы в этот Новый год.

Служители слепой Фемиды
Делам дать знают оборот,
На них простее (?) разны виды
И мудренее каждый год.
Весы для них склонить не трудно,
И не додать и дать поход.
Зато живут, толстеют чудно;
Им что ни день так Новый год!

Писать хоть предки не любили;
Но знали свой приход, расход;
А ныне смотришь: водевили
Три на день ровно круглый год.
Но спросят: в барыше ли сцена
И больше ль публики идет? –
Нет, горько плачет Мельпомена.
Для ней не нов и Новый год.

У нас поэты цеховые
Теперь взялися за расчет;
Журналы стали боевые
И альманахов бездна в год,
Зато наверно просвещенья
Теперь уж всякий наберет: –
Да, толще стали сочиненья,
А пользу скажет Новый год.

Дурачества проходят лета,
Под старость ум, твердят, придет;
Я помню раз читал газеты,
И не было на Новый год.

Но глупостей на свете много,
Их всех никто не перечтет;
Молчу, чтоб не судили строго
Моих стихов под Новый год.

31 декабря 1826. Москва

ОЧАРОВАНИЕ

И ненавижу и люблю.
И каждый миг о ней мечтаю;
То с мрачной злобой проклинаю,
То сердцем тронутым молю,
Браню и слезы проливаю.
Огонь с водою; ночь и день
Не столь различны меж собою,
Как мы и мыслью и душою;
Но я за ней брожу как тень!
Влекомый силой не земною.

Видали ль вы средь высоты
Сиянье радуги небесной?
Как слиты в ней цвета чудесно
И все различные цветы;
И как горят они прелестно!

Не тмится ль часто неба свод
Седою тучей громовою,
И льется молния рекою;
Но ветер тучу разнесет
И веет жизнью молодою.

Май 1828. Москва

К А.О.

Ты весела; меня снедает скука,
Меня томит и ночь и день тоска;
Еще для нас не кончилась разлука;
Но ты душой и мыслью мне близка.

ОЧИ ЛЮБВИ

(*Из Греческой антологии*)

Зачем глядишь на сонм светил! –
Будь я блестящей сферой тою,
Я звезды б в очи претворил
И любовался бы тобою.

Платон

КОРИЗЕ

(Из Греческой антологии)

Кориза, равен тот с богами,
Кого в безмолвии ночном
Лобзаешь свежими устами,
Кому на грудь склонясь челом
Волшебный огнь любви вливаешь,
Кого ты страстно обнимаешь
В восторге пылком и живом.

1827

ПОТЕРЯННАЯ ЛЮБОВЬ

Когда из цепи жизни юной
Судьба звено любви сорвет,
И скорбь холодной, томной думой
Чело страдальца обовьет, –
Стеснив в груди живые пени,
Без ропота на жребий свой,
Блуждать он станет в виде тени,
Затерянный в толпе земной; –
Он втайне жаркими слезами
Оплачет рушенный кумир;
Свою любовь, с ее мечтами,
Свой вдохновенный, светлый мир;
Ему отдаст он в жертву радость,
Весь рой надежд, чем льстила даль,
И резвую сменяет младость
На молчаливую печаль.

8 апреля 1827. Москва

ТРИ РОЗЫ

Прекрасен мой цветник чудесный,
Три розы расцветают в нем:
Одна, как девы лик прелестный,
Пылает нежным багрецом;
Другая листья распуская,
Волшебным пурпуром горит,
И, как царица молодая,
На все с улыбкою глядит.
Но третья роза одинока,
Цветет печальна и бледна,
Для ней без жизни луч Востока,
Она весь день в объятьях сна,
Но в час таинственный заката,
Когда спадает солнца жар,
Она в отливе тонком злата
Сквозь вечера душистый пар
Листочки скромно развивает
И влагой девственной росы
С восторгом неги освежает
Свои стыдливые красы.
Вокруг нее прохлада веет,
И упоенный соловей,
К ее листам приникнув, млеет
И до утра поет над ней.

Люблю две розы огневые:
Их цвет напоминает мне
Мечты и радости живые,
Любовь – мгновенну, как оне;
Но третья роза мне милее.
Без пурпурового огня,

Она день ото дня свежее,
И *память сердца с ней* вернее,
Закат нам жизненного дня.

2 июля 1827. Троицкое

* * *

Я много видел лиц прекрасных
Средь шума светской суеты;
Но не встречал очей столь ясных,
Ни столь небесные черты.

Я много слышал звуков страстных,
Наречий пылкой красоты,
Но звуки, что над мной не властны;
Лишь мне "люблю" сказала ты.

Твоя свежа, как утро, младость
И чисты все твои мечты,
Обворожительна, как радость,
Когда задумаешься ты.

Январь 1828

ЭЛЕОНОРЕ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ
(*Из Парни*)

О милый друг, ты наконец узнала
Привет любви, прелестный и немой,
Его боялась ты и пламенно желала,
Им наслаждаясь, трепетала, –
Скажи, что страшного влечет он за собой?
Приятное в душе воспоминанье,
Минутный вздох и новое желанье,
И новость страсти молодой,
Уже свой роза блеск сливает
С твоею бледностью лилейною ланит,
В очах пленительных суровость исчезает
И нега томная горит...
Смелее дышит грудь под легкой пеленою,
Накрытой матери рукой;
Любовь придет своей чредою
И лаской резвой и живою
Расстроит вновь убор вечернею порой!
Тебе улыбка изменила,
Прошла беспечность прежних дней,
И томность нежная их место заступила;
Но ты прелестней и милей!
Ты пылкую любовь и тайной неги сладость
Узнала пламенной душой
И резвую сдружила младость
И своей задумчивой мечтой.

1821

ЧУДЕСНЫЙ ОХОТНИК

Как мил охотник мой прекрасный,
Как все прелестно, живо в нем;
Он без ружья; но с ним опасно
Средь поля встретиться вдвоем.

В его патронах ни заряда.
С ним дроби, пулей также нет;
Но он волшебной силой взгляда
Птиц может удержать полет;

Под небом ли сокол летает,
Иль тихо в воздухе плывет, –
Он бросит взгляд, и смелый тает,
Без чувств у ног его падет.

Но он имеет дар чудесный
Улыбкой снова жизнь дарить;
На щечках, в ямочки прелестной
Любовь чары умела влить.

До птички нежными устами
Едва лишь прикоснется он,
Вспорхнет полмертвая крылами
И вдруг взовьется в небосклон.

И песнь ее вдали свободно
Так звонко в воздухе гремит!..
Как мил охотник бесподобный,
Как поцелуй его живит!

5 января 1829

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ "ДОН ЖУАН" л. БАЙРОНА

Песнь II

Средь сей толпы ужасной два отца
С двумя детьми своими вместе были:
Сын одного был мужествен с лица.
    Но ране слег; когда же известили
    Родившего, что час пробил конца,
Он отвечал: "Так небеса судили!
    Что я могу!" – без слез, бесчувстья полн,
    Смотрел, как сын повержен был средь волн.

Другого сын слабейший оставался
Как первый цвет, прелестней дней в весне;
Он все сносил, и жребий свой старался
С терпеньем крыть в сердечной глубине;
Всегда молчал, иль редко улыбался,
    Чтоб грусть прогнать, которую вполне
В очах отца читал он, полных муки
При помысле о близкой их разлуке.

Над ним склонясь, очей не отводя,
Скорбел отец, стирая накипь пены
С поблекших уст, на милый лик глядя;
    Когда же дождь ударил вожделенный,
В его уста, он капельки дождя
С одежды вжал; и влагой оживленный
Взор юноши потусклый вспыхнул вмиг,
На краткий миг, – напрасно: он затих.

И умер он; но долго труп любезный
    В своих руках держал еще отец,

Все мнил, что жив, в надежде бесполезной...
Когда ж на грудь пал мертвый, как свинец,
Он отдал труп, следя его над бездной,
    Доколь в волнах не скрылся наконец.
Потом упал, безмолвный, в содроганьи,
    Являя жизнь лишь членов в трепетаньи.

Июнь 1828. Москва

ТАНТАЛ

О как мила, резва, прекрасна!
Какой огонь в очах, в речах!
Как в ней улыбка сладострастна,
Как вьются кудри на плечах!
Лишь бросит взгляд – огнь в сердце кинет,
Желаньем пылким грудь полна;
Но кто восторг души обымет,
Когда лобзанье даст она?

О не томи мечтою страстной,
Несбыточен мой будет сон!
Лишь грудь взволнуется напрасно –
На миг я буду упоен.
И, пробудясь во мраке ночи,
Встревожен, пылкий, весь горя,
Искать я тщетно буду очи,
Где мне зажглась любви заря.

15 января 1829

В АЛЬБОМ М.П.К.

Любовь зовет ее *прелестной,*
Но дружба *доброй* нарекла;
Из двух имен одно ей лестно, –
Она последнее взяла;
Любовь пройдет как сон чудесный,
Но дружба будет как была.

Несчастье быстро исчезает,
В том крае, где она живет,
Она, как солнце, озаряет,
И все вокруг нее цветет,
Она слезу вдовиц стирает,
А взглядом бедным жизнь дает.

Согбенных дряхлыми годами
Под тихий кров приемлет свой;
Приветом, кротостью, дарами,
Участья искренней слезой
Всем делится; – меж сиротами,
Как мать, как ангел неземной.

Но отчего в младые леты
Ее душа тоски полна;
Не сладки ей друзей приветы
И втайне слезы льет она?
Так скорбью все черты одеты? –
Об милом всё грустит она.
В далекий край, к войне кровавой
Он за отчизну увлечен;
О не грусти ж! зачем отравой

Смущать прекрасный жизни сон?..
Любимый друг вернется с славой
И снова счастлив будет он.

Я слышал песни Трубадура,
Когда он, вдохновенный, пел
При токе светлых вод Адура,
Где пальм зеленый лес шумел.
Я слышал, – и мечтой призывной
Переносился к той стране,
Где в тишине гостеприимной
Подобный лик являлся мне.

14 января 1829

МОДЕСТУ

Что так Модеста дух тревожит?
Чего он так страшиться может?
Он Трубадура разлюбил,
Эмилев[1] дар ему не мил,
Боязнь здесь вовсе не у места...
Какую б жертву для Модеста
Эмиль в восторге не принес.
И дружбе ль быть виною слез?..

Другое чувство во Вселенной
Всех бед причиной и страшит:
Оно как огнь сожжет мгновенно
И жизнь потом оледенит.
Оно-то Егеря пугает;
Но есть всему, всему предел,
Его л... называют,
А дружбу взял Эмиль в удел.

Зачем тревожиться напрасно.
Спокойся, милый, нежный друг,
В тебе все живо и прекрасно;
И тщетный страх томит твой дух.
Что будет – скрыто перед нами
Под непрозрачной пеленой;
Нас дружба осенит крылами
И твой Эмиль все будет твой.

Генварь

К СИЛЬФУ

Сойди ко мне,
Крылатый дух,
И в сладком сне
Отвей недуг
С моей груди
Пылающей.

1828

АРАВИЙСКИЙ КОНЬ

Степей Аравийских я видел коня:
Без всадника мчался он в поле;
Летел быстроногий, взор полон огня,
И грива взвивалась по воле.
Пар дымный клубился с горящих ноздрей,
Чернее был ночи питомец степей.

Он с жадностью утренний воздух глотал,
Главу к небесам воздымая.
Свободный и гордый, он радостно ржал,
Пернатых на спор вызывая,
Кто бегом, полетом его упредит?..
И слышен далеко был топот копыт.

Свой след застилал он широким хвостом,
И землю взрывал под собою;
От ржания степь содрогалась кругом –
Он тучей бежал громовою;
Так вихрем несется Симун[1] грозовой,
Ревущий, палящий, одеянный мглой.

30 января 1827

ВТОРОЕ ЯНВАРЯ

Прекрасно утро, как, алея,
Пылает майская заря;
Но мне приятнее, милее
Мое *второе* января.

Я помню день, когда так сладко,
Язы́ком дружбы говоря,
Мне было сказано украдкой
"Вас ждем *второго* января".

Когда, когда сей день настанет,
Мечтал я, пламенем горя,
Когда мне грустному проглянет
Мое *второе* января.

И день настал; под кровом ночи,
Как птица легкая паря,
Прелестные я встретил очи
В мое *второе* января.

Я видел щечки огневые,
Где скрыт амур, стрелу остря,
Я слышал звуки неземные,
Всё в ночь *второго* января.

Она была, как день прекрасна,
Наряд Фрейшица[1] изберя;
И без ружья; но страх опасна!
Краса *второго* января.

Не долго длилось ликованье;
Меня там не нашла заря;
Но у меня в воспоминанье
Кольцо *второго* января.

Оно не золотом мне мило,
Не камень в нем блестит горя:
В нем бирюзою сердце слило
Мечты *второго* января.

Ах, то кольцо носить я буду,
Преплыв далекие моря[2];
И вечно, вечно не забуду,
Мое *второе* января.

1829

К НЕЙ

Прелестный друг, на долгую разлуку
Теперь с тобой расстаться должен я!
Души моей постичь ты ль можешь муку?..
Нет, нет, тебе чужда тоска моя!
Он не придет – желанный час свиданья!
Когда, когда тебя увижу вновь?..
Моей груди что исцелит страданья?
На ней лежит тоска воспоминанья
И – безответная любовь.

17 января 1829

ДРЕМЛЮЩАЯ ДРИАДА[1]

Чело прелестное и негой полный взгляд,
Невинной грации ланиты,
Улыбка на устах, блестящих перлов ряд
И локон сей полуразвитый,
Лежащий на груди твоей:
Все, все меня обворожает!..
Как сладко дремлешь ты под сводом сих ветвей,
Где с тихим ропотом ручей
В цветах чуть видимый сверкает!..
Но мысль ревнивая смущает разум мой;
Проснись, прекрасная! страшись... нескромны взгляды!..
Быть может, дерзкий фавн[2] вечернею порой
Придет на шум ручья, чтоб отдохнуть душой
В объятьях дремлющей дриады.

1827. Москва

ГУСЛИ ДАВИДА

Власы всхолмившися стоят,
Из уст дрожащих скрежет слышен;
То страшно бродит мутный взгляд,
То, стекловидный, неподвижен.
Поникнув гордою главой,
Сидит Саул мрачнее ночи.
Вельможи вкруг стоят толпой,
Возвесть к царю не смея очи.

Какой сковал его недуг?
Ужасны темные виденья;
Его терзает злобный дух
И слышен хохот исступленья:
Холодный пот с чела бежит
На щеки бледны, помертвелы:
Он хочет вскрикнуть; но дрожит
Язык, в устах оледенелый.

Печален царственный чертог;
Умолк глас дев и звук тимпана;
Но вот переступил порог
Беспечный друг Ионафана[1].
Златые кудри на плечах,
Глаза как волны голубые;
Коснулся гуслям – и в устах
Родились песни неземные.

"Младой, я пас стада отца,
Меньшой меж братьями моими.
Невинный, я молил Творца,
И он вознес меня над ними.

Под неискусною рукой
Орга́н легко образовался;
Я пел... и к Господу хвалой
Глас робкий с пастырским сливался".

Давид замолк. Саул глядит,
Скрежещет яростно зубами;
То схватит меч, то бросить щит
Он хочет мощными руками;
Но юноша, полн светлых дум,
Порыв царя не замечает,
Перстами вновь коснулся струн
И слаще песню начинает:

"Я стадо пас, когда средь дня
Вдруг ангел, духом Божьим веем,
Взял от овец отца меня
И умастил главу елеем[2].
Все братья в отческом дому
Добры лицом и крепки телом,
Я всех слабей; но одному
Мне благость Бог явил уделом".

Внял песнь Саул, вскочил Саул,
Стоит, взор дикий вкруг вращая,
Копье схватил, в певца метнул;
Но мимо гибель роковая.
Встревожился вельможей сонм;
Но с гуслей взор певец не сводит,
И, дивным вдохновеньем полн,
По звонким струнам песнь заводит:

"Когда иноплеменный враг[3]
Грозил отчизне истребленье,
Звал идолов, не зная страх,
Я в Бога возложил спасенье.

Навстречу смело меч исторг,
Сверкнула сталь, и враг безглавлен:
Велик Господь, велик мой Бог!
Им сын Израиля прославлен".

"Велик! велик!" – Саул вскричал,
Одежды яростно срывает,
Копье пустил, заскрежетал;
Но сталь, как прежде, изменяет;
И пал на землю царь, без сил,
Дрожит полмертвый, бездыханный;
Его дух мрака охватил,
На кару небом ниспосланный.

Давид взглянул и по струнам
Едва рукой перебегает;
Кос́нется здесь, коснется там
И, мнится, в струны жизнь вдвигает.
Он хвалит Божьи чудеса,
Его любовь к всему созданью...
И тихо царь открыл глаза,
Доступный к звучному призванью.

Безумный гнев в лице потух;
Встает, всех робко озирает;
Его покинул злобный дух,
Задумчив, трепетный внимает
Певцу... полна отрадой грудь...
Он плачет; к небу взор и руки...
Он жаждет сердцем отдохнуть,
И гуслей замирают звуки.

16 декабря 1828. Троицкое

* * *

О, если б был я птицею,
Порхнул бы я давно
В страну, где все денницею
К любви пробуждено.
Где дышат негой чистою
Роскошные луга,
Где влагой серебристою
Взлелеяны брега.
Где рощей тень приютная
В полдневный зной манит,
Где грусть, тоска минутная
Души не оженит.
Под кущей виноградною
Я сладко б отдохнул,
Я все мечтой отрадною
Все вновь бы вспомянул

Иль, опустясь над бездною
Лазурною морей,
Носился б ночью звездною,
Крылом поверх зыбей.
И в час, когда творения
Объяты тишиной,
Ко мне б младые гении
Стекалися толпой,
Чертоги изумрудные
Покинув в глубине,
Их речи, тайны чудные
Знакомы б стали мне,
Тогда б земные радости
Я снова искупил,

Я дни беспечной младости
Мгновенно б воротил.

Или, стрелой летучею,
Взвился б я высоко,
Под громовою тучею
Под небо далеко.
Где вечною лазурию
Блистает свод небес;
Недосязаем бурею
Я в свете б там исчез.

И пение чудесное
Раздалося б вдали,
Я б высказал небесное
Сынам родной земли.

1826. Январь. Москва

ТРИ ЦВЕТКА

В лоне матери природы
Есть цветов различных роды
Полны блеска и красой,
Но их жизнь – одно мгновенье!
Три цветка в уединенье
Возлелеяны землей.
Цвет бессмертных попадает,
Ангел мира их питает
Ароматною росой.
Кто, счастливец, пьет дыханье
Сих божественных цветов,
Рай его существованье,
Мертвый жизнь он встретит вновь.
Люди дали им названье:
Вера, дружба и *любовь.*

Сентябрь 1824. Москва

ВЕСНА

(*Подражание Сойюти*[1])

О дни весны, дни наслажденья,
Повейте радостию мне!
Я слышу в светлой вышине
Жильцов воздушных песнопенья;
В густых кустарниках пылает
Цвет розы ярко-огневой.
Так блеск стыдливости живой
Румянцем девственным играет
В ланитах девы молодой.

Не страшны севера угрозы; –
Вершины пальм и гибки лозы
По резвой воле ветерка
Перегибаются слегка.
Так соком гроздий упоенный
Легко кивает головой.
Вблизи ручей уединенный
Чуть слышной крадется волной,
Как сон безмолвною мечтой,
Пред первыми тенями ночи
Младенца усыпляя очи.

1827. Москва

ФИАЛКА

(*Из Ибн-Руми*)

Взгляни, средь радостных полей
Фиалка голубая,
Цветет, манит красой своей,
Сребром росы сверкая.

Так в темно-голубых очах
Красавицы-девицы
Слеза сверкает и бежит
На длинные ресницы.

1827. Москва

ЯБЛОКО

(*Абу-Новас*[1])

Смотри, как яблоко горит
Ветвей под зыбким лоном,
Отсюда лилией блестит,
Оттоле анемоном[2],
Или гранатой огневой...
Мнишь зреть цветов в слияньи
Ланиты девы молодой
С ланитой юноши живой
В приятном сочетаньи
По долгом расставаньи.

1827. Москва

СУЕТНОСТЬ КРАСОТЫ

(*Подражание Саади*[1])

Други, прелесть дар опасный,
С ней любимец молодой
Полн беспечности живой;
Но слетит, и лик прекрасный
Улыбавшийся и ясный
Отуманится тоской.

1827. Москва

ГАНГЕС

Я зрел, – Гангес лазуревые волны
Роскошно льет в безмолвии брегов.
В дыханьи роз, восторгом неги полный,
Я пел и радость и любовь.

Я помню взгляд и пламенный и томный
Прелестных дев цветущих тех краев,
Их легкий стан, как пальма стройный,
Их песней звук средь звонких тростников.

Страна любви, страна очарований!
О Индостан, вступлю ль на берег твой?
Иль мне в удел тоска воспоминаний
О бывших днях, промчавшихся стрелой,
И жрица нег мой стан, в пылу желаний,
Не обовьет по-прежнему рукой!

1827. Москва

НЕЕРА[1]

(*Из Шенье*[2])

Люблю тебя, Хромид[3], спеши, я не дурна!
Диане в легкости и в белизне равна,
Такая ж стройная. – С склонением денницы,
Все наши юноши, как тихою стопой
Иду я мимо них, потупивши ресницы, –
Не верят, чтоб была я смертною простой,
И тихо шепчутся, следя меня очами:
"Ах, как она мила! как дышит красотой!
Неера, берегись казаться над волнами,
Чтоб не сочли тебя богиней, и порой
Пловцы не стали б звать стихии в час мятежной,
С Дорисой[4] нежною, Нееры белоснежной!"

1826. Москва

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

(Из Саади)

Горек и сладок вместе на устах у друга
Поцелуй прощанья,
Сладок настоящим, несравненно горек
Мыслью расставанья.
Так лишь половину солнца луч огнистый
Яблока румянит,
Бледная другая, в темном лоне листьев
Неприметно вянет.
Ах, и в поцелуе грустном и последнем
Перелить дыханье,
Для любви отрада, в горький час разлуки
Первое желанье.

1824. Москва

СЛЕЗА МОНАРХА

Как волны моря голубые
Броздит палящей молньи свет,
Последний час любимца Клии[1]
Бессмертный озарил рассвет;
О Карамзин, надежд России
В могилу взял ты лучший цвет!
Монарх заплакал над тобою,
И что сравнится с той слезою?

Прелестна роза Кашемира –
В ней дышит свежесть и краса!
Чиста дочь светлая эфира
С небес упадшая роса;
Но лучше всех сокровищ мира
Монарха доброго слеза;
Она – душистей роз Ирана,
Светлей сафиров Индостана!

Блистай красою несравненной,
Слеза – души великой дар!
Питай в груди воспламененной
К Высокому священный жар.
Вся слава мира – дым мгновенный,
От вод слетевший, тонкий пар;
Но ты пройдешь сквозь мрак забвенья,
Слеза любви и просвещенья.

13 августа 1826

МЫСЛЬ

Гляжу я на небо:
Прекрасно сияет
Эфир голубой;
Гляжу я на солнце:
Оно протекает,
Блистая красой.
Но солнце и небо далеко,
А бренным созданьям земли
Законы судьбы зарекли
Из праха лететь столь высоко.
Я вижу: орел
Эфир рассекает
Могучим крылом;
Как бурная туча,
Он к солнцу взлетает
И солнце играет на нем.
Что ж, смертный, вздыхаешь?
Безмолвный, с поникшим челом,
Глядишь, не дерзаешь
Лететь за орлом?
Вдруг мысль побудилась –
И молньи быстрее
Над бездной парит!
Вот солнца достигла,
Вот солнце под нею...
Но выше летит.
К предвечному свету, в надзвездные сени
Приникла, бессмертьем полна,
И солнца яснее, от горних селений
На землю сияет *она*.

1826. Москва

УТРЕННЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ

(*Из Шекспира*)

Слышишь, как вверху чудесно
Ранний жаворонок поет:
Солнце радостно встает
И с цветов росой небесной
Жертву утреннюю пьет,
Пышно роза развернулась,
Заалелась, улыбнулась,
Все блистает красотой,
О проснись, малютка мой,
О проснись, малютка мой.

1826. Москва

ВСЁ ПЬЕТ

(Из Анакреона[1])

Земля пьет дождь небесный,
Деревья – сок земли;
Все реки моря бездной
Поглощены вдали.
Пьет солнце сине море,
Свет полночный луна;
Что ж тратишь время в споре.
Вина! скорей, вина.

1826. Москва

К N.

Страдалец произвольной муки,
Не сводишь ты с нее очей,
Как Тантал жадно ловишь звуки
Ее младенческих речей;
Но тщетны все твои терзанья:
Язык любви ей незнаком,
Ей не понятны ни страданья,
Ни бледность на лице твоем.
Когда, в волненьи страсти буйной,
Ты с жаром руку жмешь у ней,
Ее пугает взгляд безумный,
Внезапный блеск твоих очей.
Холодная к твоей печали,
Ее душа тиха, ясна,
Как волн в недвижимом кристалле
С небес глядящая луна.

13 августа 1826. Москва

ПЕРСТЕНЬ

Его на палец мне надела
Младая дева южных стран,
Слеза в очах ее горела,
Вручая верный талисман.
В устах прощальной речи звуки
Докончил поцелуй разлуки.
Тот перстень не блестит резьбою,
Не золотом он сердцу мил,
В нем яхонт яркою игрою
Моих очей бы не пленил;
Но там искусною рукою
Еврей слова изобразил.
Смотрю на чужды очертанья
И грудь полна воспоминанья.

Когда судьба мне плыть велела
В края, где снеги и туман,
Моя душа осиротела...
Но перстень мне в отраду дан.
Томлюсь загадкой беспокойной,
Какая тайна в тех словах?
Не девы ль стан описан стройный,
Не черны ль кудри на плечах?
Иль на устах привет безмолвный
И томность в голубых очах?
В них, верно, радости былые!

Умчались дни, как вечер юга,
Как молния, сверкнув во мгле,
Одна грустишь в дали от друга,
Одна и на родной земле;

Но часто шумных игр из круга
Несусь душой в Чуфут-кале[1],
Все к той, которая со мною
Делилась лаской и слезою.

30 сентября 1826. Москва

* * *

Меня обманула улыбка одна,
И я ей судьбу свою вверил.
Кто б думал, что втайне смеялась она,
Кто б милым устам не поверил!
И как, простодушный, помыслить я мог,
Что б страсть ее – хитрость, притворен был вздох.

Меня обманула улыбка одна:
Зачем я так скоро поверил?
Но взглядом так нежно ласкала она,
Кто б думал, что взгляд лицемерил!
Он новою жизнью мне сердце зажег,
И я, простодушный, любить только мог!

1828. Москва

ЛЮБИМАЯ ЗВЕЗДА

Она прелестна и княжна!
В ней дышит девственная младость,
Но хладной гордостью полна,
Она отвергла жизни радость.
Не смеет юноша близ ней,
Вздохнув, сказать любви признанье,
В огне живых ее очей
Он не заметит упованья, –
Его любовь, его терзанья
Как будто непонятны ей.
Привыкшая к похвалам света,
Похвал чуждается она,
Мила, как идеал поэта,
Как мрамор чувством холодна.
Но тайный пламень проникает
Сей лицемерный сердца хлад;
Зачем лицо ее пылает?
На ком так томно бродит взгляд?
В речах прерывистых смущенье,
Недаром вздох из уст слетел,
Недаром персей сих волненье!..
О, кто счастливец, кто умел
Исполнить жизнью образ милый,
Сей истукан одушевить
И в хладный мрамор тайной силой
Весь пламень страсти перелить!
Увы, догадки все напрасны;
Всё так же юноши близ ней
Стоят задумчивы, безгласны.
Она глядит на звезды ясны,
Не может с них свести очей.

– Не та ли, что горит светлее,
Пленяет взор ее всегда? –
Нет, всех небесных звезд милее
Для гордой на груди звезда.

18 декабря 1826. Москва

ЯСНОВИДЯЩАЯ

На всё ты смотришь равнодушно,
Как Пери горной высоты,
Пленяясь музыкой воздушной,
Позабывает про цветы,
И в тихой думе утопая,
Льет слезы об утрате Рая.
И на очах твоих я зрел
Такие ж слезы умиленья:
В них огнь божественный яснел –
Восторг любви и вдохновенья,
Когда слетает дивный глас
В твои уста полуоткрыты,
И очи блещут, разгорясь,
И вспыхнут бледные ланиты,
И черны кудри клубом с плеч,
В устах пророческая речь
Гремит...

Дивлюся и внимаю,
Стою, прикованный к земле;
Я тайну слов сих постигаю,
Они горят звездой во мгле,
Как ясность на твоем челе.
Их гармонические звуки
Бегут неровною волной.
Тоска и радости и муки
Незримо веют над душой;
Минувшее с грядущим ясно
Роднится думою прекрасной.

Скажи мне, кто одушевил
Тебя таинственною силой

И взор твой томный и унылый
Таким огнем воспламенил?
Открой, пророчица младая,
Земли ль ты дочь иль гостья Рая?
Нет, в небе все твои мечты,
Ты к нам на миг, как гость воздушный,
И оттого так равнодушно
Глядишь на область суеты.

30 ноября 1826. Москва

ЭРИН

(Ирландская мелодия Мура)

Erin! the tear and the smile
in thine eyes*.

Эрин! твои слезы, улыбка в очах,
Слилися, как радуга на небесах!
Сквозь волн бед светлея,
Сквозь радость темнея,
Твои солнцы, бледнея,
Восходят в слезах.

Эрин! слез безмолвных ты ввек не отрешь,
Эрин! ты улыбки дотоль не найдешь,
Как радугой светлой,
Свой луч разноцветной
В знак мира заветной
В один не сольешь!

20 декабря 1826. Москва

* Эрин! Слезы и улыбка в твоих глазах (*англ.*).

ОБРАЩЕНИЕ К ДУШЕ

(Из Саадиева[1] Пенд-наме)

Твоей жизни бесценной
Прошло сорок лет;
Но все свойства как в детстве,
Премены в них нет!
Всё заклала ты страсти,
Принесла суете;
Ни минуты единой
В удел правоте.
Не вверяйся сей жизни –
Проходит она;
От судьбы берегися,
Судьба неверна.

1827. Москва

* * *

Безмолвна ты – но на твоих очах
Слеза невольно выбегает;
Улыбка радости на девственных устах;
Но сквозь нее печаль сияет.
В твоем лице, в задумчивых чертах
Веселье быстро исчезает.

Ты говоришь, но звук твоих речей
Тоску и грусть роднит с душою,
Глядишь ли ты и влажный огнь очей
Грудь полнит думою живою;
И тих твой взгляд как блеск дневных лучей,
Одеянных вечерней пеленою.

Как много ты страдаешь в тишине,
Поймет ли свет твое мученье?
Твоих очей в томительном огне
Он видит неги упоенье;
О, если б зрел он сердца в глубине,
Он содрогнулся б в сожаленье.

И чем воздать нам может хладный свет?
Ценою ль бедных наслаждений
Искупит он блаженство первых лет,
Восторг любви и вдохновений!
Их не вернуть, их затерялся след,
Как след ладьи среди волнений.

8 января 1827. Москва

ОДА АНАКРЕОНА

Δότε μοι, σότε, νυναικεσ*

Солнце в небе уж высоко,
Девы милые, молю,
Мне с вином бокал глубокий
Поскорей, горю, горю!
Огнь в устах, язык пылает,
Полдня зной томит меня,
Жаждой грудь изнемогает,
Сохну, умираю я!
Дайте мне венок душистый,
Пусть, увлажненный вином,
Жар, прохладою росистой,
От чела отвеет он.
Быстро свежие пленицы
Блекнут, сохнут вкруг чела!
Роза в жемчуге денницы,
Канув слезы, отцвела.
Но какой, какой струею,
Сердце, огнь твой угасить?
Можно ль чашей и росою
Пламень страсти прохладить!

7 февраля 1827. Москва

* Дайте, дайте мне, девицы (*греч.*)

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Друзья! сей жизни быстротечной
Не долго веселиться мне.
Пришлец минутный и беспечный,
Я гасну дней моих в весне.
Я гасну – призраки толпою
Там встретить ждут младую тень,
Где загорится надо мною
Незаходимый светлый день.
Свой срочный час приму, без страха,
Мне все так ясно впереди!..
Земную скорбь земного праха
Я сброшу с пламенной груди!

1827. Москва

ПРЕРВАННАЯ ДУМА ПОЭТА

Узнали ль вы певца в его печали,
С безмолвной думой на устах?
Его тоску постигли ль, разгадали ль
Вы слезы в пламенных очах?

Иль чужд для вас любимец вдохновенья,
И чужд его восторженный язык?
Где зреет мысль в гармоньи песнопенья,
Где ясен мир, в котором жить он свык.

Волшебный сон зачем вы перервали!
О как тот час был светел и могуч;
Но вы души певца не разгадали...
Когда бы миг один вы переждали,
Сей взгляд блеснул бы молнией из туч,
Сии уста, сомкнутые для стона,
Издали б звук, как статуя Мемнона[1],
Когда ее встревожит солнца луч.

6 июня 1827. Казань

ВЕЧЕРНЯЯ МЕЧТА

Скорбна душа моя, но не от слез печали,
Веселье буйное в груди моей кипит.
Вчера, еще вчера мы чашами звучали,
Мы юность резвую смеяся провожали,
И деву гордую и в пламени ланит
Цветами свежими венчали.

Я помню аромат каштановых волос
И хитрый взгляд, бросаемый украдкой;
Ее уста – обитель неги сладкой,
Уста – свежей весенних роз!
И гибкий стан и мраморные плечи,
Всю роскошь девственных грудей,
Блестящей остротой исполненные речи...
Где ж дева милая?.. что ж слезы из очей!..

18 июня 1827

ЖИЗНЬ

Кипят надежды, зреют силы,
Мечты толпятся за мечтой,
От колыбели до могилы
Нас водит жребий роковой;
Но мы, закрыв повязкой очи,
Беспечно путь проходим свой,
Как странник в час глухой полночи,
На пир идущий в край чужой;
Без страха в сердце; но порою,
Когда раздастся ветра свист
И заклубится над главою
От ветви отделенный лист;
От ощущенья трепет тайный,
Внезапной мыслью поражен,
Какой лежит пред ним путь дальний,
Каким он мраком окружен.

Так часто, краткий бег кончая,
На праге нашего пути,
Когда пред нами жизнь былая
Стремится яркая пройти,
Своими свежими мечтами
Еще ласкает нас она,
И все прекрасное за нами
Рисует в панораме сна.
Но мы к ней взор не обращаем,
И сжав тоску в немой груди,
С невольным трепетом вздыхаем,
И ждем, что будет впереди.

9 июля 1827. Казань

ПРЕКРАСНАЯ БЕГЛЯНКА

Что по улицам шум, что за крик, за содом?
Быстро новость разносится из дома в дом:
Скрылась дочь винограда;
Без вести девица ушла из ворот,
Тому, кто отыщет, ее приведет,
Приличная дастся награда.
Вот всем вам приметы, узнать чтоб скорей;
Огнистого цвета одежда на ней,
Чалма ее пены белее,
Скрыть блеска не может во мраке ночном,
Лишь явится – запах прелестный кругом
И надо б ей быть поскромнее.

Распущены кудри, с нетвердой ногой,
Кто встретит беглянку, возьми тот с собой,
Держи ее крепче, смелее,
На слезы, на речи ее не гляди,
Дыханье прелестной – огонь для груди,
Улыбка – рассудка сильнее.
Гуляки! вы бродите ночью везде,
Беглянки прелестной не встретили ль где?
Она от Гафица бежала.
Гуляки, бродили вы целую ночь,
Не встретили ль где виноградову дочь –
Бежала она от Гафица!
Ее поцелуем он только и жил,
Скорее найдите, чтоб он не грустил,
Не то его жизнь прекратится.

3 октября 1827. Москва

К N. N.

Зачем на краткое мгновенье
В сей жизни нас судьба свела,
Когда иное назначенье,
Нам розный путь она дала?

Твой робкий взгляд, живые речи –
Всё, всё я, милый друг, понял;
Я запылал от первой встречи
И тайны сердца разгадал.

В другой стране – вдали я буду,
Меня легко забудешь ты!
Но я – я сохраню повсюду
Твои небесные черты.

Так грубый мрамор сохраняет
Черты волшебного резца,
И вдохновенная сияет
В нем мысль художника-творца.

30 ноября 1827. Москва

КРАСАВИЦА

Всегда тиха, всегда прекрасна,
Как утренний младенца сон,
Игривая, разнообразна,
Как зеркальный хамелеон;
Она еще не знает горя,
И чуждая мирских забот,
Как млечный перл в пучине моря
В златой безвестности живет.
Ее пленяет мир чудесной
Не шумной радостью пиров –
Нет, блеском радуги небесной;
Сияньем утренних цветов.
Глядя на жизнь, как на картину,
Веселой думою полна;
Так Гвидо-Рени[1] Магдалину
Изобразил бы, как она
Еще с молитвой непорочной
Вперяла взоры в небеса,
Когда в очах, как перл восточный,
Не билась грешная слеза.

1827

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

Подыми свои очи, девица,
Собери свои кудри златые,
Твои очи блестят, как денница,
Небеса в них горят голубые.
Твои локоны светлы, как волны,
Когда вечер в них смотрит безмолвный.

О не смейся, не смейся так сладко,
Не целуй с таким нежным приветом:
Люди смотрят за нами украдкой.
Как увидят, расскажут об этом.
Пусть не видят завистников очи,
Будем в ласках скрытней темной ночи.

Не красней, повстречаясь со мною;
Если вспыхнешь, скорей отвернися,
Или молча пройди стороною,
Не гляди; но тайком улыбнися.
Я улыбку твою разгадаю,
Людям знать ли, что я понимаю!

1827. Декабрь

К ДОРИСЕ

(Из Греческой антологии)

Венец из свежих роз чело твое венчал,
Одежда легкая небрежно волновалась;
Как обвивает мирт наполненный фиал,
К Хараксу юному так нежно ты ласкалась…
И память дней твоих в Невкрате не умрет,
Доколе Сафы песнь гремит под небесами,
Доколе гордый Нил с величием несет
Обилье чуждых стран, покорными волнами.

К ПТИЧКЕ

Я б подарил тебе свободу,
Певец лазурной вышины;
Но ты снесешь ли непогоду
И вьюги здешней стороны?

Вотще, крылом усталым рея,
Скользить над влагой будешь ты:
Луч солнечный тебя не грея
Осветит с дальней высоты.

Метелью снежной и пушистой
Твой вольный домик занесет;
Здесь воздух свеж, дыханье чисто,
Но зимний хлад тебя убьет.

Душистой тени, злака в поле
Приветных сердцу не найдешь,
И грустный сирота, на воле
Свою неволю вспомянешь.

О пой же, пой, мой гость эфирный,
Крылатый житель вышины!
Пой зиму всю под сенью мирной
До теплых дней младой весны.

Тогда из золотой темницы
Я поднесу тебя к окну –
Вспорхнешь ты при лучах денницы,
А я по счастливом вздохну.

1828

ДВА ГОЛОСА У МОГИЛЫ

1.

Он умер! – мы вокруг стояли,
Мы видели: в его очах
Оттенки жизни угасали;
И он угас!
Безмолвные, мы опускали,
С рыданьем грусти и в слезах,
В сырую землю хладный прах,
И тихим взором упрекали,
Что рано он покинул нас.

2.

Что наша грусть, к чему рыданья?
Земное отдаем земле.

1.

Но так был кроток блеск прощанья
На холодеющем челе,
Так сладко мертвый улыбался,
Что нам казалось, будто он,
Земною жизнью забывался,
В приятный погружаясь сон,
В его лице ни следа муки,
В его очах ни капли слез.

2.

Почто ж скорбеть! – он час разлуки
Как чистый сердцем перенес;
Он слышал ангельские звуки,
И грусть на небо не унес.

1824. Москва

* * *

Безмолвный, с думою участной
Гляжу на милые черты,
На блеск очей, как утро ясный,
На губки с цветом красоты.

В душе невольно мысль родится:
В дыханьи светской суеты,
Сих глаз веселых блеск затмится,
Угаснет свежесть красоты.

В чертах лица, отрады полных,
Тоска проглянет в капле слез,
И на устах, как грусть безмолвных,
Заступит бледность место роз.

Лишь утро жизни провекуя,
Веселье прочь летит от нас,
Быстрей, чем пламень поцелуя,
Как робкий взор прелестных глаз.

1827. Декабрь. Москва

МАГНЕТИЗЕР

Honny soit qui mal y pense*.

Магнитный сон, чудесный сон,
Ты полн таинственною силой!
Лишь на больную наведен
Смежаешь взор приветно-милый!

Как Месмернеска[1], ветрен взгляд,
Уста больной огнем горят!
Улыбкою красноречивы!
Счастливец, тайные порывы
Вполне постигнет и поймет.

Средь убранной богато залы,
Где тихо свет приятный льет
Огонь сквозь матовы кристаллы,
Стоит диван. На нем одна,
И молчалива и томна,
Тоской задумчивой пленяя,
Лежит, раскинувшись, младая,
Как день прекрасная жена.
Ее глаза полуоткрыты,
Неясной скорбию горят;
На бледны, нежные ланиты,
Рассыпавшись, полуразвиты,
Густые локоны скользят.
Она протяжно, сильно дышит,
Чего-то ищет томный взор,

* Пусть будет проклят тот, кто плохо об этом подумает (*фр.*).

Чего-то хочет, что-то слышит…
И вот… взошел Магнетизёр,
К ней прикоснулся он рукою,
Сказал *усни!* и вмиг она
Как будто силой неземною
В магнитный сон погружена.
Затихли все души терзанья,
Исчез малейший боли след.
Она заснула, но вниманье
Влечет ее один предмет…
Вы скажете, что муж… и нет!
Всё тот, кто непонятной властью
На очи ей навеял сон.

СОННАЯ ПТАШКА

Сонная пташка,
Спишь ты на ветке
Липы душистой
В позднюю зорю.
Сизу головку
В крылышко прячешь,
И беззаботно
Дремлешь в тени.

Хладные росы
Жемчугом крупным
Вкруг тебя каплят;
Кроясь в листах,
Ты не боишься
Сырости влажной
Горных туманов,
Падших в поля.

Ночь наступила –
Звезды, сверкая,
Льют к тебе блеск свой
В темный приют,
Ты их не видишь;
Сон твой приятен,
Будто в родимом
Гнездышке спишь.

Если ж к рассвету
Дождичек мелкий
С шумом по листьям
Задребезжит;

Ты встрепенешься,
Сизой головкой
Взглянешь на утро
И запоешь.

Свежие капли,
Будто алмазы,
Вкруг тебя ярко
В солнце горят.
Ты осветилась
Чистой росинкой,
И ароматы
Утренни пьешь.

Сонная пташка,
О, как завидна
Доля прекрасной
Сыну забот.
Здесь ты веснуешь,
Здесь ты все лето,
К югу певицу
Осень умчит.

27 февраля 1829

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон,
Не думу сладкую, но страшное виденье
На душу ты навел. Ужасен вещий сон!
Палермо предо мной; в торжественном моленье,
Народ стекается во храм,
Лампады зажжены и льется фимиам
С молитвой чистою поющих хором братий,
Все пали ниц, склонясь во прах главой!..
Вдруг шум прервал мольбы; ужасный гул проклятий
Врывается с безумною толпой:
Сверкает меч, упившись кровью,
Беспомощных и старцев, и детей,
И слабых жен, и дев, взлелеянных любовью!
Палермо! мраморный помост твоих церквей
Дымится страшному подобный изголовью,
Облита кровию святыня алтарей...

О Прочида! на груды мертвых тел
Гляди, неистовый, и насыщайся злобой;
Твой Папа этого хотел[1],
Твой папа спит в холодных склепах гроба;
Но и туда достигнет стон
Невинных жертв сей ночи преступлений,
И сохранит он в ужас поколений
Вечерний звон, вечерний звон.

28 февраля 1829

Кому не известны Сицилийские вечерни! Папа Николай благословил Прочида на сие ужасное дело и обещал составить заговор внезапный и жестокий против французов. – Когда Прочида возвращался в Сицилию, то узнал на дороге о смерти папы Николая IV, который был душою этого великого предприятия.

Souvenirs de la Gicile par M. le C[te]
de Forbin pag. 287. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

СЕВЕР

(Посвящается Н.Т.А......у)

Как вечер сладостен зимою,
Когда последний отблеск дня
Горит над далью снеговою
Сияньем радужным огня!
Шумят березы молодые,
Под ярким инеем склонясь,
И блещут звезды огневые,
В холодном небе разгорясь.

Везде так весело и живо,
Свободно, смело дышит грудь,
На легких санках торопливо
Свой селянин свершает путь.
Едва скользя по глыбам снега,
Он песнь веселую поет,
И резкий ветр и скорость бега
Лицу румяность придает.

Как сладостно в мороз трескучий
Камин веселый оживить,
Глядеть на огонек летучий
И чай душистый с другом пить.
Какими райскими мечтами
Тогда душа упоена,
Все в доме розовым пред нами,
И жизнь – как светлый призрак сна.

Тебе ль постигнуть, житель Юга,
Тот дивный обновленья час,
Когда весна – утех подруга

Улыбкою встречает нас.
С высоких гор шумят потоки,
Подснежник весело встает
И гул рожка еще далекий
Стада унылые зовет.

Ты ход времен не замечаешь,
Всегдашним летом окружен,
Ты первый лист не ожидаешь,
Ты роз шипком не упоен, –
Обвеян ароматом неги,
Лавровых, миртовых дерев,
Холодный, смотришь на побеги
Не опадающих дубров.

Тебя не радует так живо
Ни первый цвет, ни первый плод,
Однообразно и лениво
Как день твой жизнь твоя течет;
Но Севера питомец истый
Как будто вновь перерожден,
Весны впивая воздух чистый
И ярким злаком окружен.

Забыв мороз, вьюгу, метели,
Средь рощи, радостию полн,
Внимает сладкий звук свирели,
Веселый плеск прибрежных волн.
И первых птиц дубровных пенье,
И запах лип, и листьев шум –
Всё в нем тревожит вдохновенье
И пламень усыпленных дум.

1829. Марта 10. Троиц⟨кое⟩

АМУЛЕТЫ

(Омар бен Фаред[1])

Они разлуки в день печальный
Вкруг шеи амулеты мне
Надели, в путь сбираясь дальный,
Боязнь питая в тишине.
Моя горячность их страшила;
Но от судьбы, что скроет нас!
Любовь меня воспламенила,
И лишь пробил разлуки час,
Все амулеты растопила
И в крупны слезы обратила,
Легко бегущие из глаз.

ИСКУШЕНИЕ

Лампада гаснула. Она,
Раскинув локоны густые,
Лежала, в сон погружена,
На перси зыбкие, младые
Едва скользнула пелена.
Всё в ней дышало негой пылкой,
Ткань шелковистая ресниц,
Уста с чарующей улыбкой
И в полных щечках огонь зарниц.
Какою страстию, как нежно
Ее прелестный, гибкий стан
Роскошный окружил диван!
Как белая рука небрежно
Скользит с роскошного одра!
Отмстить ли ей. Она вчера
Ко мне так строгою казалась.
Вся грудь в нем местью взволновалась,
Вот он идет... рукой своей
Уж близок девственных грудей,
Волненье зыбких погружает,
Колени на диван склонил
И руку вдруг остановил,
Дрожит, бледнеет, замирает.

Лампада гаснула... Она
Лежит в объятьях тихих сна;
Всё также сон ее лелеет
Своей невинною мечтой,
И на лице прелестной реет
Улыбка думы неземной.
Небрежно локоны густые

По плечам стелются волной,
Небрежно перси молодые
Полузакрыты пеленой.
Но он не тот; в одно мгновенье
В нем низкой страсти огонь потух;
Как будто некий добрый дух
В нем совершил перерожденье.
Вся грудь его стыдом полна,
От спящей он бежит далеко.
Погас лампады свет. Она
Лежит как прежде в сне глубоком.
И с тихой радостью очей
Хранитель-ангел был над ней.

1828

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

СЕРДИТЫЙ КОНЬ

Ах девушка, душа моя!
Мой конь тебе не встретился ль? –
Не встретился; не виделся,
Вчера лишь звук я слышала,
Как бил седлом по явору,
Копытами по мрамору.
Твой конь сердит, досадует,
Что любишь ты двух девушек
Аливеру и Тодору;
Сынок рожден Аливерой,
Роняет слезы Тодора.

МОГИЛА НА БЕРЕГУ МОРАВЫ

Как на береге Моравы
Ходят кони вороные,
Держат речи удалые:
Лучше в битве быть кровавой,
Чем широкой плыть Моравой!
У Моравы волны хитры;
Ночью мальчика втянула,
К утру на берег всплеснула.

Будь поближе мать родная,
Весть сегодня б услыхала,
Завтра вподлинно б узнала,
Послезавтра б схоронила.

Но вдали его родная;
Через год дойдут к ней вести,
На другой про то узнает,
А придет к могиле в третьем.

Поросла травой могила,
До колена дятловина,
По ней ходят два павлина,
Два павлина и две павы,
И четыре павлиненка,
Стережет их там девица –
В коротенькой кабанице*,
В серебряной опояске.

⟨*1829*⟩

* Кабаница – коротенькое полукафтанье сербок. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

КЛЯТВА

Могу ль тебя я разлюбить?
Твое сомнение напрасно;
Однажды полюбил я страстно
И только лишь могу любить.
В движеньях сердце так не властно,
Что может чувства охладить!
Тебя забыть, тебя забыть,
Душе мучительно – ужасно!..
Но свет успел нас разлучить,
И я лью слезы ежечасно;
О милый друг, мой друг прекрасный!
Скорей умру, чем изменить!

Апрель 1829

* * *

Полюби меня, девица!
Полюби меня, душа!
Ты бела и круглолица,
Ты, как ангел, хороша.

Глазки темно-голубые
Влажной негою горят,
Кудри русые, льняные
Очаровывают взгляд.

Губки – роза так огнится,
Сквозь шипок едва дыша,
Полюби меня, девица,
Полюби меня, душа!

Я люблю, сказать не смея:
Ты задумчива, бледна,
Ты, как нежная лилея,
Гаснешь, грустная, одна:

Погляди, как плющ игривый
Страстно тополь окружил,
Без него он цвел лениво
И в траве чуть виден был.

Там любовью к розе тает
Соловей среди цветов,
Роза слышит и пылает
Ярким пурпуром листков.

Полюби меня, девица,
Полюби меня, душа,
Роза в щечках загорится,
Будешь вдвое хороша.

1829. Апрель

* * *

Поймешь ли ты печаль мою,
Поймешь ли тайное терзанье?
Я должен скрыть, что слезы лью,
Я должен скорбь хранить в молчанье.
Всё в душу страх наводит мне,
В чем может грусть моя держаться;
Тогда в сердечной глубине, } bis
А я, я должен улыбаться. }

Ах! я таю печаль от всех;
Ее никто понять не может:
Я весел посреди утех,
Но то веселье горе множит.
Всмотритесь пристальней – тогда
Поймете скорби глас безмолвный;
Смеюся я; но завсегда } bis
Мои глаза слезами полны. }

Но если сердца в грустный миг,
Ты взглянешь на меня, друг милый,
Увы! скрыть тайну слез моих
Мои напрасны будут силы.
Всю скорбь души тогда верней
Твои бы очи разгадали;
В улыбке б ты прочла моей
Язык томительной печали.

1829. Март

КОСМОГОНИЯ

> Солнце свое сияет на злыя и на благия, и дождит на праведных и неправедных.
>
> *Св. Ев. Матфея, в слове Св. Злотоуста к антиохийскому народу*

На всех равно свет солнца льется.
Питает всех равно земля,
Но здесь на холме грозд смеется,
Там злаком стелятся поля.
Здесь наклоняется береза
С роскошным шелестом листов,
Блестя росой там пышет роза,
Вздыхая негою садов.

Не солнца луч, не почвы разность
Различный производит плод;
Природы жизнь – разнообразность;
Всему виной кто жизнь дает.
Наводит ли он луч огнистый
На лозу – грозд кипит полней;
Сойдет ли к маслине ветвистой –
И точит сладостный елей.

Он свежесть придает былинке
И капле радужны цветы,
На гордом кедре и в песчинке
Везде премудрости персты.
Обняв созданье мощным словом,
Рек: *бысть* – и сонм живых чудес
Подвигнулся в творенье новом
Еще невиданных небес.

Шатром он вскинул неба своды,
Лампадой солнце засветил,
И дольный мир в лазурны воды
Ковром роскошным погрузил.
Он ветрам вверил дуновенье,
Дал блеск заре, дал свет луне,
И ночь – как мрак определенья
Окинул в дальней вышине.

Там снежные вознес он горы,
Здесь, в лоне счастливых долин,
Пролил зеркальные озеры,
Подобье облачных равнин.
Весь мир наполнил тварью чудной,
Стихии жизнью населил,
И в бездне влаги изумрудной
Бесценный перл очам открыл.

Но было грустно все творенье
Пока из персти не возник
Сын вечности – и глас хваленья
Самопознавшего проник.
На мир взглянул он ясным взором
И мир пред ним открылся тих,
Своих планет с подвижным хором,
В величии морей своих.

Когда ж усталые зеницы
Смежил впервые легкий сон,
Раскрыв тяжелые зеницы
Как был он сладко изумлен:
Пред ним, одна, без покрывала,
С стыдливой робостью в очах,
Непостижимая стояла –
Огонь в лице, привет в устах.

Он всё вместил в одном созданье,
Без ней весь мир так был бы пуст,
И *Эвы* сладкое названье
Невольно вырвалось из уст.
Волшебной негой поцелуя
Он грудь невинной взволновал,
Он говорил, ее целуя:
Мне мир тобою дорог стал!

И в скорби грустного изгнанья,
Когда у рабских врат они,
В надежде сладкой, в упованьи
Воспоминали прежни дни.
Эдема ангел недоступный
К ним взор участия склонял,
И, внемля повести преступной,
В молчаньи слезы проливал.

Вблизи цвели беседки рая,
Журчали волны в мерный лад,
И услаждал их обвивая
Эдема чистый аромат.
К ним звуки ангельские лились
С родной прекрасной стороны,
И безутешные молились
Живым раскаяньем полны.

Апрель 1829

ОДА ГАФИЦА

Блестящую чашу наполни вином,
Пусть светлое в чаше играет!
Рви розы, бросай их на землю кругом,
Лишь глупый заране вздыхает.
Так в утренней песни звучал соловей:
Что, розочка, скажешь о песни моей?

Роскошное ложе раскинь в цветнике
Там, роз ароматом облитый,
Пей нектар в прохладном лежа ветерке, –
Там юной рабыни ланиты,
Меняясь с устами подруги младой,
Пусть вызовут твой поцелуй огневой.

О розанчик милый, кому сей шипок,
Кому ты в красе улыбнешься?
Какому счастливцу раскроешь листок,
Чьей страстной рукою сорвешься?
Ты в ткани зеленой еще не развит,
А свежая прелесть в малютке горит.

Прелестная дева, скорее беги,
Резвясь, по цветущему саду;
Нигде не заметен след легкой ноги,
Но стан твой пленителен взгляду:
Он гибок и прям, как младой кипарис,
Колеблемый тихо то кверху, то вниз.

Сегодня ты идол влюбленной толпы,
Сегодня – предмет обожанья;
Отвсюду несутся к прекрасной мольбы;

Но время умчит ликованье.
Помысли об этом, – в дни ясной зари
Сокровища пылкой любви собери.

О, сладко бы воздух пленительный пить,
Разлитый сей кудрей волнистой,
Когда бы в прелестной мог также он быть
Залогом души ее чистой,
Чтоб вместе с дыханьем роскошных волос
Он сладость любви постоянной принес.

Так, в радостных звуках, крылатый народ,
Царя в цветниках, громогласно,
Как дань песнь веселья день целый поет;
Там, полный заботою страстной,
О розе вздыхает, томясь, соловей;
Но Гафица голос там льется нежней.

Апрель 1829

КАТАКОМБЫ СВ. ИОАННА В СИЦИЛИИ

Печальный памятник минувших поколений,
 Обитель, чуждая забот!
Сюда ни темный гул великих преступлений,
Ни славы громкий клик случайно не дойдет.
Здесь не волнуется под сводами забвенья,
Ни сердце пылкое – горнило светлых дум,
Ни мысль, парящая над мраком заблужденья,
Ни всё объемлющий, все создающий ум.
Здесь все – лишь пыли горсть, один ничтожный остов,
В котором и мудрец признать не в силах лет;
Минутный царь земли теперь жилец погоста,
Унес ли тень с собой того, чем льстил так свет!
Но пышной надписи, изъеденной годами,
И здесь он суеты своей забыть не мог!..
Здесь с кротким голубем и маслины ветвями
Стоит язычества давно забытый бог.
При тусклом факеле разверзлася пещера,
В ней тянется костей необозримый ряд,
Во дни гоненья здесь приют искала вера
И к небу поднят был молящий небо взгляд.
Толпились верные вкруг тесного налоя,
Глас утешения по сводам пробегал,
И там, где человек вверял земле земное,
Сосуд бессмертия надеждой озарял.

Вот череп точит червь; вокруг меня обломки.
Под твердою ногой кость хрупкая хрустит.
Придет чреда и нам, когда замрет глас звонкий,
Когда улыбка с уст и жизнь с очей слетит,
По хладным остовам холодные потомки
Пройдут, и мысль о нас их дум не оживит.

1829. Март

КОНЧИНА ЮНОШИ-ЖЕНИХА

Между гименом и могилой
От жизни к смерти, Агатон,
Срок ночи был тебе сужден –
Срок ночи мрачной и унылой!
Несчастный юноша! не пир
Та ночь несла тебе венчальный,
Не ложе брака в звуке лир –
Но плач и стоны погребальны.
Увы! покрыл мгновенно прах
Одежды брачны, и зеницы,
И недовитые пленицы,
И кудри, блещущи в цветах!
Ронял и факел пламень бледный,
Светя на путь к ложнице той,
Которую, о смертный бедный,
Никто не разделил с тобой!

СЛАДКИЙ СОН

Сон прекрасный, сон чудесный!
Не сбылся ты на яву;
Для чего ж мечтой прелестной
Окружил мою главу!

Очи томно-голубые,
Как приветлив был ваш взгляд.
Дышут щечки огневые,
Кудри русые блестят.

Как застенчиво шептались
Вы, уста – гранады цвет:
“Милый друг, забудь печали!
Нам разлуки боле нет!”

Мне с улыбкой подавала
Ты венчальное кольцо,
Ты молчала, но пылало
Миловидное лицо.

Глаз не свел бы я с прелестной,
Кто она – не назову.
Сон прекрасный, сон чудесный,
Не сбылся ты на яву.

Май 1829

РАССВЕТ

Только луч первый дня,
Сумрак ночи гоня,
        Загорается,
Под навесом ветвей
Треля песнь, соловей
        Разливается.

Сквозь зеленый тростник,
Где раскинул тальник
        Ветви гибкие,
Полусонный ручей
Катит с шумом, быстрей
        Волны зыбкие.

Сладко веет весной
От сирени младой
        Расцветающей,
Пчелка к листикам льнет
Сок сбирая на сот
        Благухающий.

Не спеши, ранний день,
Ночи гнать раннюю тень
        Блеском радостным,
Не буди, соловей,
Тайной думы моей
        Пеньем сладостным.

На руке у меня
Жарче летнего дня
        Спит красавица,

Щечки пышут в огне,
Она сладко во сне
        Улыбается.

Русы кудри волной
Пали к груди младой
        Перебежные,
Ты не льстишь ли, мечта!
        Мое имя уста
        Шепчут нежные.

Вот проснулась она,
Как взглянула она
        Томно, сладостно!
День зажегся ярчей,
Звонче пой, соловей,
        Мне так радостно.

Май 1829

ТРОИЦЫН ДЕНЬ[1]

Душа в цветке, усопшего душа!
Прекрасна ты, благая гостья мира,
Таинственно в час утренний дыша
В открытый свод свободного эфира.

О, как скользит с листочков аромат!
Роса небес на них благоухает.
И мотылек, прельщая златом взгляд,
Над нежными кружится и летает.

Так некогда и ты в стране земной,
Усталая, заботливо носилась,
Печальною, забытой сиротой
Ты гаснула, страдала и томилась.

Теперь с цветком ты жребий свой слила,
Ты в нем живешь, ты в нем благоухаешь;
Все грустное земле ты отдала,
Но для небес прекраснее сияешь.

Мы над тобой печально слезы льем,
И тонет мысль в живом воспоминанье!
Душа цветка, в дыхании твоем
Нам слышится знакомое призванье.

Все радости тревожат сердце вновь;
Они горят так ясно пред очами,
И шепчем мы про дружбу, про любовь,
С молитвою, дрожащими устами.

Июль 1829

СИЛЬФ[1]

Под черемухой душистой
Сон мой сладостен и тих.

Лишь луч зари осенней
На востоке вспыхнет вмиг,
Прыток, скор,
Быстрей, чем взор,
Через перья гор,
Вдоль полей и степей,
По равнинам зыбей
Я на бочке крылатой
Незамеченный атом,
Мчусь, проказами богатый,
Весь облитый серебром.

Если младенец спит
И сквозь сон смеется,
Над его беззаботною
Люлькой стою.
Роза ль в щечках горит
У прелестной, и вьется
Русый локон –
Я пташкой над нею стою.

В моей песни любовь
Как воздух гор
И свежа и легка,
Не волнует кровь,
Не засветит взор
Как луна облака.

Призадумается ли
Пылкий юноша порой.
Забывая подвиг славы;
Вихрем я его с земли
Иль метелью снеговой
Из подлунной державы
Уношу за свод небес,
В край далекий, в край чудес.

Перед ним моя ширинка[2]
Блеском радуги горит,
На грядущем светлом дымка
Разноцветная лежит.
Двинут поцелуи, очи,
Страсти пламенный язык.
Вмиг прошло все; как средь ночи
Пробудившийся, он дик.

Через горы, леса,
Чрез провал кипящий
Мчусь, блестя, как роса
Иль листок, говорящий
Как встает гроза,
Я сверкну в глаза
В буйном вихре шумящий,

Кто в весенний рассвет
        Будит сонный слух
        Песнью сладкою;
Смолк – и долу нет,
Ни под небом нет;
Ты заснул… и вдруг
        Я украдкою
Песнь спою нежней
Над главой твоей
Зыблюсь в воздухе
        Невидимкою.

Иль на ласточке верхом
Я по взморью быстро рею,
Волны резвым бью крылом,
Слит с волной и вдруг над нею
Как стрела под небо вьюсь
И любуюсь, гляжусь
    В зыбком зеркале
    Моря синего.

Волен я, как ветр пустынный,
    Силен я, как ураган,
Если столб увидишь дымный
    Иль крутящийся туман, –
Вдаль скорей беги оттоле,
    Чтоб бедою не настиг,
Я схвачу, и в бурной воле
    Увлеку в единый миг,
Огненны мои объятья
    Поцелуй – песок калит.
Тканью молньенного платья
    Что обвею – все горит;
Не проси тогда пощады;
    Я безжалостен, суров.
Белых остовов громады
Яркий след моих шагов.

Но когда я тихо вею,
    Оживает страна,
Ароматной струею
    Упоена!
Что, Ливан, твой аллое,
    Смирны[3] драгоценный пар,
Я дохну, и все земное
    Погрузится в роскошь чар,
Ты потонешь в неге темной,
    Очарован, услажден,

Как в купальне благовонной
	Будто вновь перерожден.

Слыхал ли ты когда сквозь сон
	Незримой музыки напевы?
То будто голос юной девы,
То арфы отдаленной звон,
То нежной флейты переливы,
Звучащей сладко по горам,
Дохнуть не смея, молчаливый
Ты был тогда вниманье сам.

Но слаще утренней свирели,
Стада сзывающей на луг,
Приятней песней колыбели
Есть песнь, лелеющая слух;
Ее аккорды все небесны,
Не дети сна, а наяву,
Они, как звуков мир чудесный,
Вдруг снидут на твою главу.

Сперва их грудь вместить не может,
Ей душно, сердце стеснено;
Но легче, легче, и оно
Заботой хладной не тревожит;
В очах засветится душа,
Уста улыбкой сладкой полны,
И вся земля так хороша,
И так роскошно плещут волны.
На всем исчезнет грусти тень,
Все так безоблачно и ясно,
Как будто снова в мир прекрасный
Блеснул созданья первый день.
Ты хочешь сердцем перелиться,
Всему восторг свой передать,
И слух не может утомиться
Ту песнь прекрасную внимать.

Так древность повесть сохранила
О Райской птичке, старика
Песнь дивной в думу погрузила
На незаметные века.
Я эту песнь тебе навею
При ярком трепете луны,
И мыслью ты умчишься с нею
В волшебный мир моей страны.

1829. Май

ВЕЧЕР

Вечер тихий, вечер ясный!
По тебе плывет ладья,
Вместе с девицей прекрасной
В ней сидел задумчив я.

Плещут веслы, плещут волны,
За ладьей струя бежит,
Ветерок, прохлады полный,
От шиповников скользит.

Дивной прелестью дышала
Вся прибрежная страна,
С края неба выплывала
Двоерогая луна.

Я глядел девице в очи, –
Что, луна, твой томный свет?
В звездном небе летней ночи
Им звезды подобной нет.

Я смотрел на кудри милой. –
Ах, игривая волна,
Блеском хладным ты манила,
Локон милой мягче льна.

Плещут волны, шепчут волны,
За ладьей струя бежит,
Сладко ветер благовонный
От шиповников скользит.

Лодка мчится; в синей дали
Гор бледнеет высота.
Я глядел в немой печали
На прелестные уста.

Губки, пламенней гренады,
Кто услышит ваш привет?
Упоенный встретить взгляды,
Где сияет дивный свет!..

Тих был вечер, вечер ясный,
Быстро мчалася ладья,
У кормы, плескаясь страстно,
Разбивалася струя.

Лейтесь волны, мчитесь волны,
Вас не долго видеть мне;
Скоро, грустный и безмолвный,
В дальней буду я стране.

Но, в томлении разлуки,
Будут жить в душе моей
Кудри русые и звуки,
Кроткий блеск ее очей.

1829. Июль

РЕВНИВЫЙ ДУХ

Когда над озером, играя,
Луч яркий угасает дня
И волн равнина голубая
Сверкает в пурпуре огня,
Тогда, печальный, молчаливый,
Незримый, но всегда с тобой,
Я устремлю мой взгляд ревнивый,
Прелестный друг, на образ твой.

О, если я замечу, страстный,
Что взор твой к юноше летит,
Взгляду – блеск молнии ужасный
Счастливица бледность озарит.
Его обымет страх невольный,
И, очи робко опустя,
Ты угадаешь гнев безмолвный,
Земли прелестное дитя!

Когда ж над сонною землею
Ночь звездный полог разовьет,
Я, не замеченный тобою,
Как аромат над лоном вод,
Скользну поверх твоей ложницы,
Приму знакомые черты
И на усталые зеницы
Навею дивные мечты.

Все мысли, скрытые волненья,
Все, все постигну я вполне,
Ты сердца выскажешь движенья,
Полузабывшись в сладком сне.

Но берегись хотя случайно
Чужое имя произнесть,
Не искушай нескромной тайной...
Мне тайны той не перенесть!

Исчезнут легкие виденья
И сон пленительный стократ:
Могучий гений разрушенья,
Я на тебя уставлю взгляд
Не с жаждой страстного лобзанья,
Не с пылким трепета лица,
Нет, буду я считать терзанья,
Твои терзанья без конца.

Моя любовь – как вихрь громовый,
Как огнь небес она чиста!
И месть моя!.. но ей оковы
Твори прелестные уста!
Твоя улыбка – мне веленье,
Взгляни!.. и раздраженный Бог
Падет к ногам в слезах, в смущенье,
Что он на миг забыться мог.

Июль 1829

МАРИУПОЛЬ

(*На новоселье*)

Mes idées sont trop vives pour se succeder; elles se presentent e toutes ensemble.

*Rousseau**

Есть домик – перед ним рисуясь
Цветник раскинулся легко,
И светлый пруд вблизи красуясь,
И рощи тень не далеко.
Сквозь зыбкий пар синеют горы
Из растворенного окна:
Там сельский вид пленяет взоры,
И в том краю цветет *она*.

О, как там сладок всход денницы!
Как ярко теплится заря!
Когда лучом поверх божницы
Иль в окна крадется горя,
И в ликах ангелов играя
Внезапно взор осветит мой,
Чья мысль, в молитве утопая,
Живет надеждой и тоской,

Я видел: там пылали розы,
Весной пел звучный соловей;
Но помню я и грусть и слезы

* Мои мысли слишком живые, чтобы просто следовать друг за другом, они возникают одновременно. *Руссо* (*фр.*).

Из полных прелестью очей.
Когда недугом пригвожденный
Младенец милый засыпал,
Над ним взор матери смятенной
С тревожной думою блуждал.

Он вопрошал и сумрак ночи,
И дальний край, где милый друг,
И мнилося ловили очи
Непостигаемый недуг,
Но минул он... улыбкой ясной
Уста задумчивой полны,
И были все черты прекрасной
Отрадою озарены.

Люблю, когда тот край блистает,
Облитый трепетной луной,
Когда окрестность чуть мелькает
Под серебристой пеленой;
И в отдалении тумана
Храм с колокольней над селом
Встает, в подобьи великана,
На небе темно-голубом.

За ним грядой синеют горы,
У ног их стелется Сура;
Там плещут светлые озеры,
Там льются сладко вечера.
О, сколько счастливых мгновений
Тот дальний край напомнил мне,
Любовь и прелесть вдохновений,
Уснувших сердца в глубине.

Придет весна, и вспыхнут розы,
Петь в роще будет соловей;
Но вы, любви живые слезы,
Вы не польетесь из очей!

Стеснив в груди упрек невольный
Мечте, польстившей лишь меня,
Я в чудный край, изгнанник вольный,
Умчусь, в душе ее храня!

Или, как жар полдневный сходит
На возрожденную страну,
И тихо роща тень наводит
На шумно-бьющую волну;
Чрез мостик, в рощице тенистой,
Готов таинственный приют,
Там пчелы сот сбирают чистый,
Туда Дриады в сень зовут.

Но лучший цвет уединенья,
Она... зачем ее назвать!
Узнает всякий без сомненья
Супругу нежную и мать.
На шумном пире новоселья,
Я одного б желать ей мог:
Побольше радостей, веселья,
И меньше горестных тревог.

1829

ГЛАЗКИ

Есть веселые глаза,
Так светлы, как небеса,
Тучки нет как ни одной
В тверди ясно-голубой.

Есть задумчивые очи,
Словно яхонт дивной ночи:
Той порой, как в вышине
Блещут звезды в тишине.

Есть улыбчивые глазки,
Так амура без повязки
Если б кто нарисовал,
Те бы глазки верно дал.

Есть глаза мечтанья полны,
Вечно томны и как волны
Переливные блестят,
То угаснут, то горят.

Есть роскошные глаза.
Их осетила слеза,
Но под влажной пеленой
Тлится огнь любви живой.

Есть сердитые глаза,
Как небесная гроза,
Будто туча, встретясь с тучей,
Реет молнией летучей.

Есть стыдливые глаза,
Всех очей они краса,

Сквозь опущенны ресницы
Блеск их сладостней денницы.

Есть печальные глаза,
Как вечерняя роса,
Слезы бьются в них порой,
Словно жемчуг дорогой.

Но одни я знаю глазки,
В них невинность, кротость, ласки,
В них сияние утех;
О, те глазки лучше всех!
Всех прекрасней, ярче дня,
Но глядят лишь на меня!

Август 1829

ВОЛЬНАЯ ПТИЧКА

(*Из Саадиева "Гюлистана". Книга 2-я*)

Я на заре последней ночи
Песнь вольной птички услыхал;
Как звук был сладостен! – мне в очи
Слеза прокралась – я взрыдал.
Мой друг услышал вздох случайно,
Он молвил: "Не могу понять,
Чем птички песнь необычайно
Тебя могла так взволновать?"
– Ах, я сказал, певец воздушный
Пел славу Бога в вышине;
Как мог я слышать равнодушно,
Молчать возможно ль было мне!

Сентябрь 1829

ДВЕ ЭПИТАФИИ

1.

Покойся, милая, под урною печальной,
Как рановременно покинула ты нас!
Давно ль блистала ты, надев покров венчальный,
Давно ль в кругу родных звучал приветный глас!
Теперь скорбит отец, супруг в слезах рыдает,
Зовут прекрасную – увы! ответа нет!
Она угаснула, как рожа, в цвете лет,
Здесь прах – душа давно на небе обитает.

2.

Любовь сей памятник в слезах соорудила;
Супруга милая, дочь нежная и мать!
Как мало на земле средь нас ты погостила!
Как долго о тебе нам слезы проливать!

Сентябрь 1829

* * *

Ей не даны в отраду слезы:
Она молчит, она бледна!
Ланит приметно гаснут розы,
И с каждым днем грустней она.

Когда б в очах родились слезы!
Что если б молвила она!
Быть может вспыхнули бы розы
И не была б она бледна.

Но я один роняю слезы...
Она молчит, она бледна,
И в ранний гроб, мгновенней розы
Нисходит: грустная, она.

Октябрь 1829

ЕРМОЛОВУ[1]

Когда с надеждою высокой
Ты к славе пролагал свой путь,
Восторг невольный и глубокий
Вздымал мою младую грудь.

Я пел героя в поле брани,
Я пел сановника-посла,
Ужасного по мощной длани
Врагам двуглавого орла.

Чей меч карал, а дальновидный
Всё быстро мог предвидеть взор,
Чье имя и черкес в гранитный
Врубил утес Кавказских гор.

Твой быстро жребий совершился,
И ты судьбу узнал, герой!
Один... нет, вкруг тебя столпился
Твоих побед завидный рой.

Так Цинцинат блеск римской тоги
Простой одеждой заменил[2]
И бранные забыв тревоги
В безвестной доле славен был.

Октябрь 1829

ПЕСНЬ ТАТАРИНА

Песнь татарина звонка и громка,
  Она льется, не сливается;
То кипит она, как Волга река,
  То, как иней, рассыпается.

Спой, Татарин, про родную сторону;
  Но татарин усмехается:
Где страна моя? – Чем песнь мою начну? –
  Эта песнь не запевается.

Спой, Татарин, о деяньях бывших лет,
  Про Мамаевы побоища;
От Златой Орды остался ли след?
  Где несметные сокровища? –
У Татарина для славы песней нет,
  И задумчивый, печальный
  Звук из уст его слетел:
  Славить песнью погребальной
  Мне Орду дано в удел.
  Я победны слышу клики...
  Где ж, Орда, твои сыны?
  Где могучие владыки?
  Все, как прах, разнесены.

Вкруг высокого кургана
Ветер воет в вышине.
Неотмщенная тень хана
    Там рыдает в вышине;
    Стонут юные рабыни,
    Опустел гарем дворца,
    Ряд годов, как ветр пустыни,

Сгладил все земли с лица.
Вкруг стоят одни обломки
И, полночною порой,
Вторит голос эха звонкий:
Раболепные потомки,
Неоплакан жребий мой!
Кто из вас могучей дланью
Предка щит пробьет копьем?
Кто меня потешит бранью
В вековечном сне моем?
Надо мной песок зыбучий
Лег свинцовою горой,
Впились в грудь, как лес дремучий,
Стрелы битвы роковой;
Но лишь звук услышу бранный,
Я воспряну ото сна,
Я взовьюсь, как столб туманный,
Как десятая волна.
Полечу взглянуть на сечу,
Вспомню битву юных лет,
Молнию пошлю в предтечу,
Вьюгой замету свой след.
Но к чему ласкаюсь бранью:
Над луной орел парит,
И рабу ль бессильной дланью
Мой пробить тяжелый щит!..
Песнь Татарина звонка и громка:
Она льется, не сливается,
Смолкла... слезы на глазах у старика,
Он, как Волга, заливается.

Июль 1827

МУЧЕНИК ЛЮБВИ

Femmes! femmes! objets ohens ot funestes, quo la natura orno pour notre supplice, qui punitsea quecoid on vous brave, qui poursreivek guand on vous eraind, dont la haine et l'amour sont egalement nuisiblos, et qu'on ne peut ni rechercher, ni fuis impkocoment.

*J.J. Rousseau**

Где, где он, тот кумир, тобой превознесенный,
Кумир, что пламенной душой боготворил,
Пред кем безумный, исступленный,
Ты слезы лил?
Где он, предмет твоих желаний,
Вина безсонливых ночей,
Кумир – источник бед и ликований,
Игра встревоженных страстей!

Он рушился, и чар не стало!
О чем, безумец, слезы льешь?
Иль сетуешь, что с глаз повязка пала,
Или страданий прежних мало,
Что ты оковы с грустью рвешь.

Слеза горит в твоих очах
И бледны впалые ланиты.
Слепец! искал ты счастия в мечтах,

* Женщины, женщины! Предмет постоянного поклонения, созданные природой для нашего восхищения, к которому устремляются наши желания, когда мы одиноки, дарящие нам любовь как награду, которую мы обретаем за наши слезы, бессонные ночи и тревожные страсти. *Ж.-Ж. Руссо* (*фр.*)

Теперь глаза твои открыты,
Прекрасный мир тебя манит,
И жизнь и юность – все ласкает;
Иди бестрепетно, тебя не повстречает
Судьба, которой взгляд так сердце леденит.

Ты говоришь: надежды все напрасны,
Их много в мире есть; но все ль они прекрасны,
И встретишь редкую на жизненном пути.
Ты говоришь: в тени дубравной сладко
Поет весну влюбленный соловей,
Пройдет пора; и звук его украдкой
Не огласит задумчивых ветвей.
Она прошла – минута упоенья,
Вся жизнь моя тот легкий звук была;
Весна, весна волшебного виденья,
Ты навсегда для сердца умерла...

Я разгадал твой ропот безнадежный,
Ужели ты, в страданьи, счастлив был,
Встречал ли ты хоть взгляд спокойно нежный
У божества, которому кадил,
        Которого ты очи голубые
Равнял с волной, с лазурной высотой,
Чьи пел уста и кудри золотые,
И поцелуй стыдливый, огневой.
Или тебе была та мука в радость,
Приятен ряд безсонливых ночей,
Когда в тоске твоя тянулась младость,
        И слезы лились из очей.

Не сам ли ты создал кумир случайный,
        Его высокими дарами наделил,
Ему души своей, всех мыслей вверил тайны,
И дело рук своих с восторгом полюбил.
Остановись, послушай детский лепет,
Из милых уст как прежде льется он...

Знакомый звук в тебе рождает трепет,
Но ты стоишь печален, изумлен,
Не веришь сам, в сомнении ужасном,
Иль, может быть, боишься верить ты,
Что в существе младенчески-прекрасном
Мог слить в одно все лучшие мечты.

Прекрасен был твой гений благодатный,
　　　　Поэзии высокий идеал,
Он был свежей ромашки ароматной,
　　　　Светлей, чем яркий волн кристалл.
Ты говоришь: “Она меня любила,
Как сладок мне был блеск ее очей!
Оттоле жизнь восторгом мне светила,
Не жизнь, а смерть осталась мне без ней!”
Но где ж любовь, о смертный непонятный,
Лишь ты любил, без чувств была она:
С высот небес так блеск один приятный
Без теплоты на землю льет луна.
Любил лишь ты; она любви не знала;
В кругу подруг, или в тиши одна,
Она слезы любви не проливала,
И о тебе ни разу не мечтала,
Ни наяву, ни в томной неге сна.

Она – дитя умом, сердечным чувством,
И пыл страстей – ей чужд был их привет!
Поет ли песнь: всё дышит в ней искусством;
Но песни жизнь – душа, души в ней нет.
. . . .
. . . .

1829. Сентябрь

ПЕСНЬ ОТАИТЯНКИ

Крылатый бич останови,
Сверни, пловец, свой парус белый!
Здесь пристань счастья и любви,
Здесь ждет приют тебя веселый.

Сойди к нам; посмотри – вокруг
Цветы, – полн воздух негой томной,
Сойди, спокойся, дальний друг,
Ясмина в куще благовонной.

У нас ручьи горят сребром,
Деревья зелень не меняют,
И сладко птицы в ночь и днем
Дубравы пеньем оглашают.

С высокой палубы сравни
Наш остров, море – степь лазури:
Здесь смех и радости одни,
А там печаль, заботы, бури.

Там стелется сырой туман; –
А здесь, под свод из листьев зыбкий,
Зовет прилечь тебя банан,
Ждет дева с пламенной улыбкой.

Взгляни как высится кокос!
Как ярко блещет померанец!
Приди, приди в беседку роз,
Любезный сердцу чужестранец.

См.: Voyage de Bougainoi b le, Voyage aye for du monde en 1766 a 1769. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

В вечернем сумраке одна
Я буду ждать тебя украдкой;
Там от забав, в дремоту сна,
Ты погрузишься думой сладкой.

На грудь мне, страстно утомлен
Ты упадешь, мечтой чаруем,
И к утру будешь пробужден
Моим горящим поцелуем.

Приди на тайный зов любви,
Прекрасна я – я перло юга!
Объятья пламенны мои,
И я... еще не знала друга.

Она манит, она поет...
Покров последний упадает;
И вот она в пучине вод!
И вопль из пены возникает.

Рукой с прелестного лица
Откинув локон, влаги полный,
Глядит с восторгом на пловца
И вкруг нее играют волны.

Декабрь 1829

РАИЧУ

Когда, в тиши уединенья,
Прелестный гений преснопенья
Поэта юного ласкал,
И лавр Марона, розы Тасса[1]
Любимцу русского Парнаса
В венок завидный собирал;

Тогда Киприды сын лукавый,
Покинув резвые забавы,
С досадой на венок смотрел,
Он видел лавры, видел розы
И проливал живые слезы,
Что сын богов его презрел.

Но вдруг, как будто вдохновенный,
Он вскрикнул с радостью мгновенной:
“Добро ж, меня узнает он!” –
Отбросил лук, колчан и стрелы,
И, полн в душе отваги, смелый,
Певцу навеял в душу сон.

Волшебный сон! в нем живо, ясно
Поэта девы лик прекрасной
Впервые сердце взволновал:
Что постигать он мог мечтами,
Явилось, светит пред очами,
И он восторг любви узнал.

Любовью дышат звучны струны,
И льются сладостные думы
Как гармонический поток!
И вот, рукою Гименея,
Беспечно вплетена лилея
Меж роз и лаврами в венок.

1829

МОГАММЕД

Как мудр пророк-завоеватель!
Как рай свой создал он умно!
Он знал, что человек – мечтатель
И любит деву и вино.

За семь небес, пройдя три моря,
Чудесный сад раскинул он,
Счастливец там не знает горя,
Блаженств вкушая дивный сон.

В одежде шелковой, небрежно,
Раскинувшись на ложе нег,
В сияньи солнца, безмятежно
Он дни проводит средь утех.

Над ним прохладой свежей дышат
Древа, растущие вокруг.
Их ветерки едва колышут,
Свевая серебристый звук.

Плоды под зыбкими ветвями
Льют в воздух, чистый аромат;
Лишь пожелай, нисходят сами,
В устах и тают и горят.

Из светлых чаш, сребр														рочеканных,
Затмивших блеском хрустали,
Он токи волн благоуханных
Пьет вин безвестных на земли.

Чудесны вина Магомета,
Их носит чашник молодой,
Белей, чем жемчуг непродетый,
Прекрасней дня, полунагой...

Когда ж луною небо рая
Таинственно озарено,
Его ждет гурия младая,
Милей, чем чашник и вино.

К нему приблизится стыдливо
Она воздушною стопой,
Разбудит сон его ленивый
Для неги резвой и живой.

Черны как ночь – глаза прелестной!
Роскошна грудь... и пылко он
Разделит с ней восторг небесный,
Не утомлен, но упоен...

Декабрь 1829

ПРЕЛЕСТНИЦА

Посмотри, как я прекрасна;
Как воздушна и легка,
В резвой пляске сладострастна,
Миловидна и ловка!
Всех маню к себе я взглядом,
Слышу сердце в тишине;
Мне пристали все наряды...
Милый друг! женись на мне.

Песнь пою ли я – мгновенно
Все ко мне склоняют слух,
Ловят голос несравненный,
Жаждут слышать каждый звук.
Я пою: и песнь доходит
К тайной сердца глубине;
Кто услышал – глаз не сводит.
Милый друг! женись на мне.

Локон мой так нежно вьется
У пылающей щеки,
Сердце сильно, страстно бьется
Лишь коснусь твоей руки.
Я смотрю: очами таю
Как с тобой наедине!
Если б знал ты, как пылаю!..
Милый друг! женись на мне.

Он глядит, словам внимает,
Сам не верит и немой,
Очи в землю опускает

Пред прелестницей младой,
И робея, и чрез силы,
Зарумянясь ярче дня,
Тихо молвил ей: “друг милый!
Как жениться! – мы родня”!

1829. Декабрь

ПОЭТ И СВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Светский человек

Скажи, о чем твоя печаль?
Ты в наш кружок давно не ходишь,
Ни с кем ни слова не заводишь
И вечно грустен. Как мне жаль,
Что ты напрасно тратишь младость
В печальных мыслях, в суете!

Поэт

Кто понял дум высоких сладость,
Тот обнял счастье в полноте.
На ваши игры и забавы
Я пригляделся...

Светский человек

Верно, славы
Ты ищешь в звуках неземных!
Певец жить должен для других.

Поэт

Ему ли жертвовать для света
Восторгом пылких чувств своих!
Нет, как свободный, звучный стих –
Свобода – жизнь, душа Поэта.

Светский человек

Он должен с светом быть согласен,
Его причуды исполнять,

Быть с предрассудками безгласен,
Привычки, все перенимать.
Не то – весь труд его напрасен:
Будь он велик, будь он прекрасен, –
Никто не станет и читать.

Поэт

Не современников хваленье
Его высокая мечта.
Потомству вверит он творенье,
Где блещет мыслей чистота,
Где в каждом звуке весь он дышит;
Где сильным, творческим пером,
Пылая дивных муз огнем,
Души великой повесть пишет.
Зоилов не сотрет рука
Слова, что боги завещали!
Нет, ярко врежут их века
Бессмертья в вечные скрижали.

1829

А.Г.Х.

при посылке стихов
"Я помню всё..."

Желали вы, чтоб передал
Я пылкой музы вдохновенье:
Мой стих незвучен, слаб и вял;
Но я исполнил порученье.
И кто б, скажите, смело мог
Польстить себе завидной властью
Создать огнем горящий слог,
Стихи, исполненные страстью.
Читая их рука дрожит,
И мысль полна недоуменьем:
Не снова ль древность нам дарит
Певицы Лесбоса[1] твореньем?

1828

ОЧАРОВАННЫЙ ЗАМОК

(отрывок)

Есть замок старый на бреге крутом,
К нему загражден путь подъемным мостом.
Над озером свис он, один, молчаливый,
Вокруг его дремлют плакучие ивы.

По стенам зубчатым плющ стебли развил,
И окны на башне мох темный покрыл:
Там ласточка гнезды весной не свивает,
И ворон испуганный с криком летает.

Никто никого не видал на стене,
Ни в ясное солнце, ни в бледной луне,
А в замок и смелый вступить не решится,
Издревле там клад, говорят, сторожится.

В году лишь однажды, на Троицын день,
Лишь только, пред утром, спадет ночи тень,
Незримый средь замка рожок заиграет,
И мост на заржавых цепях упадает.

Ворота, раскрывшись, на петлях скрипят,
И чудные звуки из замка летят:
Веселие утром, а к ночи уныло...
День минует, и в замке все тихо, как было.

1829

ТРИ КРАСАВИЦЫ

Когда, в восторгах жизни юной,
Я, чуждый грусти, ликовал,
И сонм забот невольной думой
Моей души не возмущал,
С надеждой в сердце, с верой ясной
Тогда, я помню, зрелись мне
Три девы – образ их прекрасный
Еще видаю в сладком сне.

Одна, светла как утро мая,
Нежнее первенцов весны,
Меня ласкала, напевая
Мне звуки милой старины.
Я помню смелые напевы,
Язык, исполненный огня;
Чудесный взор чудесной девы,
Пленявший юношу меня;
Ее рассказ живой, блестящий,
Обильный множеством чудес,
И мир, вдали яркогорящий,
Прелестный, как лазурь небес, –
Все в незабвенной тайной было
Для пылкой, девственной души;
Но сердце мысль ее ловило
И было счастливо в тиши.

Не долго спутницей моею
Певица юная была!
Она исчезла! – вместе с нею
Вся прелесть песней умерла.
Но деву я нашел другую:

Восторг любви, восторг очей!
Еще и ныне я тоскую,
Когда припомню лишь о ней.
Нет, не забуду первой встречи.
В волненьи мысль, вся кровь кипит!
Я помню ласковые речи
И пламень розовых ланит.
Жива, как легкий блеск зарницы,
Непостоянна, как дитя,
Веселая, как луч денницы,
Она все делала шутя.
Родные звуки, мир чудесный
Я всё с волшебницей забыл,
Мне новый мир в очах прелестной
Зажегся, мысли озарил.
Уста красавицы горели
На жарких юноши устах,
И тайны дивные яснели
В ее восторженных словах.

И где ж она? – мечтой приятной
Она мелькнула на земле!
Но вот, как ангел благодатный
С величьем кротким на челе
Вдруг дева новая предстала:
В очах таинственной сияла
Небес высоких красота;
Она торжественно молчала,
Иль для молитвы раскрывала
Красноречивые уста.
Святое сердца умиленье
В лице явилося у ней.
Я встретил милое явленье
И не был в силах свесть очей.
Чужда страстей тревоги шумной
И детских, своенравных дум,

Она от радости безумной
Умела оградить свой ум.
Она в тиши любить умела,
Приветной тайной чувства скрыв;
Но как вся грудь в ней пламенела!
Как чувств восторжен был порыв!
Как ласки сладостны и живы,
Как страстно поцелуй горел.
И я с безумствием, счастливый –
Я на устах прекрасной млел.

Когда ж прелестная украдкой
Как светлый метеор, прошла;
Тогда душа для неги сладкой,
Для упоений умерла.
Все чувства сердца охладели,
И жизнь, как песня колыбели,
Скучна мне стала и грустна;
Я в ней искал надежной цели,
Я в ней нашел лишь призрак сна.

1828

ПЕСНЬ НОРДМАНОВ

Мы быстро носились вдоль бурных морей,
Мы видели светлые воды,
Где солнце, сияньем волшебных лучей
Эдем озаряет природы.
Там дышит огнистый лимон для очей,
Там мирт и златой померанец,
И персик, таяся от знойных лучей,
Как юная дива, сквозь сумрак ветвей
Стыдливый свой кажет румянец.
Там в воздух льет запах златой ананас,
Как звезды блистают гренады,
Вкруг пальмы нагорной лоза обовьясь,
Свивает беседки прохлады;
И пышные гроздья накинув с высот,
Как будто с улыбкой сорвать их зовет.
Мы ели гренады с зеленых ветвей,
Мы гроздья румяные рвали;
Но снежные горы отчизны своей
С живою тоской вспоминали!
Мы смело летели чрез бурны моря,
Далекие страны мы зрели,
Бесценные камни вблизи янтаря
На поясе нашем горели.
И жемчуг, и перлы мы видели там,
И чудные лесы коралла,
Мы видели: злато к роскошным брегам
Волна за волной привлекала;
Бальзам, разливаясь под тонкой корой,
Древесной слезою точился,
И запах сандала над всею страной
Роскошно и сладко носился.

Мы весело плыли вдоль бурных морей;
Наш парус на юге белелся;
И дев мы там знали. В огне их очей
Блеск яркой зарницы яснелся.
Как юная пальма их стан молодой,
А кудри их – ворона перья,
Играют, сбегают по плечам струей,
На шее блестят ожерелья.
Вкруг гибкого стана, звонками покрыт,
Серебряный пояс блистает;
Он в пляске роскошной приятно звенит,
И сердце тот звук увлекает.
Мы ласки делили пленительных дев:
И в очи, в уста целовали.
Их песней внимали мы шумный напев
И слезы тоски проливали.
Могли ли забыть мы красавиц своих!
На Севере милом, далеко,
Там много сияет очей голубых,
В светлице таясь одинокой.
Их локоны – злато; стан – колос полей.
В ланитах румянец денницы;
Их ноги нагорного снега белей;
А робкое сердце.:. чье сердце нежней
Красавицы Русской девицы!

Скорее, о други!
Бросайте кольчуги
С могучих плечей.
Мы вдоволь гуляли
На пире мечей,
Мы смело летали
Вдоль черных морей.
За весла дружнее,
За весла скорей.

Нам бури не страшны:
Мы с морем седым
Давно обручились
Кольцом золотым.
Кто грудью отважный
Нам путь заградит?
Мы славно рубились,
Мы дружно делились
И ветер попутный
В наш парус шумит.

По синей пучине
Помчимся орлом!
Как в горной равнине
Он машет крылом,
Взмахнем мы веслом.
Кто встретится с нами –
Настигнем грозой!
Сразимся мечами,
И трупы убитых
Покроем волнами
Пучины седой.

Мы славно рубились
На пире мечей;
Скорее, о други,
Бросайте кольчуги
С могучих плечей!
За весла дружнее,
За весла скорей.

1827

АЛЬБОМ II

ПРОСТИ

Не возбуждай моей тоски,
На миг затихшего страданья
Пожатьем трепетным руки,
Печальным словом расставанья!

Бесценный друг, забудь, забудь,
Что завтра нам проститься должно!
Сегодня счастливою будь,
И будь веселой, если можно.

О, будь по-прежнему резва,
Как в дни обманчивого счастья,
Когда в устах твоих слова
Звучали негой сладострастья.

Взгляни! с высот небес луна
Так ясно светит, дышат розы…
Но ты безмолвна, ты бледна,
И сквозь улыбку блещут слезы.

Чуть слышно сжатие руки,
Без чувства хладное лобзанье;
Не пробуждай моей тоски
Печальным словом расставанья!

О, дай на милые черты
Вглядеться мне в суровой доле;
"Люблю тебя" – промолви ты,
Когда сказать не можешь боле.

Сей звук грусть сердца усладит,
Напомнит мне в чужбине дальной
И бледность томную ланит,
И взгляд задумчиво-печальный.

Март 1830

ПЕСНЬ

В куще радостной Эдема
Дышут райские цветы,
В неге пышного гарема
Плачет дева красоты.

Блеск росы в цветах играет,
Солнцем весело горя;
Дева грустная вздыхает,
Никому не говоря.

Хладом ветр земной подуя,
Чужд для райского шипка!
Дева жаждет поцелуя;
Но в душе ее тоска.

Апрель 1830

СОВЕТ

Когда придет час пламенной любви,
О юноша, чтоб не жалеть утраты,
Восторженней, душой его лови,
Мы радостьми в сей жизни не богаты.
Пока в груди кипит младая кровь
И вкруг чела играет рой мечтаний,
И светел взор, как первая любовь,
Ласкательный, как дым благоуханий,
Спеши срывать мгновенные цветы;
Она придет, минута сожалений,
Невольно вдруг задумаешься ты,
В тревоге чувств, в порыве наслаждений,
Таинственный к тебе приступит Гений
И выведет из области мечты.
Он всю тщету, всю суетность укажет
И жизни сей и всех ее даров.
Оледенит в тебе живую радость,
Насмешкою заплатит за любовь,
Его упрек сменит восторгом сладость
И сей восторг не воззовет он вновь.
Так от брегов туманного Айдеса[1]
Еще никто назад не приходил.
Когда ж с очей спадет твоих завеса,
О лучше б ты не жил и не любил.

Апрель 1830

МУЧЕНИК ЛЮДЕЙ

О милый друг, еще в моей груди
Не бился вздох под дымкой покрывала,
Я тайных слез в тиши не проливала,
И для меня все ясно впереди.

Но отчего горишь ты и вздыхаешь?
Вблизи меня так бледен и смущен?
Или тебя встревожил страшный сон,
Проснись скорей, обман свой разгадаешь,
Которым ты так живо обольщен.

Но говорят, что с новою весной
И я, как ты, мечтой томиться буду,
Что игры я подруг моих забуду,
И силу чар признаю над собой.

Как я боюсь весны сей недалекой,
Как весело ждала ее сперва,
Скажи мне, друг, о друг мой черноокий,
Тех чар отвесть не могут ли слова? –

Она к нему склонила взгляд свой ясный,
Так прост ее младенческий язык;
А он молчит, волнуем думой страстной,
А он в слезах и головой поник.

Апрель 1830

ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ[1]

При посвящении "Свет гарема"[2]

Как древле в Персии всходящая денница
Перерождала в перл весеннюю росу;
Твое внимание, один твой взгляд, царица,
Придаст стихам Певца и славу и красу.

Шипок, взлелеенный под небом Альбиона,
Прими от Русского с державной высоты,
Под скиптром мудрого он расцветет у трона,
Все добродетели где сочетала ты.

* * *

(*Из Беранже*)

О боги, как она мила!
Я буду весь пылать к ней страстью!
Какую прелесть разлила
Задумчивость в лице прекрасной!
Любовь глаза сии зажгла.
В них свод небес горит лазурен.
О боги, как она мила!
А я так дурен, я так дурен.

О боги, как она мила!
Семнадцать раз ей май смеется!
На губках роза расцвела,
Роскошно локон русый вьется.
Судьба ей тьму даров дала,
Щади цвет скромный, ветер бурен;
О боги, как она мила!
А я, так дурен; я так дурен.

О боги, как она мила!
И я любим так ею нежно,
До ней вся жизнь моя текла
Холодно, в грусти безнадежной;
Она мой пламень поняла,
Чаруя дивной красотою,
О боги! как она мила,
А я, как дурен я собою!

О боги, как она мила!
Как сердцем любит ⟨*нрзб.*⟩
Она счастливцу мне сплела

Венок из мирт благоуханный.
Вся грудь восторгами полна;
Покровы, ниц передо мною!
О боги, как она мила!
А я, как дурен я собою.

Июль 1830

РУСАЛКИ

1

Сходил ли ты в пучину вод,
В русло Днепровской чаровницы?
Где вьется резвый хоровод
Русалок юных вкруг царицы?
У ног прелестных стелет вал
Янтарь, и жемчуг, и коралл.

2

Видал ли дивный ты чертог,
Блестящий тканью изумрудной?
Вступал ли ты через порог,
Где свод струями вылит чудный?
Где плещет, шепчет негой тень,
Где в радугах играет день.

3

Слыхал ли смех поверх зыбей,
Когда из волн, главой всплывая,
В роскошном золоте кудрей
Русалка юная, нагая,
Выходит робко при луне,
Качаясь резво на волне?

4

Над нею звездный полог свой
Вечерний сумрак развивает,
Ее ревнивою волной

Днепр сладострастно обнимает,
И далеко чарует слух
Плеск волн, лобзаний влажных рук.

5

Но в час ночной зачем одна
Чертог покинула царица?
И молчалива, и бледна,
Блеск ловит яркой вечерницы?
Как бы в сребре ее лучей
Есть что-то милое для ней.

6

Как бы душа… но ах, души,
Души лишь нет в созданье нежном;
Она смеется, но в тиши
Томится страхом безнадежным,
Что эта жизнь и красота,
Блеснув, угаснут, как мечта.

7

Кто в тот ужасный, грозный час,
Когда велением Еговы[1]
Трубы раздастся чудный глас,
Всех исполняя жизнью новой,
Она уж не проснется вновь
На жизнь, на радость и любовь.

8

Одна, забытая в числе
Земных созданий, дочерь рая,
Она исчезнет на земле.

И зыбкий след не оставляя,
Как отзыв порванной струны,
Как блеск промчавшейся волны.

9

Исполненна печальных дум,
Льет слезы юное созданье,
Давно русалок смолкнул шум,
Чуть слышно в берег волн плесканье!
Вдруг дивный, весь в венце лучей
Слетел и сладко шепчет ей:

10

Источник благости Егова,
И в гневе милость он творит;
Он рек: "Эдем доступен снова:
Русалке, если съединит
Она жизнь юную от века
С душой бессмертной человека.

11

Приятен небу сей союз.
Он смоет пятна преступленья;
Но под ярмом житейских уз
Она житейские мученья
Узнать должна, и цепь забот
На душу юную падет.

12

Но если в лоне скорбных дней
Она одно примолвит слово,
Что тяжко жить на свете ей,

Что быть русалкой хочет снова.
Тогда на всех с пучиной вод
Безвестной каплей жизнь сольет!”

13

Сказал, и весело над ней
Крылом сребристым помавает;
Она глядит… поверх зыбей
Луч вечерницы потухает,
В очах нет слез… в ней мысль одна:
Бессмертной может быть она!

Начато 1830 июля

ЦЕВНИЦА

Мне говорят, что я любовь,
Одну любовь пою;
Она мою волнует кровь
И душу сжет мою.

Напрасно смелою хвалой
Победы петь хочу,
Неверен, робок голос мой,
Струной едва звучу.

Хладеет дум кипящих жар,
Чуть движутся персты…
Любовь… и снова песней дар
И дивные мечты,

И дышит каждая струна
Роскошно под рукой,
Мелодией оживлена
Небесной, не земной.

Разбей цевницу, говорят,
Иль строй на новый лад,
Но губки Олиньки горят,
Но полон страсти взгляд.

Цевницу мне легко разбить,
Замолкнут песни с ней!..
А я, я милую любить
До поздних буду дней.

И будет грудь моя полна
Безмолвною тоской,
И не придет уже она
Послушать голос мой.

Нет, дайте ж, дайте мне скорей
Цевницу, и опять
Я про любовь мою, для ней
Петь буду и звучать.

Июль 1830

ТРИ КАПЕЛЬКИ

Три капельки, летя с небесной высоты,
Сверкали в воздухе, Их жребий был неравный.
Одна скатилася в ясминные листы
И претворилася в эфир благоуханный.
Другая канула на глубь морского дна
И перлом в раковине стала.
На каменный утес последняя упала,
И, солнечным лучом поражена,
Алмазом сделалась, но под корой пропала.
Мои три капельки не трудно разгадать,
На свете сем людей два рода:
Одни в виду, – заслуги их – порода;
Алмаз и перл должно искать.

Июль 1830

МОЛЬ И МОТЫЛЕК

Нет справедливости на каплю у людей! –
Сказала Мотыльку однажды Моль с досады, –
Чем лучше ты меня? – Немножечко пестрей!
Я – чистым серебром сверкаю пред лампадой.
Ты целый день кружишься лишь в цветах,
Ну так, что даже скучно видеть.
Я редко на глазах,
Живу отшельницей, – в пыли и в сундуках,
За что же, бедную, так людям ненавидеть?
Тобой любуются, меня увидев бьют,
Скажи, по совести, где правосудье тут?
Нет, видно на роду мне писано проклятье!
– Напрасно ропщешь ты, – в ответ ей Мотылек, –
Сбирай, как я, цветочный сок,
Зачем ты кроешься? Зачем ты точишь платье?

Я мог бы Мотылька с писателем сравнить,
Чей труд – источник наслажденья.
Моль – критик. Цель его – точить
Чужие лишь творенья.

Июнь 1830

БЕЗЗУБЫЙ

Слава Богу, слава Жоли!
Я с зубами – и теперь
Предо мной с насмешкой боле
Не захлопнет Лиза дверь.

Что за зубы! видеть любо!
Можно жемчугом назвать.
И плутовка! "прочь, беззубый"
Мне не вправе уж сказать.

Нет, я зеркальце нарочно
Сам теперь у ней спрошу,
Новых перлов ряд восточный
Невзначай ей покажу.

То-то будет удивленье;
Но боюсь, чтоб мне опять,
В сладкой неге упоенья
Всех зубов не растерять.

Нужды нет! взойдут без боли
Под рукою Жоли вмиг!
Слава Богу, слава Жоли!
Не беззубый я старик.

Июль 1830

ВОРОНЫ

(С английского)

Ворон, плавая кругами
Над крутыми берегами,
Каркнул ворону во след:
Где сегодня нам обед?

– Там, под Твидою[1] глубокой,
Где чернеет вал широкий,
Добрый молодец лежит,
Кровь из ран его бежит.

Кем убит и для чего,
Не узнаешь от него;
Знают ястреб, конь, борзая,
Знает дева молодая.

Ястреб бьет с чужой руки[2],
У коня есть седоки.
Пред другим борзая мчится,
С новым молодцем девица.

Сядь на перси ты младые,
Выклюй очи голубые,
Кудри ж русые кольцом
Вдаль по гнездам разнесем. –

Как друзья его любили!
Но друзья спросить забыли:
Что ловец их удалой
Медлит к чаше круговой?

ОТРЫВОК

. . . .

В годины варварства, в обители сокрытый,
Невежда, говорят, пергамент искажал,
Где были истины высокие развиты,
Где опыт долгих лет мудрец передавал.
Он письмена скоблил рукою святотатной,
По ним на хартии чертил свой грубый вздор,
И труд великого погиб бы невозвратно,
Когда б чрез много лет, знаток случайно взор
Не бросил на архив бумаг почти истлевших,
С которых цвет чернил от гнилости сбежал,
Под ними след письмен едва истлевших
Прочел он с жадностью, заплакал, зарыдал,
С душою, полною восторгом умиленья,
Он свету передал найденные творенья.
И снова жив мудрец с правдивою хвалой!
Невежда ж позабыт, как труд его гнилой.

Я это б применил… Молчу, боясь обидеть!
Но кто не слеп, тому не трудно видеть.

ВИДЕНЬЕ

Мне виделось: внезапно предо мной
Раскрылася безмолвная могила,
И я опять увидел образ той,
Кого душа так пламенно любила,
Кого давно с безумною тоской,
С надеждами так рано схоронила.

Могильный червь не прикоснулся к ней!
Ее красу года не истребили,
Все тот же блеск и золото кудрей,
Все те ж уста, что поцелуй манили,
И мнилося, я слышал звук речей,
И про любовь те звуки говорили.

Какой мечтой ласкалася душа –
Что если взор прелестной оживится?
Забьется грудь, любовию дыша,
В ланитах вновь румянец загорится?
Ах, мертвая была так хороша!
Что ж было бы, когда б ей пробудиться!

Раскройтесь же вы, свежие уста!
Услышьте зов знакомого призванья!..
В глубоком сне младая красота,
Кто ⟨*нрзб.*⟩ чар волшебных обаянья!
Я руку взял – уже ли теплоты
И жизни вновь я слышу трепетанье!

Но медленно труп хладный оживал,
Торжественно усопшая вставала,
Как у брегов ложится пенный вал

Она с себя свой саван совлекала.
На мне ее потухший взор упал;
И сыростью могила отвевала.

Я слышал глас: “Смерть жертв не отдает!”
Глас мертвеца… Власы горою встали…
Простерся я, дрожа; холодный пот
Лился по мне, и члены трепетали,
Рука была бесчувственна, как лед,
И звук уста невнятный лепетали.

Май 1830

СТРАННИК

Отрывок

Я все прошел: моря и сушу,
И труд мой труден, скучен был.
Устала грудь в исканиях напрасных,
Все, мыслил я, найду в суждениях прекрасно,
Там встречу, там найду я пламенную душу,
Она поймет, поймет меня.

И целый мир, неутомимый странник,
Я исходил, мечтой себя маня.
Что ж видел я, – что смертный здесь изгнанник,
Поденщик будущего дня.

Надеждою взлелеян в колыбели,
Любовию взбалован в цвете лет,
Короткий миг мужает к зыбкой цели,
И старику до ней достигнуть силы нет.

Что ищет он? – во всех странах земли
Слепец несет ярмо предрассуждений,
Ничтожный раб своих творений,
Искатель счастия вдали.

Предавшися страстей своих влеченью,
Он чувства златом оценил,
И сам на жертву посвятил
И мысли, и слова общественному мненью.
. . . .

КНЯЗЬ

(Из Беранже)

Клад мне истинно жена.
Так прелестно все в Лизете!
Мне доставила она
Друга редкого на свете.
Лишь пришли мы от венца,
Князь нас встретил у крыльца.

Боже мой, такое счастье!
Князь, мне милость дорога,
Чем воздать вам за участье,
Ваш покорный я слуга.

Все дела его я знаю,
Выше всех они похвал.
Он к Министру в прошлом мае
Взял жену мою на бал,
Если встретится со мною,
В руку хлопает рукой.

Боже мой, какое счастье!
Князь, мне милость дорога.
Чем воздать вам за участье!
Ваш покорный я слуга,

Без жеманства он пустого,
И его любезней нет;
Если Лиза нездорова,
С ней садится он в пикет.
В именины, в новый год
Мне он праздники даёт.

Боже мой, какое счастье!
Князь, мне милость дорога.
Чем воздать вам за участье?
Ваш покорный я слуга.

Если вечером дождливым
Должен дома я скучать,
Князь с приветом мне шутливым:
"Что не едешь, брат, гулять!
Будь со мною без чинов.
Мой ландо внизу готов".

Боже мой, какое счастье!
Князь, мне милость дорога.
Чем воздать вам за участье!
Ваш покорный я слуга.

Поздно, встретившись дорогой,
Он на дачу нас зазвал.
Мне шампанского лил много,
Я с женою розно спал.
Лучшая постель в дому
Мне досталась одному.

Боже мой, какая честь!
. . . . и т.д.

Сына празднуя рожденье,
Князя я просил крестить.
Над младенцем в восхищенье
Слез своих не мог он скрыть.
Для того назначил он
В завещаньи пенсион.
Боже мой, какое счастье!
и т.д.

За столом у нас веселье,
Любит он блеснуть словцом,
Раз и я сказал в похмелье:
“Князь, слыхали ль, все кругом,
Все твердят, бьюсь об заклад,
Будто я от вас рог.....”

Боже мой, какое счастье!
и т.д.

Август 1830

ХОЛЕРА

Теперь Москва полна тревог,
Холера близко, говорят,
Она идет большой дорогой
Все дома взаперти сидят.
Кто ест чеснок, кто курит хлором,
И близок к смерти не один;
Так голова набита вздором!..
Скорей, Господь, их в карантин!

Иной дегтярную пьет воду,
Другой обедает чем свет,
Тот моцион пускает в моду,
Тот носит при себе ланцет,
Тот весь закутался по уши,
Тот целый день лишь тянет джин,
Та бьет по городу баклуши…
Скорей, Господь, их в карантин!

Увы, от ней нам нет спасенья! –
Твердит сквозь слезы Богатон.
Напрасны просьбы и моленья,
И денег чистых миллион.
Холера все сочтет вернее,
У ней на все ведь счет один.
Тот первой жертвой, кто… тучнее.
Миллионеров в карантин!

Страдала Астрахань, Саратов,
Как слышно, оцеплен Тамбов;
Холера, – восклицает Знатов, –
Прямая гибель для чинов.

Она вельможам не спускает,
При ней не в силе, значит, чин...
Глядишь, так звезды и хватает...
Скорее знатных в карантин.

Как смерть ужасна от холеры! –
Трясясь, вздыхает Ханжина,
А пуще, умерший без веры,
Погубит дулу Сатана;
Ох, близко светопреставленье,
Теперь не верит ни один!
Всему причиной просвещенье...
Скорей старушку в карантин.

Холера истинно зараза!
Коснись к больному – и пропал;
Она сильней дурного глаза!
Она... – Ты разве... трепетал?
Нет, это общее всех мненье,
Могло ль родиться без причин!
Скорей, скорей без заключенья
Всех пустомелей в карантин.

Но если бы почислить рядом,
Кого взять должно в карантин.,
Беда, нельзя окинуть взглядом!
Их будет нужен не один;
Их много сделать приведется,
Для женщин розно от мужчин;
Не то холера разведется
И не пособит карантин.

Скажу вам, вот ее примета,
Не нужны многие слова:
Зависит важность не от цвета,
У ней дурная голова;

Она всегда с желудком в споре;
Но кто привычек господин,
Тому она пустое горе,
Для аппетита карантин.

Болезней в свете много ходит,
Важней холеры во сто крат;
Иной в злословьи жизнь проводит,
Тот яму рыть другому рад;
Тот ползать... – нет, и сам Меркурий
Прими хоть граммов сто один,
Не вылечить от этой дури;
Тут должно душу в карантин.

1830. Сентябрь

* * *

Когда в рассветный час над нивой золотою
Играет ветерок, в колосьях шелестя,
И с песней звучною под твердью голубою
Кружится жавронок, все вверх и вверх летя.
На свежей мураве далеких стад блеянье,
Свирели томный гул послышится в горах…
Всё полнит грудь мою тоской воспоминанья
И снова я живу в минувших детства днях.

АРИЕЛЬ[1]

Буря. Шекспир. Действие I, явление 2

Отец твой спит, покрыт волной шумящей,
Кораллом стал состав его костей;
И млечный перл в коре блестящей
Сменил лазурь его очей.
Что было в нем природы бренной,
Все отделя ⟨*1 нрзб.*⟩ одно,
В глуби морской, для взоров сокровенный,
Роскошно в вид иной превращено.
Там колокол, в пучине влажной,
Русалками над мертвым возбужден;
Я слышу гул его протяжный,
Печальный, погребальный звон.

Хор

Внимай, как медь звенит протяжно.
Как медлен звон, как грустен звон!

ЖИЗНЬ

Вся жизнь ристалище – и славы бриллианты,
Для нас горящие волшебною мечтой;
Но радостей в пути нас увлекает рой;
Оне те яблоки златые, что порой,
Чтобы замедлить бег красавицы младой,
Бросал к ее ногам любовник Аталанты[1].

Шестнадцать лет едва ль ей было,
Жива, свежа, как день весны.

ПИРУШКА

В кругу друзей однажды буйно
Я пир пировал,
Веселья песнь звенела шумно,
Ходил в руках бокал.

Но вдруг один любви томленье,
Про грусть любви запел,
Про томных взглядов упоенье
Верней лезгинских стрел.

Про поцелуй, горящий страстью,
Как пышет на устах!
Как душу непонятной властью
Чарует в дивных снах.

Как в мире все любви покорно,
И злато и булат,
Что жизни степь, как ключ нагорный,
Ее струи свежат...

Ах, друг, – прервал я, – ты не знаешь!..
Пей лучше!.. вот бокал!
Ты понаслышке напеваешь,
Не то я испытал.

1839. Авг. 15

ПИСЬМО ЮЛИИ К ДОН ЖУАНУ

Всё кончено!.. ты едешь, я узнала…
Умно… хвалю, но сердце стеснено!
Пусть на любовь я право потеряла,
– Пусть жертва я – теперь мне все равно!
Моя вина, – я много обожала!
Спешу писать. Не думай, что пятно
От слез моих осталось на странице, –
Глаза горят, нет капли на реснице.

…Любила я, люблю, с любовью сею
Тебе мой долг, рай, имя, мой покой –
Все принесла, – и вспомнив не жалею,
Так сладостна мечта минуты той.
Я не хвалюсь утратою моею, –
Верь, строже всех мой суд о мне самой,
Не зная сна, черчу я эти строки,
В них просьбы нет… Могу ль писать упреки!..

Любовь!.. Любить мужчинам – наслажденье,
Для женщины все бытие; тем двор,
Сан церкви, бой, торговля и ученье,
Меч, слава, честь, барыш от ранних пор –
Волнуют их, приводят грудь в движенье,
И мало ль что их развлекает взор…
Им всё, а нам одно дал рок суровый:
Любить, любить! и потеряться снова.

Веселий рой ты встретишь на пути,
Любим и сам вспылаешь к многим страстью,
Мне ж на земле немного лет пройти.
Мой стыд и грудь не сметь вверять участью!

Я все снесу!.. но как могу снести
Сей огнь, меня палящий с прежней властью;
И так прости! люби меня… Но ах!
Сей звук так пуст!.. пусть будет хоть в словах!

Была слаба я сердцем. Слабость длится;
    Но я могу призвать рассудок мой;
Я укреплюсь, хоть кровь огнем клубится!
Так ветр молчит над быстрою волной.
В моей груди все может измениться,
Все… но один в ней вечен образ твой!
На полюсы глядит игла магнита, –
Так мысль моя с тобою всюду слита!

"Я кончила!.. Зачем же медлить боле,
Моим перстнем печатать сей листок?
Чего боюсь! какой страшиться доли!
Кто б скорбь мою дополнить чем возмог!
Я умерла б: коль мерли б с грусти, с боли;
Но смерть бежит – и глух к страдальцам рок.
Мне должно жить, с тобой навек проститься;
Жить и любить, и за тебя молиться!"

Обрез листка был раззолочен с края.
    Все тоненьким написано пером;
    Но как игла магнитная, мелькая,
    Ее рука дрожала над огнем.
    Из глаз слеза не канула, сверкая…
    Подсолнечник в сердолике кругом.
    "Vous suit partout"* оттиснулося ясно.
    И розовый сургуч горел прекрасно.

26 августа 1832

* Всюду следует за Вами (*фр.*).

РИМСКИЙ ФОНАРЬ

Tunica molesta.
*Mart. lib. X. Ep. XXV**

Горю, горю… закройте вежды!
Нет! дайте раз еще вздохнуть;
Огонь спалил мои одежды,
Откройте, обнажите грудь.
Кольцом мои колена гнутся,
Кровь сохнет…, ноги сведены,
Все жилы в судорогах бьются,
Язык ослаб… вот очи рвутся.
Зевес! дай каплю с вышины.

Так несчастливец выл ужасно!
Змеей клубился огнь под ним…
Он Зевса звал, молил напрасно…
Вдруг смолк… дыханье занял дым.
Облитый весь смолой горючей,
Он ярко на столбе сгорел,
И с дикой радостью смотрел
Народ, как огонек летучий
Полуистлевший остов жег.

Октябрь 1830

* Насильно надетая рубаха. *Марц⟨иал⟩* (*лат.*).

БЛАГОРОДНАЯ ГОРДОСТЬ

(Из Амару[1])

XXII

Упреки нежные, обеты, заклинанья,
Моленья страстные, и слезы – вот одно
О жен прибежище в час грустный расставанья,
Чтоб друга приковать… сих средств мне не дано!..
Нет!.. я промолвлю лишь: “Друг сердца мой, живу я,
Будь счастлив вдалеке; прости навек, прости!
Но скоро вспомнишь ты, душою затоскуя,
Любовь столь чистую, которою дышу я,
Которую тебе, утратив, не найти.”

ПОКОРНЫЙ ЛЮБОВНИК

(Из Амару)

XXXII

Итак, я не любим!.. Судьба ко мне сурова!
Одну лишь ненависть питаешь ты ко мне.
Прости, красавица! Но возврати мне снова
Все ласки, данные под тайною покрова,
Лобзанья прежние мне возврати вполне.

АЛЬБОМ III

ДОКТОР И БОЛЬНОЙ

(Посвящается К-вой)

Мой доктор нынешнего лета
Твердит мне строго завсегда:
"Покой вам нужен и диета,
И минеральная вода".
Но дружба шепчет сердцу сладко:
"Никто с веселья не хворал!"
И я на праздник ваш украдкой...
Но только доктор чтоб не знал,
Чтоб только доктор мой не знал!

"Вам сущий яд дары Ленея[1],
Опасен даже рюмок вид?"
И эскулап мой, не жалея,
Меня декоктами поит.
Но дружба шепчет сердцу сладко:
"Кто умер, выпив лишь бокал?"
За здравье ваше пью украдкой...
Но только доктор чтоб не знал,
Чтоб только доктор мой не знал!..

"Для слабых грудью петь опасно!" –
Твердит он, смертию грозя.
Немым как щука быть ужасно,
А спорить с доктором нельзя.
Но дружба шепчет сердцу сладко:
"От песни кто в чахотку впал?"
И я вам песнь спою украдкой...
Но только доктор чтоб не знал,
Чтоб только доктор мой не знал!

“Страшится женщин! прелесть взора
Соблазн губителен таит!
К ним склонность в гроб низводит скоро!”
– Мой доктор верно езуит!..
Но дружба шепчет сердцу сладко:
“Кто с поцелуя умирал?”
И вас обнять спешу украдкой..
Но только доктор чтоб не знал,
Чтоб только доктор мой не знал!..

ЯСНЫ ОЧИ

*(I cattivi occhi)**

Ясны очи, черны очи,
Мне вас боле не видать,
Мне в приятном мраке ночи
Огневых не целовать.

И повадкой в неге сладкой
Мне не петь любви зараз;
Слышу, все твердят украдкой:
Гибнет он от черных глаз.

Сквозь ресницы, как денницы,
Блеск ваш томно мне горел;
Очи душеньки-девицы,
Я бы век на вас смотрел.

Ясны очи, черны очи,
Вас дурными ль называть?
Ах! я рад бы в дни и ночи
Каждый миг вас целовать.

Июль 1829

* Жгучие глаза (*ит.*).

ДУМА

Если грудь твоя взволнуется
В шуме светской суеты,
И душа разочаруется,
И вздохнешь невольно ты;

Если очи, очи ясные,
Вдруг наполнятся слезой,
Если, слыша клятвы страстные,
Ты поникнешь головой,

И безмолвное внимание
Будет юноше в ответ,
За восторг, за упование
Если презрешь ты обет...

Не прельщусь я думой сладкою!
Равнодушен и уныл,
Не скажу себе украдкою:
“Той слезы виной я был”.

Снова радости заветные
Не блеснут в груди моей:
Я слыхал слова приветные,
Мне знаком обман очей.

Апрель 1830

ПОЦЕЛУЙ

Полюби меня, девица,
Полюби меня, душа!
Ты мила и круглолица,
Ты, как ангел, хороша.

Глазки томно-голубые
Влажной негою горят,
Кудри русые, льняные,
Очаровывают взгляд.

Губки, – роза так огнится,
Сквозь щипок едва дыша,
Полюби меня, девица,
Полюби меня, душа!

Я люблю, сказать не смея...
Ты задумчива, бледна;
Как пустынная лилея
Вянешь, грустная. одна.

Посмотри, как плющ игривый
Страстно лозу окружил;
Без нее он полз лениво
И в траве чуть виден был.

Там над розой, страстный, тает
Соловей среди кустов;
Роза слышит и пылает
Ярким пурпуром листов.

Полюби меня, девица!
Поцелуй меня, душа!
Роза в щечках загорится,
Будешь вдвое хороша.

Апрель 1829

ОДАЛИСКА

В куще радостной Эдема[1]
Дышут райские цветы,
В неге пышного гарема
Плачет Перло красоты.

Блеск росы в цветах играет,
Солнцем весело горя;
Дева грустная вздыхает,
Никому не говоря.

Хладный ветр, на землю дуя,
Чужд для райского шипка;
Дева жаждет поцелуя,
Но в душе ее тоска.

1830

БЛИЗКОЕ СВИДАНИЕ

От утра до темной ночи,
Друг бесценный, не тоскуй!
Ты проплачешь ясны очи,
Будет вял твой поцелуй.

Близок час, когда без шума,
Только будет лишь темно,
Проскользну к тебе, как дума,
В растворенное окно;

Подыму ревнивый полог,
Прелесть сонной разгляжу,
Мой восторг не будет долог, –
Поцелуем разбужу.

Только ты откроешь глазки
В упоении мечты,
И роскошней будут ласки
Полусонной красоты.

Милый друг, до темной ночи
Слез не лей и не тоскуй!
Ах! твои так ясны очи,
Жжет твой робкий поцелуй!

1830

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Носик, вздернутый немножко,
Кудрей шелк, огонь очей,
Гибкий стан и что за ножка!
Звук застенчивых речей,
Взгляд, манящий к сладострастью,
Прелесть, слов для коей нет…
Все в ней мило; но, к несчастью,
Ей пятнадцать только лет!
Ей пятнадцать только лет!

Мне и скучно здесь и душно!
Вечный стук и вечный шум;
Как гранит, здесь все бездушно,
Жизнь без чувств, любовь без дум.
Но о ней я все мечтаю,
Вижу: в ней чего-то нет,
И, печальный, повторяю:
“Ей пятнадцать только лет!
Ей пятнадцать только лет!”

Август 1830. Санкт-Петербург

НОС

Никто носов еще не пел,
А нос, из чувств, едва ль не главный;
Его Создатель нам в удел
Дал всем, хоть в доле и неравной.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Привыкли в милой выхвалять
Глаза, улыбку, даже плечи;
А бедный нос... о нем начать
Почти никто не смеет речи!
За что ж, вам сделаю вопрос,
К носам столь общее презренье?
Отрежьте у красавца нос,
И после – сделайте сравненье.

Нос редко сходен у людей;
Вглядитесь в нос у гастронома:
За десять слышит он дверей,
Когда обедает кто дома.
Но есть носы нежней в сто крат:
Где недоступно взгляду, слуху,
Носы придворных, говорят,
По ветру узнают, по духу!

Нос вздернутый лукавей всех; –
Такой был нос у Рокселаны[1];
Нос греческий, любви утех
В красотке признак постоянный;

Приличней всех орлиный нос
Для дамы гордой, или знатной;
Но если б выбрать мне пришлось,
Я взял бы носик аккуратный.

Мы носом нюхаем табак,
И благовоний знаем цену,
Да, носом не один чудак
В погоде слышит перемену.
Без носа не было б очков;
Смешон для всех калмык курносый;
Фамильных много есть носов:
Род Цезарей был долгоносый.

Нос ясно взору говорит,
Что сердцем, иль душой владеет;
При лихорадке – он горит,
А много выпьешь – покраснеет.
И если девушка отказ
Нам в танцах сделает на бале,
“Он с носом”, – говорят вкруг нас, –
Повеся нос идем мы дале.

1830

ПРИЗНАНИЕ

Не губки в цвете розы новой,
Не свежесть милых уст твоих;
Не блеск зубов твоих перловый,
Не ямки в щечках наливных...
Нет, милый друг, не прелесть эта
Зажгла любовью грудь поэта!

Не этот локон золотистый,
Не томная лазурь очей,
Не голос твой, столь нежный, чистый,
Орлиный носик – носик фей,
Не персей зыбкая примета
Зажгли любовью грудь поэта!

Невольно время прелесть губит,
Годами хладными дыша;
Но то не мрет, что друг твой любит, –
Его любовь – твоя душа.
Она, как луч огнистый света,
Зажгла восторгом грудь поэта.

1831

КОМЕТА 1832 ГОДА

Все твердят: "Идет комета.
Наш земной заденет шар!
Верный знак кончины света,
У лапландцев будет жар.
Лед на полюсах растает,
Хлынет страшная вода;
А потом... потом... Бог знает,
Ждет какая нас беда!

Надо ж жить поторопиться,
Вдруг зальет девятый вал;
Всем в ковчег не уместиться,
Флот мирянам будет мал!
Что тужить!.. пущусь на бочке,
Без сомненья, не пустой,
И на мир с сей зыбкой точки
Погляжу, как древле Ной[1].

Пусть поток ревет и воет,
Брызжет пеной мне в лицо;
Я на бочке… не подмоет;
Буду пить да пить винцо.
И, отыскивая сушу,
Доберусь шутя ко дну;
А потом, отвесть чтоб душу,
Философствовать начну.

Будет лучше ль, будет хуже,
Все ль потонем иль сгорим?
И земля все форму ту же,
Иль отличный примет вид?

Больше ль в людях будет веры
В рай земной и вечный мир[2]?
Иль по-прежнему без меры
Закружится бедный мир?

Все ль... Но что мечтать заране;
Быть чему, придет оно!
Пусть дотоль, друзья, в стакане
Бьет кометное вино.
В память будущей обновки
И кометам новым в честь,
Будем пить без остановки,
Чтоб по пробкам их не счесть.

1832

ИНДЕЙСКИЙ СУДЬЯ

Когда высчитывать все стану,
Судью нельзя не похвалить;
С ведра берет он по стакану,
И то – чтоб жажду утолить.

А если сбор поспеет риса
И десять мер наличных есть;
С судьею мерой поделися,
Судье ведь также надо есть.

1830

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ

Родная, я устал! день тихо догорает;
Дай на груди твоей мне позабыться сном!
О чем же плачешь ты! Зачем слеза блистает!
Утешься, милая! Скорбеть тебе о чем?
Мне холодно! вокруг так мрачно и уныло!
Но задремлю лишь я и тотчас с высоты
Ко мне спускается мой Ангел среброкрылый
И сыплет на меня душистые цветы.

Послушай! как поют! Как песни льются звучно!
Так встретят песнью нас в небесной стороне;
То голос Ангела; при мне он безотлучно,
Он говорит со мной! Смотри, смеётся мне,
Светлее радуги его сверкают крылья;
Его дыхание льет свежий аромат! –
О как бы весело к нему бы воспарил я!
За гробом с крыльями мы будем, говорят!

Зачем же крепко так меня ты жмешь в объятья!
О чем вздыхаешь ты; я не могу понять!
Щека горит от слез; с тобой готов рыдать я!
А мне так весело тебя поцеловать!
Не плачь, бесценная, отри свои ресницы.
Взгляни, уж я здоров. Родная, не грусти!
О, как мне тяжело... смежает сон зеницы!
Лобзанье Ангела я чувствую!.. Прости!..

1840

MEMENTO MORI!*

Когда ребенком я случайно
Скелет в картинке замечал:
“Смерть”, – няня мне шептала тайно,
А ночь всю глаз я не смыкал.

Прошли младенческие лета,
И, позабывши страх пустой,
Близ настоящего скелета
Звучал не раз мой смех живой.

Вот стал я мужем. В дни волнений
Глядел восторженный на свет,
И в шумном вихре наслаждений
Забыл и думать про скелет.

Настала дряхлость: с глаз повязку
Холодный опыт развязал,
И, детскую припомнив сказку,
Скелет в углу мне указал.

Знакомца старого узнал я;
Невольный страх запал мне в грудь:
“Ужели вновь ребенком стал я!”
Не мог я в думе не вздохнуть!

1847

* Помни о смерти (*лат.*).

ВЗГЛЯД

(Из Гюго)

Amor, ch'a null'amato amar perdata,
Mi prese del costui piacer si forte;
Che, come vedi, antor non m'abbandona.

*Dante**

Зреть в купальне одинокой
Прелесть девы светлоокой,
Белый парус вдаль следить;
Видеть в небе звезд сиянье,
Переливное мерцанье
Светляка в траве открыть;

Иль вкруг идолов угрюмых
Пляску одалисок юных,
Бала перечесть огни;
С звучной песнью баркаролы
Блеск мелькающей гондолы
Уловить в ночной тени;

Видеть месяца луч сонный
На стезе уединенной;
Быть на пиршестве царем,
Где в кристалл токай душистый
Влить рукою серебристой,
Поцелуй горит огнем;

* Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.

Данте (*пер. с ит. М. Талова*).

Слушать нежно с арфой слитый
Древних лет романс забытый,
Иль бродить в вечерний час
С думой, сердцу неподвластной,
У балкона Донны страстной,
Розы сыплющей на вас;

Иль мечтать испанским утром,
На заре, как перламутром
Опускается роса;
Как роскошно, нежно, сладко,
Соловей ракетой ярко
Сыплет трели в небеса;

Потерять воспоминанье
Дней былых, как сна мечтанье;
Ночью темною следить
Шелест призрака приветный,
Чьих шагов в траве заметна
Сребро-огненная нить;

Рвать шипок, весною вскрытый,
Пурпуровый, как ланиты;
Иль, чрез много лет спустя
Вдруг приметить в отдаленье
Край, где видели рожденье,
Где резвились, как дитя;
Нет, все в мире چарованья,
Все сокровища мечтанья
Чужды мне, лишь только ты
Страстно, томными очами –
Голыбыми небесами –
Взглянешь, Ангел красоты!

1833

ПЛОВЕЦ

В час тихий светлого заката
На синеве зеркальных вод
Корабль, облитый морем злата,
В дыханьи ветра жизни ждет.

Его не радует денница,
Заря, смененная зарей;
Ему грустна его темница,
Свод неба душен голубой.

Все тихо, пусто и уныло...
Лишь ветерок, едва слетя,
Шепнет во флаг, как над могилой,
Легко баюкая дитя.

Порою чайка зыбко реет
Крылом усталым над кормой
Или как снег у волн белеет,
Печальный крик роняя свой.

Но ветр дохнул – и, жизнью полный,
Мгновенно парус округлен;
Корабль очнулся, вспенил волны,
Отвеял с крыл могучих сон.

Летит... Как лебедь встрепенулся;
Летит пернатый, – и кругом
Вал синий с плеском развернулся,
Кипя, клокоча серебром.

Минувшее забыто горе,
Пловец блаженствует, как Крез[1];
Под ним лазурь – бунтует море,
Над ним горит лазурь небес!

В твои холодные объятья,
Стихия влажная, спешу!
Глас бурь твоих люблю внимать я,
Свободней грудью в них дышу.

Очам не льстят земные розы:
Они для сердца не цвели!
Пошли ж скорей мне в встречу грозы,
Умчи далече от земли!

1830

СМУГЛЯНКА

Когда, прелестная смуглянка,
Встречаю взгляд твоих очей,
Их яркий блеск – душе приманка –
Душе восторженной моей.

Гляжу сто раз, гляжу смятенный
На смуглый цвет твоих ланит,
Уста – где зноем распаленный
Пурпурный виноград горит.

И часто думаю: чьи очи
Сей пылкий остановят взгляд?
Кто, кто, счастливец, в мраке ночи
Сорвет сей спелый виноград?..

1832

ДИВ И ЧЕЛОВЕК

Когда на первенца творенья
Взглянул впервые мощный Див,
Улыбкой хладного презренья
Он сердца выразил порыв,
И горделивое далеко
В мирах его блуждало око.

“Так это грозный исполин! –
Подумал друг крылатый света, –
Грядущий мира властелин,
Кому назначена планета!
Смесь глины с рыхлою землей...
Так это повелитель мой!”

Но взоры поднял Человек,
И мысль его – закон вселенной.
Он слово звучное изрек,
И стал царем земли мгновенно,
Душой бессмертною, без крыл
Вознесся выше всех светил.

И что ж! смирился ль Див надменный?
Нет, с злобной радостью очей,
Он видел: полубог вселенной –
Ничтожный раб своих страстей;
И с громким хохотом с небес
Звездой падучею исчез.

1832

ВОЛГА В НОЯБРЕ

Волга шумно, грозно льется,
Об утес гремя волной;
То под льдиной тихо бьется,
То идет со льдиной в бой;

Призывает летни грозы,
Страшно воет, берег рвет;
То, струясь, жемчужит слезы
И глядит в лазурный свод.

Бойтесь слез, не бойтесь воя!
Волга тихая хитра;
В ней волна кипит от зноя
В яркой пене серебра.

Заманит лучом Востока,
Ясным небом завлечет,
И далеко, и глубоко
Унесет вас в хляби вод!

Пусть же бьется в буйном споре,
Об утес звенит крутой.
Ей не долго на просторе
Стлаться вольною струей.

Дунут с Севера морозы,
Вихрь метели зашумит,
И русалки хитрой слезы
Хлад зимы оледенит.

Ноябрь 1833

СПЯЩИЙ МАЛЮТКА

Когда разгораются щечки, и сон
Беспечно младенца лелеет,
Чем в тихом виденьи прельщается он?
Земное ль к невинному веет?

Нет! Ангелы неба толпятся вокруг,
Его колыбель осеняют,
И повестью дивной в младенческий слух
Эдема восторг напевают.

И небо, и звуки чудесные там
Малютка и видит, и слышит,
Смеется и ярко по нежным щекам
Румянец сквозь сон его пышит.

МИЛОДОРА

В тебе все мило и прекрасно!
Дитя! Не знаешь ты любви;
Но очи светлые твои
Горят – глядеть на них опасно.
Язык твой прост, и незнаком
Душе твоей тот верх искусства:
Других обманывать умом
Под яркой политурой чувства.
Язык твой прост; но каждый звук
Невольной думой грудь волнует:
Он душу сладостно чарует,
Как с вестью радостною друг.
Нет! ни о чем ты не вздыхаешь
(Еще вздыхать ты не должна!),
Когда свой локон развиваешь
Рукой небрежной у окна;
Иль длинные подняв ресницы,
Их снова опустить спешишь:
И на щеках огонь зарницы,
И вся ты млеешь и горишь!
Все это с пылкой страстью сходно;
Но нет, – не верю я тебе!
В твоей младенческой судьбе
Так все невинно и свободно!
Нет тайн на сердце молодом;
В очах не загорались слезы,
И не томительным огнем
В ланитах нежных пышут розы.

Август 1830

ЗАВИСТЬ

Завиден мне ты, плащ атласный!
Ты стан прелестной сладострастно
И близко, тесно обовьешь!
И к той груди, где сердце бьется,
Где скоро пыл любви проснется,
С ревнивой негою прильнешь.

Завиден мне, боа пушистый!
Своей волною серебристой
Согреешь мрамор шеи ты!
Ты будешь виться к щечке нежной,
Сжат будешь ручкой белоснежной
Стыдливо-гордой красоты!

Но не завидней ли стократно
Удел конфетки ароматной,
Когда, прижав ее к устам,
Она целует и ласкает...
Когда в пурпурных губках тает?..
О! с нею б я растаял сам!

1833

ТОВАРИЩИ ЖИЗНИ

Под ветвями душистыми березы
Малютка спит, Русалкой охранен:
Она в венок ему вплетает розы
И песнею лелеет зыбкий сон.

Вот отрок он – и свеж как утро мая,
Как ласточка резвивый и живой,
За бабочкой гоняется, играя;
Но бдит над ним прилежно Домовой.

Стал юношей – зажглись любовью взгляды,
Его влечет таинственная цель,
И, страстный, он повсюду ищет Лады,
Что в сне ему пророчествовал Лель.

Вот возмужал – и сам начальник рода,
Но обольщен за почестью бежит;
В его дому Кикиморы[1] и Кродо[2],
Его шаги злой Леший сторожит.

При склоне дня напрасною ходьбою
Разутомясь, согбен глядит на свет;
Нечаянно встречается с Ягою,
И та с земли его сметает след.

1833

МОЯ БОГИНЯ

У каждого конек есть свой,
О вкусах я и не толкую.
Один в брюнетку, а другой
Влюблен в блондинку молодую.
Но я волос их не люблю...
Какая прелесть в них, не знаю!
Скажу, быть может, удивлю:
Я к рыжим локонам пылаю.

Лишь выдьте из дому – тотчас
Брюнеток много взор приметит.
Блондинок тысячи; но глаз
Поищет рыжей – и не встретит.
Брюнетка, будь лишь молода,
И вкруг нее толпа вздыхает;
А рыжая почти всегда
Без обожателя скучает.

Любил в Лукреции[1] младой
Орлиный нос Тарквиний страстный;
Катулл[2] стихов оставил рой
О ручке Лесбии прекрасной.
Пастух фригийский[3] оковал
Елену ясными очами;
Антоний с битвы побежал[4],
Прельщенный рыжими кудрями.

Глаза суть зеркало души!
Известно каждому на свете;
Приметы эти хороши;
Волос ясней я вижу в цвете:

Блондинка холодна подчас,
Брюнетка вспыльчива, лукава!
Но рыжая, коль взлюбит раз,
В ней вся душа горит как лава.

1830

БАЯДЕРЫ[1]

Первая певица

Землю с жизнью молодою
Мрачной бездны пеленою
Обвивает Океан.
Волны льются за волною,
На волнах лежит туман.

Хор

Что в минувшем
Обманувшем!
Что прошло, не будет вновь!
Дням грядущим не вверяйся,
Настоящим наслаждайся!
Рви цветы, лови любовь.

Первая певица

Там, над Кафскими горами,
Анка* шумными крылами
Смело в воздухе парит;
Дни считает он веками;
Но отколь? Куда летит?

Хор

Вдаль отвей печаль и слезы;
День один пылают розы,
Путь наш краток на земли!

* *Анка*, или Симург – баснословная птица на Востоке, современная Соломону, некогда считалась его визирем. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Пей вино, внимай напевы,
В поцелуях милой девы
Жажду сердца утоли.

Первая певица

Локон твой чернее ночи,
Как денница блещут очи,
Как заря – огонь ланит,
День, заря, мрак темной ночи –
Всё – и юность улетит.

Хор

Что в минувшем
Обманувшем?
Мир подлунный полн забот!
Пылким сердцем неге вдайся,
Веселися, наслаждайся!
Жизнь как молния сверкнет.

1832

ПРОСТИ

Прости! на долгую разлуку!
Неумолим жестокий рок!
Но ты поймешь ли сердца муку,
Всю грусть в словах: "я одинок!"
Вдали тебя, в чужбине снежной,
Мне сердцем вновь не расцвести!
Я не услышу глас твой нежный...
Все кончено... прости! прости!

Прости!.. Но если в шуме света
Взволнует стих младую грудь,
Быть может, вспомнишь ты поэта!
И сладко будет мне вздохнуть...
Когда, восторженный и страстный,
Тебя я встретил на пути,
Мне жизнь казалась – сон прекрасный;
Но то был сон!.. Прости, прости!..

Прости!.. Средь игр и ликований
В толпе поклонников младых
Услышишь много ты желаний,
Обетов пышных и живых;
Но кто из них, кто сердцем скажет,
Что мог лишь я произнести!
Кто это чувство им укажет,
Чем я пылал!.. Прости, прости!..

Прости!.. О если б можно было
Мне память сердца истребить!
Изгладить все, что страстью жило,
И думы светлые забыть!..

На миг мое блаженство длилось!..
И толь мгновенно погребсти?
Нет!.. сердце вдребезги б разбилось,
Тебя забыв!.. Прости, прости!

Прости!.. Веселыми мечтами
Я не забудуся ни раз!
Я буду тверд!.. Но слезы сами
Невольно падают из глаз!
Невольно замирает слово;
И как разлуку мне снести?
Зачем тебя я встретил снова?
Ужель сказать: прости, прости!..

Прости!.. Печальный на дорогу
Гляжу, с поникшей головой;
Прикован мыслями к порогу,
Где светлый сон не сбылся мой!..
Кто примет в страннике участье?
Кто молвит тихо: “не грусти!”
Моя любовь – мое несчастье!
Моя любовь... прости, прости!..

Январь 1833, Москва

МУЗА

Дщерь Еврипидова[1], краса минувших дней!
Где, Муза, твой покров снегов весны белей?
Куда девалася, о жрица молодая,
И ножка, легкою сандалией пленяя?
И кудрей золото над девственным челом,
И важный твой котурн, взор, дышащий умом;
Покровы льняные, скользящие небрежно
По мраморным плитам, где ты ступала нежно;
И теплых слез твоих несякнущий ручей,
И дивный звук твоих божественных речей?
О дева юная! Ты, жрица неги новой,
Зачем ты сбросила волнистые покровы!
На ветошь грязную ты променяла их,
По рынкам бегаешь, в лохмотья стыд сокрыв,
Обезображенна... В устах твоих прекрасных
Не слышно более напевов сладкогласных;
В устах твоих исчез медоточащий звук,
Восторгами небес упоевавший слух!
Увы! в устах твоих лишь площадные речи,
И убегают все с бесстыдницею встречи.

1843

БЕРЛИОЗ[1]

Un drame inconna*

Вся в огнях горела зала,
Львами, львицами полна;
То от плеска рук дрожала,
То, безмолвна, чуть дышала,
В чудный мир увлечена.

Звуков дивных мир тот полон,
Жизнь он ярко выражал:
То, как демон злой, взволнован,
То, как Фауст, околдован[2],
Он молился и страдал!

Буйство оргий, ропот муки,
Пыл восторга, негу слез,
Радость встречи, грусть разлуки, –
Все схватил, все вылил в звуки
Вдохновенный Берлиоз!..

Средь толпы рукоплескавшей
Встретил взгляд случайно мой
Лик красавицы внимавшей[3], –
Так мечтать мог ангел падший,
Полный думы неземной.

Весь наряд на ней был черный;
Одинока и бледна,

* Неизвестная драма (*ит.*).

Как цветок на выси горной,
В вихре бурь, главой покорной
Наклонилася она.

Грудь под дымкой волновалась;
Звуки в душу лились к ней...
Вся восторг! Она, казалось,
Их гармоньей упивалась
Все сильнее и сильней.

Сжатый белою перчаткой
Вдруг блеснул в руке лорнет,
И с тревожною догадкой
Брошен взор ее украдкой
Меж колонн, дробивших свет.

И рука, дрожа, упала;
Полны очи свежих слез;
Изменил он!.. угадала!..
Зала в звуках трепетала;
Грустной чужд был Берлиоз!..

1847

ВОСПОМИНАНИЕ

Нева, свод лип, беседка, розы,
Луна, поющий соловей,
Моленья робкие и слезы,
И бледность в памяти моей...

Другие дни, мечты другие!
Но часто думаю о ней,
Про очи темно-голубые,
Как небо северных ночей.

Теперь, быть может, в думе сладкой
Вздыхает милая в тиши;
Быть может, слезы льет украдкой
При светлой памяти души?

Иль слезы время осушило,
Иль клятв минувших след погиб?
И сердце женское забыло
Неву, беседку, своды лип?

1830

САЛЬВАТОР РОЗА[1]

И пастырь зрел не раз резвивое дитя
В пещерах Баии[2], холмов на злачном скате,
В развалинах божниц, где солнца луч, блестя,
Дрожит поверх столбов, зарытых в винограде.
Там, в зыбком пурпуре и гроздий и цветов,
Усталый, отдыхал возлюбленник богов.
Но чаще средь полей бесплодных Сольфатара[3],
Под лавром высохшим приюта он искал,
И в полдень, утомясь от солнечного жара,
На лаву хладную главу свою склонял:
Струились локоны с ланит, светлей денницы,
И дивный сон сходил на длинные ресницы.

1833

ДЕРВИШ

(В. Гюго)

Раз проезжал Али с своей Албанской свитой;
Высокие главы склонялись под копыто.
Народ вокруг кричал: Аллах!
Как вдруг один дервиш[1], весь дряхлостью измолот,
Пробил толпу, схватил коня его за повод,
И начал в сих словах:

"Али Тепелени, луч света пресветлейший,
В диване[2] занял ты ступеней ряд первейший,
Чье имя гордо вознеслось;
Визирь[3], для шумных орд твоих тесна дорога,
Тень Падишахова[4], который сам тень Бога,
Будь проклят, ты презренный пес!
Могильный светоч твой тебе незримо блещет,
Как чаша полная, так гнев твой сильно плещет
Пред устрашенными людьми:
Над их челом блестит, как острый серп над нивой,
Цемент готовишь ты в дворец свой горделивый
Из крови, стертой с их костьми!

Но день твой недалек. В Янине[5] опустелой
Земля разверзнется, твое поглотит тело;
Тебя ошейник медный ждет
Под древом Сегина, где нечестивцев души
На ветви черные льнут, трепеща от стужи,
Где в мраке ад седьмой растет!
Придет душа твоя, палач! Демон черный
Вслух свиток жертв твоих прочтет тебе огромный,
Все мертвецы... Увидишь их,

Облитых кровию, которой в них не льется;
Их сонм бесчисленный вокруг тебя сберется,
Чем в страхе лепет слов твоих!

Всё это сбудется и твердая бойница,
И флот в час гибели тебе не пригодится,
Ни пушка, ни весло, ни вал;
Хотя б Али-паша, как жид, нечистый телом,
Монкира[6] обмануть, мня жизни за пределом,
В час смертный имя б променял!"

Али под шубою имел дамаск блестящий,
Заряженный тромблон, из жерла смерть носящий,
Три пистолета и кинжал;
Он шейха[7] выслушал, не перебивши речи,
Задумался, потом пожал с улыбкой плечи
И шубу старцу дал.

АТТИЛА[1]

Был ночью вырыт ров глубокий,
В него тяжелый гроб упал;
Не вскинут холм над ним высокой,
И след могилы одинокой
Прилежно заступ заровнял.

И тризны не было урочной!
По мертвом липец[2] не ходил;
Не заклан с сбруею восточной
Любимый конь, лишь ветр полночный
Óдин в широком поле выл.

Два раза, месяца в сияньи,
Сверкнул карающий кинжал;
Раздались вопли: кто-то пал!
И призрак в пышном одеяньи
В туманах ночи пробежал.

Чей гроб? Кто мести совершитель?
Сей тайны некому постичь.
Наутро в стане плач и клич:
"Угас народов истребитель,
Аттила грозный, Божий бич[3]!"

Кинжал не выдал, ночь смолчала,
Где втайне гроб тройной зарыт[4];
И тот спокойно, тихо спит,
Чья жизнь, как буря, бушевала,
Над кем проклятие гремит.

1833

ГОЛУБЫЕ ОЧИ

Днем и ночью я не сплю,
И дремать я не дремлю,
Грудь кипит от дум былых,
От очей от голубых.

Я взгляну ль в лазурный свод,
Я взгляну ль на яхонт вод,
В ясном небе и в волне
Мне мечтаются оне.

Взвижу ль, встречу ль только их,
Будто порох вспыхну вмиг.
Взгляд их радует и жжет...
Кто лишь любит, тот поймет.

Но увы! ко мне она,
Как волна, всё холодна;
Только я в слезах горю...
Я горю... не говорю!..

О, как будет счастлив тот,
Чей восторг она поймет!
Тот, кому в часы отрад
Свой небесный бросит взгляд.

ЕЗДОК

С блеском дня, на коня!
Полн отваги, огня,
Быстро мчит он меня
Через лес, на утес,
Где гора в перевес,
Как обломок небес.

Гул бежит от копыт,
Где тропа не лежит,
Брызжет искры гранит;
Но легок быстрый скок,
Вот уж верх не далек,
Вот и неба порог.

Страшен путь, как взглянуть;
Но свежей дышит грудь,
Сладко небом вздохнуть!
Где скала для крыла
Гор Альпийских орла
Лишь доступна была.

Я вскакал; конь мой стал,
Он заржал, задрожал,
Как на льдину взбежал,
Весь в лучах, в небесах,
Слышал я, как в ногах
Дождь шумел в облаках.

Подо мной бури вой,
Над стрелой громовой
Стал я твердой ногой.

Вкруг снега, где сайга
	Не взносила рога,
	Не топтала нога.

И провал между скал
	Предо мною лежал
	И с конем меня ждал.
С ближних льдов крик орлов,
	Взвидя нас, поднял гов,
	Будто пир им готов.

Надо мной, хищник злой,
	Всплыл орел молодой,
	Смельчака я стрелой,
И со льдин, вслед лавин,
	Быстро в негу долин
	Я скатился один.

Конь мой ждал, конь мой ржал,
	Знать, меня поджидал,
	Что ко мне не бежал...
Без меня, пал стеня...
	И коня с того дня,
	Нет коня у меня.

1833

СЕВЕРНЫЙ ПЕВЕЦ

(*С.П. Ш⟨евырев⟩*[1])

Где был наш северный певец?
Он был в Италии прекрасной;
Зрел Альпов ледяной венец
И свод небес, как яхонт, ясный;
Средь померанцевых садов
Блуждал, исполнен сладкой неги;
Пил нектар пурпурных гроздов
И – вспоминал родные снеги!

Что делал северный певец?
Искал он в Риме Рим великий...
И встал пред ним гробов жилец
В лице отживших царств владыки;
Исчез язык, упала длань,
В ярме державшая полмира,
Но мир искусству платит дань
У ног разбитого кумира.

Что слышал северный певец?
Не древний клич воинской славы;
Ему на взмории гребец
Пел Тасса звонкие октавы.
В луне, по изумрудам струй,
В гондоле быстро он катился:
И в нем, как свежий поцелуй,
Октавы русской звук родился[2].

Что видел северный певец?
Он зрел антики Вилла-Новы,
Ваянья дивные, резец

И мрамор дышащий Кановы[3];
Под смелым куполом Петра[4]
Не раз он духом окрилялся
И в Ватикане до утра
Пред Рафаэлем забывался[5].

Где ж ныне северный певец?
Теперь он снова между нами,
И на главе его венец
Украшен южными цветами.
Он наш, он смело превозмог
Красавиц Тибра[6] взгляд огнистый
И для друзей, для муз сберег
Души и сердца пламень чистый.

1833

ПРЕКРАСНАЯ ШВЕЯ

День целый сидя за шитьем,
Невольно сон одолевает;
Покуда маменька дремает,
Я карты разложу тайком.
В семнадцать лет о чем гадать
У всякой девушки найдется!
Судьба по картам узнается,
Уметь лишь надо толковать.

Мне выйти ль замуж в этот год?
Куда недурно было б это!
Цветы блестят одно лишь лето –
А лето молнией мелькнет.
В семнадцать лет о чем гадать
У всякой девушки найдется!
Как женихов понаберется,
Уметь лишь надо выбирать.

Люблю гусарские полки;
Гусаров милы разговоры.
Какие усики и шпоры!
И как танцуют мастерски!
В семнадцать лет о чем гадать
У всякой девушки найдется!
Как за гусаром быть придется,
Уметь лишь надо танцевать.

Ах, Боже мой! червонный туз!
Мне скоро будет предложенье.
Девятка, точно – затрудненье;

Ну, если статский!.. Как решусь...
В семнадцать лет о чем гадать
У всякой девушки найдется!
Вот скоро маменька проснется,
Примусь урок мой дошивать.

1832

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Слышен в небе дальний гром;
Куст окинулся листом,
Из лазурной вышины
Канул первый дождь весны.

Все девицы вереницей
Выбегают на крыльцо
Дождевой умыть водицей
Миловидное лицо.
Серебром в руках звенят;
С смехом брызги вдаль летят.

“О весенний гром, греми!
Зимний хлад с полей сними.
Мчись, огнистый Илия,
Теплый дождь с небес лия.
Молим кроткою душою:
В свежих каплях дождевых
Дай нам здравье с красотою,
Чтоб вгляделся в нас жених;
Чтоб, увидя только раз,
Не сводил с нас черных глаз!”

Дождь прошел; затихнул гром.
Веет ласточка крылом
В поднебесье голубом.
Соловьи в кустах поют;
Блещет листьев изумруд.

1833

ТАЛМУД[1]

Как скудны все твои затеи,
Твои пророчества, Талмуд!
Сыны печальной Иудеи
Давно в смирении их ждут.

Мессия[2] кончит их неволю,
Весь мир себе поработит;
Им лучшую назначит долю
И в Ханаан[3] переселит.

Для них из тканей драгоценных
Одежд он много соберет,
Дородству, росту соразмерных
Того, кто в руки их возьмет.

Расставит лакомые яства,
Которых запах вкус острит,
И в детях избранного царства
Усилит втрое аппетит.

Им сладко воздух станет веять,
Их жизнь – Мафусаила[4] дни!
Здоровье будет их лелеять,
И презрят золото они...

Но скудны все твои затеи,
Твои пророчества, Талмуд!
Ужель без жен своих евреи
И без рабынь младых придут?

Когда из-под чалмы восточной
Рахили юной по плечам
Душистый локон ненарочно
Сквозит, рисуяся очам.

Полустыдливо тонут взгляды,
Горя любви от тайных слез,
В ланитах нежных блеск Гренады,
Уста свежей саронских роз[5];

И под завесой, как в святыне,
Грудь бьется жизнию двойной...
Грешно... а можно ли рабыни
Не пожелать себе чужой!

1830

ВОСПОМИНАНИЯ НАРОДА

On parlera de sa gloire...
*Beranger**

Под кровлей хижины убогой
Он долго будет в славе жить!
Лет пятьдесят пройдет; там много
О нем лишь будут говорить.
Туда сойдясь, как на пирушку,
Все поселяне, при огне,
Попросят добрую старушку
Им рассказать о старине.
– Пусть, говорят, он бич для края,
Но память мы его блюдем,
Но память мы его блюдем.
О, расскажи о нем, родная!
О, расскажи о нем!

– Он, дети, этой деревушкой
Прошел; царей за ним что шло!
Я только завелась избушкой;
С тех пор лет много протекло!
Хотелось мне взглянуть. Украдкой
Я стала тут на бугорке;
Смотрю: под маленькою шляпкой
Он едет в сером сюртучке.
Сгорела я, как подъезжая
Мне молвил: “Здравствуй, ангел мой!”

---

* О его славе будут говорить... *Беранже* (*фр.*).

Мне молвил: “Здравствуй, ангел мой!”
– Он говорил с тобой, родная!
Он говорил с тобой!

– Чрез год мне, бедной, в эту пору
В Париже случай быть привел;
Со всем двором своим к собору
Тогда он пышный поезд вел.
У всех на сердце было ясно;
Все громко любовались им;
Всяк говорил: вот день прекрасный!
Уж точно небом он храним;
Своей улыбкой всех пленяя...
Его Бог сыном наградил!
Его Бог сыном наградил!
– Вот праздник был тебе, родная!
Вот праздник, праздник был!

Но скоро чужеземной власти
Все нашу выдали страну;
Тогда он, презря все напасти,
Один, казалось, вел войну.
Раз вечером, как ныне тоже,
В дверь кто-то стукнул; я к дверям;
Их отперла, и кто ж, мой Боже!
То с бедной свитой был он сам.
Он сел вот здесь стола у края,
Воскликнув: “Кто б войны сей ждал!”
Воскликнув: “Кто б войны сей ждал!”
– Как, здесь он отдыхал, родная?
Как, здесь он отдыхал?

“Я голоден”, – сказал он; дать я
Спешила хлеба и вина;
Потом, к огню развеся платья,
Прилег он, падая от сна.

Проснувшись, видя, что я плачу:
“Знак добрый!” – он промолвил мне:
“У стен Парижа неудачу
Я Франции отмщу вполне”.
И тотчас в путь. Но вещь святая! –
Его стакан храню, друзья!
– Стакан тот у тебя, родная?
Стакан тот у тебя?

– Вот здесь он... Гибелью окован,
Герой оторван был от нас!
Он, кто был папой коронован,
В пустынном острове угас.
Мы все не верили сначала;
Все говорили: вот идет!
Эскадра морем пробежала,
И твердо ждал его народ!
Когда ж узнали смерть... рыдая
Была я с горя вне себя!
Была я с горя вне себя!
– Бог наградит тебя, родная,
Бог наградит тебя!..

⟨1840⟩

ПОСЕЛЯНИН

О, как весело живется
Под соломой в бедной келье!
Там без умолку поется,
Там не куплено веселье.

Только первый луч востока
Вспыхнет золотом на ели,
Уж несется издалека
Переливный звук свирели;

И, призывный слыша голос,
Стадо с ревом рвется в поле,
Где росой сверкает колос,
Где в лугах пастись на воле.

Встав с зарей, блестя косами,
В тонком утреннем тумане,
Говорливыми семьями
Идут шумно поселяне.

Солнце встало. Песнью звонкой,
Скрытый дымкой перламутра,
Взвившись, жаворонок громко
Первый блеск встречает утра;

Гость небес, как небожитель,
Он взвивается все выше,
В поднебесную обитель
Вверх и вверх!.. Но тише, тише!..

Вот дохнул уж полдень душный,
Вот и вечер! Вот с работы
В дом, где ждет их стол радушный,
Сна беспечная дремота.

И за ними с шумом стадо
С погасающей денницей
К елям, веющим прохладой,
Вьется длинной вереницей.

Час вечерний, час свободы!
Для души простор желанный!
За собою хороводы
Ты приводишь, многожданный!

И мгновенье первой встречи,
Робкий взгляд, в любви признанье,
Втайне молвленные речи,
Рук пожатье, уст лобзанье!

О, как весело живется
Под соломой в бедной келье!
Там без умолку поется,
Там не куплено веселье!..

1845. Юдиха

АНТИАСТРОНОМ

Пусть астрономы говорят:
Морочить им не стыдно! –
Что солнцев тысячи горят, –
Нам всё одно лишь видно;
Что сонмы звездны в высоте,
Сгорев, потухнут разом,
Что все мы заперты в звезде,
Вокруг облитой газом.

Ведь им рассказывать простор!
Кто смерит неба стенки?
По мне, всё это – тонкий вздор,
Как пар кометы Энки[1].
От нас до тверди далеко,
Мы звезд видали ль диски?
Хоть заберемся высоко,
Все будем к ним не близки.

Земное, право, ближе к нам,
И тут подчас проруха:
Фалеса[2], говорят, из ям
Таскала вверх старуха.
А все от звезд... И что за цель
Глазеть на огневые?
Они за тридевять земель,
Пусть будут хоть тройные.

Когда бы нам творец судил,
Окончив дней теченье,
Быть вновь жильцами тех светил –
Все было б впрок ученье.

Но жажда истомит в Луне,
    Юпитер долго в стуже;
На Солнце весь сгоришь в огне,
    В других планетах – хуже.

Лишь дух слетит, как блеск из глаз,
    К возжегшему денницу,
Земля уложит остов наш
    В безмолвную ложницу,
И кости будут чернозем:
    Там силой благодатной,
Быть может, процветет на нем
    Цвет дивно-ароматный.

Но в цвете том не быть душе,
    Хоть море выдь из брега,
Хоть ветерок поверх дыши
    Лучей весенних негой,
Хоть светлым жемчугом роса
    Осыпься в венчик зыбкий, –
Он запах выльет в небеса
    Без скорби, без улыбки.

Друзья! пока играет кровь,
    Рассудок светел думой,
И в сердце ластится любовь,
    Оставим бред угрюмый.
Пусть спорит астроном до слез:
    "Родятся гроздья паром!"
Мы выжмем гроздья зыбких лоз,
    Ему ж все лозы – даром.

1834. Троицкое

ПРОДАВЕЦ НЕВОЛЬНИЦ

La taille leste, bien tournée!
Elle a, ma foi, de très beaux yeux;
Le bras, la main, le pied au mieux.
Seid. "Gulnare", sc. IV*

"Войди в шатер мой, чужестранец,
На африканку посмотри!
Глаза как смоль у ней, румянец –
Агата розового глянец –
Свежее утренней зари!
Шелк черных кудрей пышно вьется,
Уста как дышащий коралл,
И перлов ряд, лишь улыбнется,
Каких в Цейлане на найдется,
Каких нигде ты не видал!

Во всем базаре Истамбула
Невольницы подобной нет!
На шумных торжищах Моссула[1],
В долинах счастливых Кабула[2]
Не цвел такой роскошный цвет.
Она стройнее пальмы гибкой,
Она акации нежней,
Как ласточка над влагой зыбкой,
Резвей тибетской серны, шибко
Бегущей по пескам степей!

* Изящный, стройный стан! Клянусь, у нее прекраснейшие глаза! Рука, кисть, нога – все совершенно. *Сеид. "Гюльнара", сц. IV* (*фр.*).

Она с брегов зеленых Нила:
Пред ней поблекли б розы там,
Когда бы взгляд свой уронила
Или нечаянно склонила
Лице прелестное к волнам.
А как поет, а как играет
На лютне – слух обворожит!..
Когда ж в калхалы[3] ударяет,
Тимпан[4] кружит и вверх бросает, –
Как пери в воздухе летит.

Она... но ты проходишь мимо,
Но ты не слушаешь меня!..
Она, как скиния[5] Солима[6],
Как талисман досель хранима –
Чиста, как луч рассветный дня.
Любовью сердце в ней не билось;
Пятнадцать лет ей без денниц;
Недавно грудь лишь округлилась...
Ни раз слеза не серебрилась
На ткани шелковых ресниц.

Ни раз... Но ждут уста лобзаний,
Уже задумчивей, томна...
В ночь слышен шепот воздыханий
И звук прерывистых рыданий,
И вся во сне горит она!..
Купи ее!.. Какой любовью
Она все дни твои займет,
Когда приникнет к изголовью
И ночью под персидской мовью[7]
Тебя в восторге обоймет!

Как будет ждать в любви урока,
Чтоб поцелуй уста зажгли!..
Прекрасны гурии пророка –

Свежа, пылка и черноока
Младая гурия земли!
Купи ее: ты б с златом кисы[8],
Когда б взглянул, тотчас бы дал!" –
"Я не купец из Икониссы[9]!"–
"Кто ты?" – "Я почитатель Иссы[10]!" –
"Собака! что же ты молчал?"

Октябрь 1830

МАРИЯ

(*Из Мура*)[1]

Когда Мария неутешно
Роняла слезы из очей,
О днях минувших жизни грешной –
Не все ль простило Небо ей?

Когда, спеша с душой смятенной
К стопам Спасителя упасть,
Ему из мирры многоценной
На ноги возливала масть.

Их шелком кудрей отирала,
В которых перл блистал не раз...
О, скорбь ее одна сияла
Тогда пред Богом, как алмаз.

Сей аромат смиренной дани,
В слезах померклися глаза
И сердце, полное терзаний,
Могли ль отринуть небеса!..

Когда грешил ты в дни былые;
Молись, коль хочешь быть прощен;
Раскайся, плача как Мария,
И будешь, как она, прощен!..*

1830

* "Отпущаются грехи ея мнози, яко возлюби много!" Св. Еван-гел. Луки, гл. VII, ст. 47. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

АЛЬГАМА

(*Из Romancero general*)[1]

Унылый в Гренаде[2] ходил Абдалла[3]
Один у ворот Бибарама;
На сердце султана забота легла,
В устах одно слово: "Альгама!"[4]

Вдруг с вестью гонец запыленный к нему:
"Погибла надежда Ислама!"
И, гневный, кинжал свой он в сердце ему,
Взывая: "Альгама! Альгама!"

Стрелой на коня, он, быстрее огня,
Чрез площадь летит Закатама,
В чертоги Альхамбры[5] он входит, стеня:
"Альгама, Альгама, Альгама!"

Серебряны трубы звучат на поход,
Литавры бьют звонкие рано,
С оружьем на площадь толпится народ,
В устах у султана: "Альгама!"

И мавр устарелый выходит один:
"Ты звал нас, в чем воля султана?"
Печальный на мавров глядит властелин,
Вздыхая сквозь слезы: "Альгама".

"Узнайте, о други, что скорби виной:
Нам Алле не жечь фимиама,
Кастилец свой крест водрузил над луной,
Пред ним преклонилась Альгама!"

На то, с бородою по грудь, Альфаки*
Вещает: “Нам ждать было срама!”
Но речь его прервал в порыве тоски
Султан, вновь воскликнув: “Альгама!”

“Ты Абенсерагов[6] позорно казнил –
Цвет рыцарей нашего храма,
Изгнал их; пришельцев Кордуи[7] вскормил;
Дивиться ль, что пала Альгама!

Не стóишь венца ты! Позорны дела!
Живешь ты на гибель Ислама!”
Но слов не внимая рыдал Абдалла:
“Альгама, о перл мой Альгама!”

1834

* Альфаки, или Факи, пользовались большим уважением у западных магометан, преимущественно у тюрок. Особы их, находясь в зависимости от муфтия, как доктора магометанского исповедания, почитаются священными. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

СТЕНЬ[1]

...je ne vois pas pourquoi la nature a placé ces sujets du monde invisible, d'une façon si hostile vis-à-vis de nous, que nous ne puissions ressentir leur approche sans une terreur extrême.

*Hoffman**

Я спал! Полночный сон глубок!..
Таинственный вошел без шума...
Ко мне на грудь, как льдина, лег,
И сердце обложила дума.

Невольный вкрался в душу страх;
Мой вопль погиб во тьме без звука...
И на трепещущих губах
Ужасная застыла мука.

Он яд в уста мои точил...
Я чувствовал, как гасли силы,
Как кровь сосал он, как давил
И веял холодом могилы.

Недвижный телом, я дрожал,
Глаза раскрыть напрасно силясь...
Студеный пот по мне бежал,
И жилы все, как струны, бились.

---

* ...я не знаю, почему природа противопоставила нам эти явления невидимого мира столь враждебным образом, что мы не можем почувствовать их приближения без крайнего страха. *Гофман* (*фр*.).

Когда же он молньей в мысль проник...
Всхолмились волосы на темя...
И этот миг – страданий миг –
Тысячелетий обнял бремя.

И я был жив, и жить я мог...
Без чувств... скорбя душой, взмолился;
В отчаяньи воскликнул: “Бог!
Даруй мне смерть!”... и пробудился!

Ноябрь 1830

РАССВЕТ

Только луч первый дня,
Сумрак ночи гоня,
Загорается –
Под навесом ветвей
Трель поет соловей,
Просыпается.

Сквозь зеленый тростник,
Где раскинул тальник
Ветки гибкие –
Полусонный ручей
Катит с шумом быстрей
Волны зыбкие.

Сладко веет весной
От сирени младой,
Расцветающей;
Пчелка к листикам льнет,
Сок сбирая на сот,
Златом тающий.

Не спеши, ранний день,
Ночи гнать мрачну тень
Блеском радостным!
Не буди, соловей,
Тайной думы моей
Пеньем сладостным!

На руке у меня
Жарче летнего дня,
Спит красавица:

Щечки пышут в огне,
Сладко ангел во сне
Улыбается.

Русы кудри волной
Пали к груди младой,
Перебежные.
Ты не льстишь ли, мечта!
Не меня ли уста
Кличут нежные.

Вот проснулась она:
Как взглянула сквозь сна
Томно, сладостно!
День, зажгися ярчей!
Звонче пой, соловей,
Мне так радостно!

Апрель 1831

ФИВСКИЙ ЦАРЬ

1

Лишь день я на престоле Фивы[1],
Но Ель-Молук[2] зовет меня
В приют свой тесный, молчаливый.

Там чудная, вещают, скрыта
Обитель от сиянья дня,
Там саркофаг иссечен из гранита,

И барельеф пред главными вратами
Искýсно вылит золотой,
Где солнце, боги, царь с подъятыми руками...

Там Озирис[3] в ероглифах вещает,
И с ястребиной головой
Бог Фре владычества ряд длинный обещает...

2

Лишь день я на престоле Фивы...
Зачем же нá сердце мне горесть наводить?
Вокруг меня сонм радостей игривый...

Вокруг меня еще все жизнью полны,
И сам я, царь, лишь начинаю жить...
Вокруг меня моих народов волны!..

О, что в бессмертии мне дальном,
В твоих таинственных заветах, Озирис?
В твоем величьи погребальном?

Что свет златых лампад пред яркою денницей!
Над кем, о Фре, твои гадания сбылись
За тою грустною, гранитною гробницей?

Часы прикованы в обители печали,
А здесь они так весело бегут!
Здесь нет богов; но жизнь нам боги ж дали!..

Лети же, яркая, без грусти, без тревоги!
Еще успеем мы к Атму предстать на суд,
Где жребий прорекут не смертные, а боги;

Где после кратких дней ждет долгая отплата;
Есть казнь – обещаны Элизия[4] поля,
Где все печальное утратим без возврата.

Жрецов предания всегда красноречивы!..
Там нет тебя, о Нил, о Фивская земля!
И первый день еще я на престоле Фивы!

1832

МЫСЛЬ

Дочь ясных дум и вдохновенья
Едва на свет сей рождена,
Нагая, полная смятенья,
Уж я на суд предстать должна

И оскорбительные взгляды
Толпы бесчувственной сносить;
Ее привета, как награды,
Как подаяния молить.

Невежды выслушать сужденье, –
И – как судьба моя жалка!
На мне оставит впечатленье
Педанта тощая рука.

Меня обстанет с громким свистом
Самолюбивый черни сброд,
И будь я солнце в небе чистом,
Журнальный червь пятно найдет.

Но тщетен труд толпы бездарной,
Сурков обыкший к мраку глаз!
Им ночь – свет солнца лучезарный,
Кремень – сверкающий алмаз.

Как молнья из толпы мятежной
Я вознесуся в горний круг, –
И отблеск мой – маяк надежный
Среди житейских, бурных вьюг.

Шипящая затихнет злоба,
Устанет зависть... но ярка
Я, как звезда, зажгусь у гроба,
Где погружаются века.

1834

УРОК СТАРЦА

Радости земные
– на листке роса!
В капле голубые
блещут небеса;
Но едва дыханье
Тронет ветерка,
Зыбкое сиянье
Улетит с листка.

Знание глубоко!
Все не исследишь.
Пусть орлом высоко
Будешь ты парить;
Но бессильны крылья
К солнцу долететь;
Суетны усилья
Перлы в море зреть.

Тщетен труд стараться
– не заметит глаз,
Будет загораться
Как в коре алмаз?
Можно ль жизнь былинки
В поле разгадать,
Или цвет пылинки
Ясно рассказать?

Тесен ум наш бедный!
И мудрец не тот,
Кто с лампадой бледной
Жизнь – дар неба сжет.

Кто проводит ночи
Долгие без сна,
Мы слепцы – нам в очи
Брезжит тень одна.

Грустною отравой
Жизнь зачем томить?
Сделай труд – забавой,
Научайся жить.
Книга вскрыта эта
Всем от ранних дней;
Но, рабы у света,
Не читаем в ней.

С колыбельной сени
Путь различный нам:
Кто избрал ступени
К славе и чинам;
Кто искал стяжаний,
Кто с мечом на бой;
Кто в рудник познаний
Утонул душой.

Все бежим; но время
Нас скорей бежит;
Путь пройден, – а бремя
То ж на нас лежит.
Та же мысль нас гонит:
Завтра – бренье, прах!
И младенец ронит
Слезы на гробах.

Нет, у вольной птицы
Научайся жить!
Пой в лучах денницы,
Пой как ночи быть!

Льется в наслажденье
Каждый миг пусть твой,
Светл, как сновиденье
Девы молодой.

Не гляди на ясный
Ночи свод в звездах!
С думой сладострастной
Пей любовь в очах.
Взгляд сей чудной силой
Душу утолит;
В поцелуе милой
Мир блаженства слит!

В куще ароматной,
Напеня бокал,
На заре закатной
Старец нам вещал.
Юноши, внимали
Мы ему душой;
Чашами стучали,
Мудрого венчали
Песнью круговой.

1834

* * *

Она с улыбкой мне сказала,
Что строфы звучные читала;
Оне понравилися ей
Небрежной легкостью своей,
Высоким чувством идеала.
Я слушал молча. Грудь пылала!
Мечтал: о, если б угадала,
Что я, влюбленный, пел о ней!

Ах! не ее ль у светлых окон
Мелькнувший златом, русый локон!
Пятнадцать лет, лазурь очей,
И эта музыка речей,
И прелесть-ножки – загляденье,
Уста – рубинов влажных мленье,
Взгляд робкий – были вдохновенье
Душе восторженной моей.

С кем мог оплакать я разлуку?
Тоску любви, восторгов муку,
В мечтах бессонливых ночей,
По ком мог чувствовать живей?
Когда она, в сияньи бала,
Богиня резвая летала,
И в наслажденьях утопала...
Я, я забытый, пел о ней.

Я пел!.. Погибни, стих мятежный!
Твой звук таинственный и нежный,
Твой звук, что я столь страстным мнил,

Ее лишь музыкой пленил!
Он не проникнул в грудь прелестной;
Он пал, как иней, и безвестный,
Исчез, как эхо в поднебесной...
А я так пламенно любил!

1833. Январь

МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ

Мы были вместе. В ярком свете,
Близ нас, под музыку летя,
Кружились в вальсе на паркете,
Красой и свежестью блестя;
Шумели громко разговоры
Старушек чинных и детей;
За вистом подымались споры...
Мы были вместе... я был с ней.

Мы были вместе. Нас случайно
Чрез годы вновь судьба свела,
И что в груди хранилось тайно –
Та мысль на сердце ожила.
Я вспомнил чудное мгновенье!
И светлый взгляд ее очей
Мне в душу пролил упоенье...
Мы были вместе... я был с ней.

Мы были вместе. Миг сей краткий
Меня с судьбою примирил,
Ее слова лились так сладко,
Так много взгляд мне говорил!
Но чуждо сердцу упованье:
Не возвратить минувших дней;
Я счастлив был в воспоминанье!
Мы были вместе... я был с ней.

26 декабря 1832. Москва

* * *

Когда вдали от шума света
В брегах, где шепчет сонный вал,
Я смелой кистию поэта
Писал мой милый идеал,
Восторгом грудь была согрета,
Как знойный полдень, я пылал,
Лилися строфы, будто волны,
Мечтою дивной, страстью полны.

Сменились трижды розы лета;
Я много сердцем испытал!..
И вот, на бале, в шуме света
Мелькнул мой милый идеал
И стих восторженный поэта:
“Мы были вместе!” – прошептал.
Но строфы те на миг звучали,
Они от грусти трепетали.

Ловите радость в вихре света!
О, будь жизнь ваша – вечный бал!
Как мысль веселая поэта,
В чаду восторгов и похвал!
Пусть рок лелеет ваши лета,
Он вам всего с избытком дал:
Любезность, ум и пламень чувства,
И граций нежные искусства.

1833

К МАРГАРИТКЕ, КОТОРУЮ САМ В 1786 ГОДУ СРЕЗАЛ НЕОСТОРОЖНО ПЛУГОМ

(*Из Роберта Борнса*)

О милый, розовый цветок!
Твой нежный срезан стебелек!
Меня не в добрый встретил час
Ты на пути!
Чего б я не дал, мой алмаз!
Тебя спасти.

Не будет жавронок весной
Теперь кружиться над тобой.
И песнь, припав к груди твоей,
Не заведет,
Летя в сиянии лучей
Под небосвод.

В краю ты диком цвет раскрыл;
Холодный ветер вокруг лишь выл;
Один он бедный уголок
Твой возмущал,
Когда с земли свой стебелек
Ты подымал.

Другим цветам есть рок иной,
В саду их нежат за стеной,
Тебе ж обломок лишь плиты
Приютом был,
За ней, цветя так скромно, ты
Безвестный жил.

Как сладко в рубище твоем
Ты грелся утренним лучом!
Но только очи в синю даль
К Творцу поднял,
Тебя коснулась плуга сталь,
И вот! ты пал!

Цветок прелестный, луговой,
С девицей сходен жребий твой,
Когда любовь сей жизни путь
Ей озарит,
И обманув, младую грудь
Оледенит.

Такая ж участь ждет певца,
Когда с беспечностью пловца,
Он с песнью средь житейских волн
Один плывет,
Вал набежит, – и утлый челн
В пучине вод.

Таков и бедняка удел,
Кому томиться рок велел;
Кто жизнь ведя средь слез и бед
Всё уповал,
И снесть не мог, и в цвете лет –
Бессильный пал.

Но участь бедного цветка,
О ком грустишь ты, всем близка!
Смотри! уж время острый плуг
К тебе влачит,
И срезан им, ты будешь вдруг
Землей зарыт.

1843

ЛЕМАН

A lovely bird with lozure wings,
And song that said a thousand things,
And seem'd to day them all for me!
L. Byron ("*The prisoner of Chillon*")*

Как я люблю брега Лемана[1],
Когда они в рассветный час,
Сквозь дымку зыбкого тумана
Едва рисуются для глаз,
И в бледном сумраке безмолвны
Блестят лазуревые волны.

Сбегает в Альпов ночи тень,
Алмазами сверкнула льдина,
В снегах заискрил яркий день;
И просыпается долина,
Как дева прелестью полна,
В дремоте утреннего сна.

Поднялся жавронок над нивой,
Веселой песнию звеня,
В горах свирели глас игривой

* И мой певец воздушный был;
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом...
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песне той!
И все то было – про меня!
Л. Байрон ("*Шильонский узник*") (*англ.*).

Проснулся, в луг стада маня,
И ветерок, прильнув на струи,
Влюбленный, пьет их поцелуи.

Но я люблю тебя, Леман,
И в час встающей непогоды,
Когда, как грозный Океан,
Кипят и плещут кверху воды.
И в страхе, твой покинув дол,
На Альпах носится орел;

Валятся грозные лавины,
Ужасен гул твоих громов,
Один Мон-блан[2] в венце из льдины,
В огнистом поясе снегов,
Спокойно смотрит из-за тучи
На дождь, на ветр, внизу ревущий,

Вот гром затихнул, бури нет!
Весь воздух полон аромата;
Горит на Юре[3] яркий след
Лучей румяного заката;
Лежит зеркальная волна
Вся золотом растворена.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

В тебе все года времена:
У гор – весна, в долине – лето,
Здесь осень в гроздьи убрана,

А там зима в снега одета;
И берег твой – цветущий сад,
Какою славою богат.

Его избрал приютом Гений!
Здесь был Руссо[4], мечтала Сталь[5];
Здесь, полн глубоких вдохновений,
Гиббон[6] веков провидел даль,
Здесь жил, тревогой скучась шумной
Мудрец Фернея[7] остроумный.

Невольно взор влечет Шильон,
Задумчиво глядяся в воды,
Он звучным эхом окружен
Певца – любовника свободы[8],
Когда, печален и угрюм,
Блуждал он мучеником дум.

Земные ли рыдали струны
В пустынной мира тишине,
Иль пел изгнанник неба юный
О светлой рая стороне,
Веков страдалец бесприветный? –
Так плакать мог один бессмертный!

Когда над Альпами луна
В роскошном свете выплывает,
И, как младенец, вся страна
В сребристой ткани почивает;
Нисходят мраки в полутень,
Встает в полях волшебный день;

Вкруг Бониваровой[9] темницы
Скользит в тумане грустный дух,
И слышен звук его цевницы

Чарующий с любовью слух;
Безмолвен соловей, и волны
Печальным отголоском полны.

Свежей цветов горит роса,
Сверкают звезды золотые
(Льют звуки темное мерцанье)
И яхонт ярки небеса,
Как в первый день миросозданья,
Как будто мир из мглы веков
Разоблачает свой покров.

Сияньем радужным играя,
Летит печальный херувим;
Песнь льется... Дева молодая
В виденьях сна мечтает им,
И скромной голубые очи
Горят слезой в виденьях ночи.

1830

АНТИПЛАТОНИК

Ну, право, бредит ваш Платон[1],
И Пиндару[2] я верю мало!
Один поет: "жизнь наша сон!"
Другой любить так учит вяло.

Нет, веры я, друзья, не той:
Дана здесь жизнь нам, как монета,
И тот владеет золотой,
Кто ищет удовольствий света.

Кто день лишь тот считает днем,
Когда, питомец верный лени,
С утра пирует за столом,
А ночь на лоне наслаждений.

Я видел перло красоты...
И можно ль видеть не тоскуя?
Она пугается мечты,
Боится тени поцелуя.

Пред ней, с измученной душой,
Томится грустный обожатель.
Вы, Платонисты, к ней толпой!
Я не знаток, я не ваятель!

Я к резвой Душеньке моей
Лечу в роскошные объятья.
Там, хладный мрамор для очей;
А здесь, здесь жизнь готов отдать я;

Здесь, пылкой негой упоен,
На губках Нимфы шаловливой,
Ей проповедую на сон
Урок любви красноречивый.

Склонив главу на грудь ко мне,
Она в восторге замирает,
И, улыбаясь, повторяет:
"О друг мой, счастье не во сне!"

1830

НИМФА

(*Из Беранже*)

Милый друг! побеждена я;
Лей шампанское вино,
Лей в бокалы выше края,
Пусть кипит и бьет оно!
В пылкой неге упоенный,
Рой утех изобрети,
И прижмися исступленный
Девы к пламенной груди!

Как горят мои ланиты!
Знойной страстью блещет взгляд;
Посмотри, полуразвиты
Кудри русые скользят.
Мой венок цветы роняет,
Жжет меня рука твоя...
Пусть шампанское сверкает!
Пей, чтоб не стыдился я!

Пей, пока рассудок хладный
Улетит, как легкий дым!
Поцелуй меня! я жадно
Вся прильну к устам твоим.
Но к чему, к чему наряды!
Сбрось их! Что в покровах нам!
Пусть упьются негой взгляды.
Будет полный пир очам.

Упади в мои объятья,
Вкруг меня обвейся ты!..
Небо, что могу желать я?

Вижу диво красоты.
Я в восторгах утопаю,
Я ношусь на небесах...
Ангел мой! Я умираю...
Меркнет жизнь в моих очах.

Поцелуй меня! – Как вяло!
Поцелуй меня нежней!
Ах! того ль, того ль я ждала
От младой любви твоей!
Нет, не пей вина, друг милый,
Дай мне светлою струей,
Если ты любить без силы,
Потопить в нем пламень мой.

1830

АКАЦИЯ

В степях Аравьи каменистой
Цветет акация одна.
Близ ней бежит источник чистый;
Но в пышной зелени она,
Склонив главу, стоит грустна.
О чем грустишь ты, дочь Востока,
В роскошной зелени ветвей?
Тебя усталый сын пророка
Завидя на краю степей,
Благословит в душе своей.
– Укрыть мне странника отрадно
На путь в священные места;
Мой ключ и в зной струится хладный,
Симун[1] не рвет с меня листа,
Но я... я в мире сирота.

1830

ВАЗАНТАЗЕНА

"Остановись, Вазантазена[1],
На мир помедли, жрица нег!" –
Бежит, испугом окрыленна,
Неуследим прелестной бег.
Чуть гнется рис под легкой ножкой,
Она, как ветр, скользит на нем,
И над жемчужною сережкой
Ланиты вспыхнули огнем.

"Остановись!.. Пусть воздух чистый
Твóе дыханье освежит!
Опасен луг еще росистый,
И змей в траве!" – Она бежит,
Бежит, дрожа, как ветвь банана,
Как лань, встревоженна ловцом.
"Помедли, роза Индостана,
Взгляни: туман еще кругом".

Напрасно... Пурпур ткани тонкой
Взвевает легкий ветерок,
Звенит вкруг стана пояс звонкий,
Звучат калхалы[2] резвых ног.
Сверкают камни дорогие
В ее власах, и свежий зной
Волнует перси молодые,
Златою сжатые корой.

Приветно пальмы Бенареса[3]
Главой зеленою шумят.
Ужели в мрак священный леса

Укрыться дать ей в сень прохлад?..
Нет, вслед за ней быстрее птицы, –
Пью аромат ее кудрей...
И робкий крик стыдливой жрицы
Покрыл в дубраве соловей.

1832

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Днесь к тайной вечери[1] я прихожу Твоей,
Сын Божий, милосердья полный!
Моя душа в грехах, уста молить безмолвны;
Но благости Твоей неизмеримы волны...
О, не отринь меня участником быть в ней.

Нет, тайну дивную я не как враг повем;
Тебе лобзание не дам я, как предатель[2];
Ты и к разбойнику был благ и сострадатель,
И, как разбойник, я молю Тебя, Создатель!
Воспомяни меня во царствии Твоем.

1832

ХОРЕВ

(*Видение на горе*)

В час утра я вознес моленье –
В грозе померкли твердь и дол,
Нес вихрь могучий разрушенье –
Я ждал... но вихрь, шумя, прошел.

Земные всколыхались своды,
Как чаша хрупкого стекла;
Утесы двигались, как воды; –
Я ждал – но буря протекла.

Граниты рассыпались с треском,
И мир, как лава, вспыхнул вдруг...
Облит палящих молний блеском
Я ждал... но молний след потух!

И вот меня прохладой тонкой
Небесный ветерок проник,
И, как тимпан взыграл я звонкий,
Как свежий вскрывшийся родник.

Исполнен дивной, твердой веры,
Одеждой очи я закрыл;
На землю пал у врат пещеры,
Ко мне Он близок, близок был.

1831

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Послушай, друг милый,
Когда б тебе было
    Семнадцать лет,
Не то бы было,
Не то, мой свет!

Узнала б тогда ты,
Чем думы объяты
    В семнадцать лет;
Зажглися бы взгляды
Не так, мой свет!

Какие мечтанья,
В минуты свиданья,
    В семнадцать лет!
Роятся желанья
Не те, мой свет!

От игр ты б отстала,
Другого б искала
    В семнадцать лет;
Ты куклу б желала
Не ту, мой свет!

Лишь юноши локон
Мелькнул бы у окон
    В семнадцать лет,
Твой взор бы завлек он
Не так, мой свет!

О, если б, друг милый,
Скорей тебе было
    Семнадцать лет!
Как весело б было
С тобой, мой свет!

1830

НЕОБХОДИМОСТЬ СЛЕЗ

(*Из Амару*[1])

Она досадует, прелестная из дев,
Предмет любви твоей и ласк столь пылких,
страстных!
Зачем ты изменял?.. Теперь мольбы напрасны;
Нежнейшей клятвою не утолится гнев!
Нет!.. средство лишь одно, одно тебе на долю...
Я знаю, всех больней оно для чувств твоих;
Дай ей наплакаться ты вволю,
Пусть слезы тяжелы, но сердцу легче с них!

1833

КОВЫЛЬ

Одинок в беспечной доле
Серебром ковыль блистал,
Ветр один, гуляя в поле,
В кудрях шелковых играл.

Ранней утренней зарею
Умывался он росой,
Не боясь в полдень зною,
Горд был свежею красой;

Снегом пуха молодого
Одевал он пышный луг,
Песнью жавронка степного
Свой роскошно нежил слух.

Вдруг в степи широкой бойко
Колокольчик прозвучал,
И ямщик с удалой тройкой
Серебристый злак сорвал.

Он сорвал его, повесил
На блучок, и с песнью вдаль;
Но ковыль головку свесил,
В нем закралася печаль.

Песнь ямщичья, удалая,
Горьких дум не отведет;
То не песнь его родная,
То не жавронок поет.

Наклонясь, далеко в поле
Смотрит с завистью ковыль,
Где свободный цвел на воле,
Не глотал с дороги пыль.

Видит села, видит грады...
Сыну степи что до них!
Нет простора, нет прохлады,
Как в лугах его родных!

Одинокий, в чистом поле,
Серебром ковыль блистал;
На чужбине и в неволе
Он безвременно завял.

1845. Юдиха

УТРЕННИЙ СОН

Когда пробуждается день и восток
Румяной зарею горит,
В кустах залепечет сребристый поток,
И каждая травка, и каждый листок
Росой изумрудной блестит;

Песнь жаворонка звонко над мглой высоко
По чистому небу кружит...
О, как на душе мне светло и легко!
О, как своей думой я мчусь далеко
Сиянием утра облит!

Прохладой рассвета я весь упоен;
Жизнь бьется двойная в груди,
И что-то мне шепчет сквозь утренний сон:
Молися, надейся! Верь, сбудется он!
Желанная цель впереди!

Свежо мне; но пылкая дума всю кровь
Волнует и душу мятет;
Как будто бы юности светлой любовь
Забытая в сердце врывается вновь,
И жаркие слезы зовет;

Как будто бы снова к поблекшим устам
Прильнул поцелуй огневой,
И вспыхнуло пламя по впалым щекам,
И верится снова несбывшим мечтам,
С отрадой, с надеждой святой!..

Но вот уже солнце высоко, с небес
Льет зной свой роскошно в лугах;
И где же сон утра? – Чаровник исчез,
Исчез с вереницей блестящих чудес,
А слезы трепещут в очах.

1845. Юдиха

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА

Он здесь! Он вечно наш! Изображенье Клии[1]
Отныне передаст в позднейши времена
И дар Царя и дань признательной России
К трудам Карамзина.

Как древле Геродот[2] средь шумных игр Эллады
Рассказом сладостным народы увлекал,
И юный Фукидид[3], вперив на старца взгляды,
Рыдал и трепетал;

Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, – сей огнь неугасимый
Восчувствует в груди.

В ней вдруг пробудится неведомая сила
Высоких подвигов, чем втайне мысль кипит,
И, как птенец орла, свои расширив крыла,
Он к солнцу возлетит!

А ты, на чьих брегах замолкнул звук булата,
Два царства падшие омывшая волной,
Ты, мирно льющая обилие и злато,
Ликуй: он пестун твой!

Да, Волга, он твой сын! Когда иноплеменный
Нас спросит: “Это кто?” Мы гордо скажем: “Тот,
Кому приветливо внимал Благословенный[4]
Средь царственных забот!

Кто время Грозного, бесстрастный и свободный,
Деянья темные потомству передал;
Впервые нам раскрыл язык простонародный;
Русь – миру указал!

Кто щедро взысканный, мечтал и дней в закате
О славе родины, когда язык немел!
Над кем монарх скорбел, и в сделанной утрате
С Россией сиротел".

1845. Юдиха

БЕДНАЯ ПТАШКА

Утро близко. Загораясь,
Свод небес каймит заря;
Лес трепещет, пробуждаясь,
Ярким отблеском горя.

Звезды в море улеглися,
Утомленные путем,
Встрепенулись и взвилися
Птицы в небе голубом.

Отчего ж в тоске глубокой
Сердце бедное болит!..
В тесной клетке, одиноко
Пташка грустная сидит.

Вкруг, так весело порхая,
Рой подруг ее поет,
Не поет она больная,
И крылом не шевельнет!

А сейчас ей только снилось,
Спрятав носик под крылом,
С ними пела и кружилась
В поднебесье голубом!

Скройся ж, солнце! с твердозвездной
Ночь, приди, приди опять!
Дай нам снова с пташкой бедной
На свободе полетать!

1847

* * *

Очи, ясны оченьки,
девицы-красавицы!
Чем вы, ненаглядные,
Так горите весело?
Словно ярки звездочки
В вас зажглись и светятся
Под зеркальной сеточкой
Переливью зыбкою.
Словно две росиночки
Утра первозданного
В вас, заканув, вспыхнули
Неземною радостью.
Иль от крыльев Ангела
К вам с Эдема светлого
Отпахнули негою,
И в мгновенье дивное
Вы душой заискрились,
Очи, ясны оченьки!
        Очи, ясны оченьки,
        девицы-красавицы!
        Я взглянул в вас весело,
        Поглядев – задумался:
        Повстречаю ль робкие
        В зыбком свете месяца?
        Любоваться ль в зеркальных
        Мне ночами длинными?
        Осыпать ли страстные
        Жарко поцелуями?

1834

ЛУНА

Светила ярко ты, луна,
Мне силой полному, младому,
Средь тусклых звезд, одна, ясна,
Плывя по небу голубому.

В твоих лучах конь буйный мчал
Меня под буркой в край далекой;
В твоем мерцаньи я срывал
Лобзанья девы черноокой.

Твой луч, как утро, серебрил,
Облив равнину снеговую,
Он шумно, радужно кипел,
Упадши в чашу круговую.

О, сколько дум, восторгов, слез,
Проклятий, ласк, угроз, молений,
Твой дивный блеск с собой унес
В минуты ярких впечатлений!

Я помню: огнь ея ланит,
Молящий взгляд, бегущий шепот,
Полуугасший, как в гранит
Волны прибрежной тихий ропот!..

Душа изверилась грустя!
Невольно мысль влечет к былому!..
Но ты, луна, всё та ж, ясна,
Плывешь по небу голубому.

Март 1835

ВЕСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Зима бежит. Не слышен вьюги вой;
Метель не вьется по дороге;
И шумно панцирь ледяной
Дробит Ока, волнуяся в тревоге.

В ущельях гор серебряным ковром
Лежат нетронутые снеги,
И коршун в небе голубом
Кругоплывет – предвестник теплой неги.

Между дерев безлиственно-нагих
Младая верба: вся в уборе,
Весну встречает, как жених,
Улыбкой светлою во взоре.

Еще два дня... Проснется жизнь везде;
На божий свет былинка взглянет,
И ласточка в родном гнезде
И щебетать, и виться станет.

Всех радует привет весны!..
Лишь я, печальный и угрюмый,
Былые вспоминаю сны,
Мои несбывшиеся думы.

Но что другим в тоске моей?..
Кому понять чужие слезы!
Спеши ж, весна! Пой в роще, соловей!
Цветите, пламенные розы!..

1835

* * *

Не туманы хладные
Пали в поле чистое,
Не роса осенняя
В луг зеленый канула,
Не спалило солнышко
Яркий цвет лазоревый;
А цветок лазоревый –
Не развившись, выбежал,
Не раскрывшись высохнул
На родимом стебеле,
Унесенный вьюгою
На чужбину дальнюю!

Много в свете радостей, –
В синем море жемчугов;
Много звезд сверкающих
В летнем небе вечера;
Много красных девушек
Со очами светлыми!

Не глядеть бы молодцу
В ясны очи девицы!
Не ласкать бы молодцу
Сердце пылкой думою!
Не любить бы молодцу
Ретивым так пламенно!
Сердце красной девицы
Глубже моря синего;
Очи красной девицы
Как звезда обманчивы,
Как звезда падучая
В летнем небе вечера.

1835

ЛИСТКИ ПОЭЗИИ

В благовонной куще рая
Пальма юная цветет;
Близ нее, сребром сверкая,
Чистый ключ бессмертья бьет,
Словно жемчуг, льются струи,
Сладок шепот их вокруг,
Как влюбленных поцелуи
Очаровывают слух.

У кристальных вод Земзема[1]
Ангел с огненным мечом,
Неусыпный страж Эдема
Вечно ходит в ночь и днем.
Он глядит, чтоб дети бренья
Не коснулись чистых вод,
Но о падшем поколеньи
С тайной грустью слезы льет.

И задумавшись срывает
Листья с пальмы молодой,
И беспечно их роняет
Над погибшею землей.
Те листочки ветр уносит
Мира в дальние края,
И Поэт в них песни вносит,
Светлой думы не тая.

От того-то негой полны
Вдохновения певца,
Звучны, как Земзема волны,

Движут радостью сердца.
Свежесть горней в них денницы,
Прелесть гурий молодых,
Слышишь голос райской птицы
И заслушаешься их.

1835

ОКА

Стонет, воет и клокочет
Шумноволная Ока;
Знать, под льдом проснувшись, хочет
Поглядеть на облака,

Развернуться на свободе,
Солнце в лоно заманить
И на ясной на погоде
Струи светлые развить.

Чу! как шумно, грозно бьется!
На могучей лед трещит,
Сребропенный вдаль несется,
Как в боях разбитый щит.

Брег дрожит, испуга полный;
Но, светла и широка,
Горделиво плещет волны
Полногрудая Ока.

В солнце струи золотые,
Словно локоны, блестят,
Словно очи голубые,
Небом полные, горят.

И роскошна, как денница,
И белее серебра...
Не вверяйся! Чаровница –
Волги юная сестра!

Пылко свежими устами
Зацелует, обольнет,
Хохоча зальет волнами
И в пучину унесет.

Вопль и крик твой – все напрасно.
Дай красавице Оке,
Дай возлечь ей, сладострастной,
На зыбучем на песке.

И тогда отважно, смело,
Как орел, любуйся ей!
Развевай свой парус белый!
Шли станицы кораблей!

Будет вся тебе покорна;
Как голу́бица, кротка,
И заснет, шепча у челна,
Тихоструйная Ока.

Апрель 1835. Муром

ЧУДНАЯ БАНДУРА

Гуляет по Дону казак молодой;
Льет слезы девица над быстрой рекой.

“О чем ты льешь слезы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?”

“Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обручили охотой меня!”

“Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?”

“С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!

Грущу я, что скоро мой локон златой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла.

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: утонешь в день свадебный свой!”

“Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу верст;

Поедешь к венцу ты – я конников дам:
Вперед будет двадцать и сто по бокам”.

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал...

"Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!"

Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: "Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой".

Апрель 1835

СКАМАНДР[1]

Боги зовут его Ксанфом, а люди Скамандром.
Гомер. Илиада. Кн. XX, ст. 74

Из вершин дубравной Иды[2]
Бьет Скамандр живым ключом.
В день венчанья в честь Киприды[3]
Отражаться должно в нем.
Свято дочери Дардана[4]
Все обычай тот хранят.
За презренье мстит Диана[5],
Гименей[6] лишит наград.

Вот полночною порою,
Сладкой думою полна,
Дева робкою стопою
Ко брегам идет одна.
Ярче персика ланиты,
Вспыхнув пурпором горят;
Кудри пышные хариты
Разливают аромат:
Белых роз венок душистый
На челе младом лежит;
Под ресницей шелковистой
Чудным блеском взор горит, –
Ждут, зовут к себе лобзанья
Негой полные уста.
Юных персей волнованья,
Персей зыбких красота,
Плеч сребристых нежный мрамор,
Величавый гибкий стан –
Тихо зыблющийся явор,

Райский тополь южных стран.
Всё в ней прелесть! – Диво коса,
С плеч ее покров упал,
И Троянку – перл Лесбоса
Златовидный принял вал.

Светит месяц. Ярко Ида
Серебром озарена;
Как на спор богинь Киприда,
По волнам плывет она.
В эту ночь Скамандру дани –
Гименей чредой придет;
Скоро, в шуме ликований,
Он невесту уведет.
Упадет ревнивый пояс
У соперницы харит,
От лобзаний пылких кроясь,
Ярче вспыхнет огнь ланит.
Трепеща, горя любовью,
Робче серны молодой,
Вся приникнет к изголовью,
Утомленная борьбой.
Не защита для стыдливой
Пряди шелковых кудрей,
Слез язык красноречивый,
Звук молящихся речей...

Светит месяц. Ярко Ида
Серебром озарена;
Как на спор богинь Киприда,
По волнам плывет она.
Что же вдруг в реке всплеснулось? –
Это с поля ветерок;
Это птичка встрепенулась,
Шумно в зыбь слетел листок.
Блещет месяц прямо в очи,

В лик невесте молодой...
Кто мелькнул во мраке ночи?
Кто исчезнул под водой?
Нет! то с тополя упала
На волну живая тень,
В небе тучка пробежала,
Застилая лунный день...
Ропщут, плещут, бьются струи!..
Поздно! Крик в волнах угас!
Слышны в мраке поцелуи,
Наступил Эрота[7] час...
Месяц выглянул – вся Ида
Серебром озарена,
Возрожденная Киприда –
По волнам плывет она.
Ярче, пламенней ланиты,
Сладострастья полон взгляд;
Кудри светлые развиты,
Без венка вдоль плеч скользят.
Вот покров накинут снова.
Где же розы расплелись?
Где? Скамандр о том ни слова,
И безмолвен Самоис[8].

Май 1835. Муром

РОЖДЕНИЕ АРФЫ

(*Из Мура*)

Посвящено Е. А. О.

Есть древняя повесть, что арфа была
Младою сиреной когда-то;
Подводные песни внимала скала...
И робко, в час поздний заката,
На берег зеленый, волн зыбких в тиши,
Она выплывала к любимцу души.

Но сладкие звуки, но слезы у ней
По шелковым кудрям напрасно
Лилися пред гордым, в безмолвьи ночей –
Он ласки отвергнул прекрасной.
Смягчилося Небо над пылкой тоской:
Явилася арфа из девы морской.

Прелестные перси, как прежде, манят,
С улыбкою той же ланиты;
Стан гибкий скруглился, слезами горят
На снежную ручку повиты
Роскошные кудри – отрада очей –
Златыми струнами трепещут на ней.

И долго, и сладко любовь и тоска
На арфе чудесной сливались;
Но ты к ней коснулась перстами слегка,
И новые звуки раздались.
Мы вместе – и дышит любовью струна!
Мы розно – и арфа томна и грустна.

Май 1835. Муром

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Мы расстались. Сумрак ночи
Покрывал мой дальний путь,
Без слезы горели очи,
Без надежд томилась грудь.

Молча взял твою я руку,
Сжал холодную, как лед;
Ты страдала, сердца муку...
Кто расскажет, кто поймет!

Сил не стало молвить слова –
Безотрадное прости...
Мы расстались, чтобы снова
Не встречаться на пути.

Годы грустной чередою
Длились долго. Вот опять
Нам даровано судьбою
Радость встречи испытать.

Жду с боязнью этой встречи,
Жду с тревожною тоской:
Те же ль ласковые речи,
Тот же ль взгляд найду я твой?

Много ль время изменило
Сердцу милые черты?
Помнит друга? Не забыла ль,
В чем клялась так страстно ты?

В дверь вхожу. Ветха избушка;
Та ж знакомая скамья;
Улыбнулась мне старушка.
И, старик, заплакал я.

1845. Юдиха

* * *

Есть край полночный вьюг и бурь,
Метелей и снегов,
Где долго не видна лазурь
И неба вид суров.
На миг лишь дышит там весна,
Там с солнечным лучом
Мелькает лето, – и волна
Полгода подо льдом...
Но этот край, мой край родной,
Он древний край отцов!
И не сменю на южный зной
Я снег его холмов!

Есть край великий: семь морей
Ласкаются в брега,
На дне речных его зыбей
Алмаз и жемчуга,
И стелется златой песок;
Роскошен колос нив;
Раздол степей его широк;
Мрак сосен молчалив.
Пусть этот край суров и дик;
Но мне он край родной,
И я любить его привык
Горячею душой!

Есть край чудесный; в нем скала
Из ребр гранитных гор,
Как столб твердь неба подперла,
Дивя величьем взор,
Над нею Ангел вознесен

В молитве со крестом,
И молит от народа он
За светлый Царский Дом!..
О, этот край мой, край отцов!
Край Веры искони.
Храни его, Творец миров!
Монарху долги дни.

1841

* * *

В какую б минуту художник искусный
Твой образ вернее б холсту передал?
Тогда ль, как ты думой исполнена грустной,
Тогда ль, как в восторге спешишь ты на бал.

Нет! радость и горе мгновенным потоком
На личике милом скользят ненароком,
И схвачены верно пусть будут черты,
В них будет твой образ, но будешь не ты!..

Есть прелесть иная, есть чувство другое,
Украдкой любуюсь всегда я тобою,
Когда пред иконой, забывши земное,
Ты к небу стремишься невинной душою.

Лазурные очи надеждою полны;
Ты вся вдохновенье с молитвой в устах,
И локонов светлых душистые волны
Скользят на роскошных атласных плечах...

Так в Ливии древле являлось виденье,
Красавица – мира блестящий цветок,
И ангелы дивной внимали моленье,
И с ней искуситель бороться не мог.

1856

РЫБАКИ

Я видел рыбарей, как в летний день они,
Утеса мшистого укрывшися в тени,
По речке весело раскидывали сети,
То были рыбари – неопытные дети.
Старейший отрок был цветущий и живой,
Наметку наводил дрожащею рукой
И, медленно влача по влаге изумрудной,
На золотой песок тянул с добычей скудной.
О, сколько радости и смеха без конца,
Когда случалось им плотву или гольца
Наметкой вынести на брег песчано-зыбкой!
Как забавлялися среброчешуйной рыбкой,
Когда она в сетях, скользя из детских рук,
Живыми брызгами их покрывала вдруг.

О дети милые, еще вам чуждо горе!
Года придут чредой, и на безбрежном море,
Которое теперь призывно плещет вам,
Помчится ваша мысль заботно по волнам;
Но сердце затаит, как чистую молитву,
Забавы детские, беспечную ловитву.

Май 1835

ШВЕДСКИЕ ПЕСНИ

I

ИСПОВЕДЬ

Herr Päder gar unter borgalind
Krusat haf ver han sitt har.
*Herr Peders Shriftermal**

Под липами ходит Иван удалой –
Весь день и всю ночь до рассвета;
Вот к матери утром пришел он домой,
Напутного просит совета.

– Не в поле широком, не в жарком бою
Умрешь ты, – твердит она в горе, –
Земля не покроет могилу твою,
Оденет холодное море. –

На взморье улитка лишь смирно лежит;
Под ней и трава зеленеет.
Один малодушный пучины дрожит,
И плыть за добычей не смеет. –

Зыбь моря спокойна, – живой изумруд!
Не шепчется ветер с струею;
Лишь изредка волны на берег взбегут,
Дробяся жемчужной каймою.

---

* Герр Петер ходит под липами у замка,
Волосы его всклокочены.
Исповедь герра Петера (*швед.*).

Лишь ласточка, рея у зеркальных вод,
Крылом в них всплеснется играя,
Иль рыбка за мошкой, метнувшись, блеснет,
Минутный кружок оставляя.

Корабль уж далече, не видно земли,
Одно вокруг небо... Но вскоре
Свинцовые тучи всю твердь облегли,
Кипит, колыхается море;

Взревело... до неба стеною встает,
Как демон над жертвой хохочет;
То в молниях блещет, и хлещет, и бьет,
То в безднах подземных клокочет.

При молньях, у мачты, разбитой грозой,
Чьи видны две бледные тени?
У мачты с матросом Иван удалой,
И пал он пред ним на колени:

– Священника нет здесь.
Но в смертный мой час
Тебе исповедаюсь ныне;
Святые сосуды я грабил не раз,
Жег церкви, ругаясь святыней.

Не раз я с толпою других удальцов
Врывался монахинь в обитель.
Вопль сирых отверг я, моления вдов,
Дев юных я был обольститель.

Тогда я не думал, не знал, не гадал,
Целуя прекрасные очи,
Что жизнь мою смоет клубящийся вал,
Что бурной дождуся я ночи!

Быть может, из вас уцелеет один,
Счастливец, домой возвратится!
Там мать моя встретит и спросит:
“Где сын?”
Скажите: “Вдали веселится”.

Быть может, один уцелеет в сей миг,
И к дому вернется он вскоре...
И спросит невеста: “А где мой жених?”
Скажите: “Погиб в синем море”.

Апрель 1835

II

ДВЕ СЕСТРЫ

Det bodde en Konung allt uti Engeland
Hörde jag en liten Fogel sjunga.
*De Tva Systarne**

За морем далече шла весть: у царя
Две дочери юные были,
И слава их громко неслась за моря,
И много о них говорили.

Меньшая сияла как день на заре,
Другая же ночи темнее,
Вот раз говорит она младшей сестре:
– На взморье гулять веселее.

И та, кроткий ангел, вся в кудрях златых,
Пошла, не предчувствуя горя.

* “Жил-был король далеко, аж в Англии”, –
Пела маленькая птичка, – слышал я.
Две сестры (*швед.*)

Вдруг старшая злобно с утесов крутых
Столкнула прекрасную в море.

Из волн выплывая поверх камыша
Напрасно подъемлет к ней руки,
И молит: “О, сжалься, сестрица-душа!”
– Напрасны молельные звуки!

– Сестрица, – друг милый, о сжалься над мной,
Не дай мне погибнуть в пучине!
Пунцовую ленту с блестящей каймой
Носи ты, как дар мой отныне.

– Пунцовая лента с блестящей каймой
Достанется мне без даренья!
Но ты уж на землю не ступишь ногой;
Не буду я знать поношенья! –

– Сестрица, друг милый, о сжалься над мной,
Не дай мне погибнуть в пучине!
Тебе подарю я венец мой златой
С бесценным алмазом в средине.

– С бесценным алмазом венец твой златой
Достанется мне без даренья;
Но ты уж на землю не ступишь ногой;
Не буду я знать поношенья! –

– Сестрица, друг милый, о сжалься над мной,
Не дай мне погибнуть в пучине!
Жених мой прекрасен, как день молодой,
Тебе отдаю его ныне.

– Жених твой прекрасен. Он будет моим,
Он будет моим без даренья;
Но ты уж навек не увидишься с ним;
Не буду я знать поношенья! –

В беззвездную полночь плывут рыбаки;
Навстречу им труп по теченью.
В ладью его взяли, свезли на пески,
С рассветом предать погребенью.

Но ранней зарею певец молодой
Шел взморьем в мечтах про девицу!
Бездушного тела пленился красой
И сделал из мертвой цевницу.

Взял перси девичьи, белее снегов,
Чтоб звуки роскошней дышали,
Чтоб сердце ласкали в весельи пиров,
И думу, и душу пленяли.

Взял тонкие персты царевны-красы,
Цевницу оправил колками;
Взял пышные пряди из русой косы
И звонкими сделал струнами.

Пир шумный в чертогах давно уж гремит,
Туда и певец идет юный;
Играет, а сам на невесту глядит,
И диво! как вещие струны!

Он раз лишь цевницы коснулся рукой,
И голос, как флейта средь лета:
– Пунцовая лента с блестящей каймой
Моя на невесте надета!

Он в струны смелее, и сладостный глас
Пронесся как отзыв небесный:
– В венце ее блещет мой яркий алмаз,
Сидит с ней жених мой любезный!

Но в третий раз только он тронул струну,
И гости все бледные встали:
“Сестрою столкнута я волн в глубину!” –
Волшебные звуки шептали.

Был вечером праздник. В венце золотом
Невеста явилась средь пира.
Наутро искали... С кровавым пятном
Сверкала на солнце секира.

Апрель 1835

III

БИТВА В ДУБРАВЕ

Du stig nu sá vackert till sadel och häst,
Lät inte gullsporrarne klinga.
*Ung Hillerström**

"В седло! На коня! Не бренчи, не звени
Своей раззолоченной шпорой!
Подпруга надежна, не лопнут ремни;
Чрез мост устремися в бег скорый!"

Конь взвился под смелым. Вот в роще уж он,
С седла слез при блеске денницы.
Его наезжают от разных сторон
Семь братьев любимой девицы.

"Здорово, приятель! Отколе теперь?
Где был ты сегодня так рано?" –
"На ловлю поутру взманил меня зверь;
По следу я ехал поляной".

"А где же борзая? Что ж нет соколов?
Или не потешило поле?" –
"Товарищу отдал я утренний лов,
А сокол летает по воле".

* Ты так красиво вскочил в седло на коня, что даже не зазвенели златые шпоры. *Молодой Хиллерстрём* (*швед.*).

С коней все. Кроваво на солнце горят
Мечи в позлащенной оправе.
Удар за ударом!.. и мертвы лежат
Все семеро братьев в дубраве.

На сивого снова взлетел он коня,
К любезной путь смело направил:
"Ждала ль ты так скоро, друг милый, меня?
Тебя я в кручине оставил.

Тяжелую новость я должен сказать:
Не плачь, не предайся печали!
Семи твоих братьев тебе не видать:
В дубраве, в бою они пали!"

"О, пусть моих братьев мне ввек не видать,
Когда они в битве все пали!
Ты всех мне заменишь! И слез проливать
С тобой я не стану в печали!"

Апрель 1835

IV

ЗЛОЙ БРАТ

Höres du syster Anna!
Hej! sade man.
*Den Grumma Brodern**

– Послушай, сестра!
Еще ль не пора
Тебе замуж, и ждать мне доколе?

* Слышишь ты, сестра Анна!
Кто-то сказал "Здравствуй!.."
Жестокий брат (*швед.*).

– Можно ль силой любить!
Дай мне волей пожить;
Что сравнится с девической долей! –

– Послушай, сестра!
У калитки вчера
Чей привязан был конь среброногий?
– То не конь, милый брат!
То овца наших стад
Запоздала, отставши дорогой.

– Послушай, сестра!
Чей в окно я вчера
Видел меч у тебя золотистый?
– То не меч, милый брат!
Это солнце в закат
Полосой рисовалось огнистой.

– Послушай, сестра!
Чей в светлице вчера
У тебя детский плач раздавался?
– Детский плач, милый брат!..
Это струн был разлад,
Тебе плачем орган показался.

– Так узнай и гляди,
Руку чью впереди
У седла я привесил ремнями!
– Бог тебе судия!
Слезы лить буду я,
Не одна, а с двумя сиротами.

Апрель 1835

ОТРЫВОК ИЗ ЮЛИИ И РОМЕО,
трагедии Шекспира

Действие III, явление 5-е. Комната Жюльеты
Ромео и Жюльета входят

Жюльета

Уж ты бежишь! Еще не скоро день:
Не соловей; а жаворонок это
Вдруг испугал твой боязливый слух;
Всю ночь поет на той гренаде он.
Верь, милый, мне пел это соловей.

Ромео

Не соловей, но вестник утра там
Пел жаворонок. Бесценный друг, взгляни:
Вдали рассвет завистливым лучом
Каймит восток, раскинув облака.
Лампад ночных не видно; юный день
Приподнялся веселый сквозь туман
На высях гор. Пред мною два пути:
Идти и жить, остаться – умереть!

Жюльета

Нет, на рассвет! нет, это знаю я;
То метеор от солнечных лучей,
На эту ночь явился только он,
Чтоб осветить тебе в Мантую путь.
Побудь со мной, нет нужды так спешить.

Ромео

Пусть застают, о, пусть казнят меня;
Я не ропщу, желаешь это ты!
Скажу, сей блеск не утра ясный взгляд,
Но бледный свет от месячных лучей!
И эта песнь не жаворонка, хоть звук
Так весело над нашей головой,
Кружась, летит под дальний небосвод.
О, сладостней мне медлить здесь с тобой,
Чем вдаль бежать. Приди ж, о смерть, скорей,
Желанная! Жюльеты воля в том. –
О, будем же мы снова говорить!
Ведь то не день, душа моя, не день.

Жюльета

Нет, это день, день, день! Беги отселе,
Беги скорей; то жаворонок поет:
Фальшивый звук терзает резко слух.
Все говорят, что сладко делит он
Свой перелив, сходя из тона в тон;
Но этот нет: он разделяет нас,
Все говорят, что с гнусной жабой он
Сменял глаза[1]; о если б, слившись с телом,
И голосом он обменялся с ней,
За то, что нас, испуганных рассветом,
Из сладостных объятий, и звеня
Трель громкую, призвавший голос дня,
Тебя отсель в даль гонит. О, беги,
Беги скорей! Светлей уж и светлей!

Ромео

Небесный свод светлее и светлей!
Но жребий наш мрачнее и мрачней!

Входит кормилица

Кормилица

Сюда,
К вам матушка идет. Уже светло!
Смотрите же, чтоб не попасть в беду.

Жюльета

Итак, окно, впусти же светлый день,
И жизнь мою возьми.

Ромео

Прости, прости! Еще один лишь поцелуй. –
Иду!

1838

ВОРОНОЙ КОНЬ

(*Новогреческая песнь*)

На утесе крутом я в раздумьи моем
Раз сидел и на даль любовался.
Конь мой близко стоял; вдруг он громко заржал
И с ножон ятаган мой сорвался.
Видно, что-нибудь есть! Знать, недобрую весть
Я услышу внезапно о милой:
Знать, венчают ее, обручают ее
За постылого сердцу и силой.

Я подумал и встал, и к коням побежал:
Шестьдесят их на стойле стояли;
Громко крикнул я их: "Кто из вас, вороных,
Кто послужит мне?" – все вдруг заржали.
"Кто могуч и легок, в один скок на восток
Унести меня молньей с заката?
Кто из вас, молодцы?.." – "В мыле все жеребцы,
У кобыл пали все жеребята".

Лишь один вороной, дряхлый конь боевой,
В ранах весь, на мой зов отозвался:
"Пусть я вышел из лет, пусть красы во мне нет,
От дорог я давно отказался:

Но одну, так и быть, я могу сослужить.
Ее ласку душа сохранила!
Как меня ячменем перед быстрым ручьем,
Как водой из пригоршней поила".

Стременами звеня, он седлает коня;
Вот уж сел он; а конь к нему речи:
"Путь наш очень далек, крепче вей ты платок

Вкруг главы, чтоб не дрогнули плечи!
И, храни тебя Бог, шпор чтоб знать я не мог;
А не то, вспомню юные годы:
Вихрем вдруг полечу, весь твой мозг размечу,
Как песок на разгульи погоды".

Бьет коня он хлыстом. Взвился конь под бичом;
В двести верст пробежал он дорогу.
Бьет коня в другой раз – триста верст скачет в час;
А меж тем сам все молится Богу:
"Дай-то Бог мне в пути виноградник найти
И отца повстречать меж лозами". –
Он помыслил, и вот виноградник встает,
И отец там хлопочет с гроздами.

"Здравствуй, добрый старик, чей, скажи мне,
лозник?" –
"Рассадил мой Иван, сын мой милый;
Он вдали, и не ждут, а сегодня ведут
Под венец его милую силой". –
"О, скажи мне скорей, я поспею ли к ней?
За столом молодых мне застать ли?" –
"Быстр твой конь и хорош, до обеда найдешь,
А не быстр, – так доехать навряд ли!"

Бьет коня он хлыстом. Взвился конь под бичом;
В двести верст пробежал он дорогу.
Бьет коня в другой раз – триста верст скачет в час;
А меж тем сам все молится Богу:
"Дай-то Бог мне в пути сад душистый найти,
Видеть, мать как цветы поливает!" –
Он помыслил, и вот сад душистый цветет,
В ключ старушка кувшин опускает.

"Чей, старушка, цветник так здесь пышно возник?" –
"Разводил мой Иван, сын мой милый.

Он вдали, и не ждут; а сегодня ведут
Под венец его милую силой!" –
"О, скажи мне скорей, я поспею ли к ней?
За столом молодых мне застать ли?" –
"Быстр твой конь и хорош, до обеда найдешь,
А не быстр, – так доехать навряд ли!"

Бьет коня он хлыстом. Взвился конь под бичом:
Двести верст будто вдруг не бывало.
Бьет коня в другой раз – триста верст скачет в час;
Конь заржал, и невеста узнала.
"Кто за дверью стоит, кто с тобой говорит?" –
"Это брат мой приехал, с приданым". –
"Если прежний жених, я убью его вмиг,
Если брат, с золотым выйдь стаканом".

"Нет, божуся стократ, это старший мой брат!" –
Вот напенила чашу златую,
Вот за двери идет: "Сядь скорей наперед,
Я дорогой тебя расцелую". –
Лег к земле вороной. Сели. Мчатся стрелой.
Турки все на коней, кто завидел.
Чей скакун был удал, тот хоть пыль увидал;
Чей был плох, тот и пыли не видел.

1839

ПОКРОВ

(*Из Гюго*)

Молилась ли ты сегодня вечером,
Дездемона?
Шекспир

Сестра

Что с вами? Что сделалось, братья!
Вы бледны, угрюмы челом.
Боюся ваш взгляд повстречать я,
Могильным он блещет огнем.
У пояса трижды искала
Рука ваша молча кинжал,
И сталь, вырываясь, сверкала,
И голос ваш глухо дрожал.

Старший брат

Сегодня ты с лица покров не подымала?

Сестра

Из бани домой шла я, братья,
Владыки, из бани я шла.
Кого же могла увидать я,
Никем я незрима была.
На миг лишь, мечеть проминуя,
В закрытых носилках моих
Мне стало вдруг душно, тоскуя,
Покров свой сняла я на миг.

Второй брат

Тогда албанец шел? Албанец, говори же?

Сестра

Быть может... но дерзкого взгляд я
Не зрела, клянуся вам всем!..
Зачем же вы шепчетесь, братья!
Вы шепчетесь, братья, зачем!
Вам крови ль моей? Пощадите!
Меня он увидеть не мог...
Смерть женщины ль слабой хотите,
Нагой и молящей у ног?

Третий брат

Лик солнца в облаках кровавый ныне лег!

Сестра

Что сделала вам я! Молю я!
Четыре кинжала мне в грудь!
Молю вас, колени целуя...
Покров мой!.. О дайте вздохнуть!
Мне руку!.. Иль кровь вас пугает!
О братья! как страшны мечты!
Смерть, смерть мне на очи взвевает
Холодный покров темноты.

Четвертый брат

Да! этот ни пред кем уж не подымешь ты!

1839

ГРЕЧАНКА

Какая смуглая! румянец нежно-тонкий
В ланитах девственных играет и горит!
Как весело поет! как голос этот звонкий
Восточной негою, восторгами кипит.
В ее улыбке – жизнь, исполненная страсти,
В ее речах – Эдем, их выразить нельзя!
Полмира бы за взгляд, в моей коль был бы власти,
За взгляд красавицы полмира б отдал я!

О, в этих локонах чернее темной ночи
Мой упивался взгляд с безумною тоской;
И робко я глядел на зеркальные очи
Моей красавицы – гречанки молодой.
Надеждой грудь жила, и как мечтал я юный!
Но, гордая, она не замечала вздох,
И про любовь мою ей напевали струны,
Что на словах бы ей я высказать не мог.

Промчалось много лет разулки и страданий,
Все время быстрое на крыльях унесло!
Но свеж в душе моей родник воспоминаний,
Ее стыдливое и гордое чело.
На чуждом береге увял цветок Эллады,
До время сорванный бесчувственной рукой;
Но живы для меня восторженные взгляды,
Улыбка, речи, песнь гречанки молодой!

1839

СЕРДЕЧНОЕ ГОРЕ

(*Песнь простонародная*)

Горе с сердцем свыклося,
Нет в груди покою!
Знают все, что сбылося
С бедною, со мною.

Выйду ль я в ночь ясную,
Свод сияет звездный.
Мысль томит несчастную:
Где-то друг любезный!

Попрошу я звездочку:
"Ты, ярчей алмаза!
Принеси мне весточку
С снежного Кавказа.

Встретишь ли желанного
На горах, далеко,
Заслони избранного
От лихого рока!

Скрой лучами бледными
От враждебной силы;
Меж рядами верными
Мой заметен милый.

Свеж, как утро ясное.
Смел – с врагом ждет встречи;
Дело ли опасное,
Первый в жаркой сече.

Но лишь бой окончится,
Вспомнит он разлуку,
И невольно клонится
Головой на руку.

На привет собратника
Не ответит слова...
Нет статнее ратника
Молодца другого.

Ах, меня злосчастную
С ним лишь обручили,
В ту же ночь ненастную
Силой разлучили.

Не дали в той ноченьке
С ним нацеловаться,
Чтоб могли хоть оченьки
Им налюбоваться!

На меня молодушку
Глядя, все смеются...
Чуть держу головушку;
Слезы так и рвутся.
Много лет промчалося,
Нет конца разлуке!
Сердце истрезалося
В безотрадной муке!.."

– Кончились страдания! –
Кто-то шепчет с лаской!..
Замер глас в рыдании,
Это друг Кавказский,
Он пред ней, полн младости,
На груди кольчуга...
И с слезами радости
Пала к персям друга.

1845. Юдиха

ТУРЕЦКИЙ КИНЖАЛ

Мой кинжал не блещет златом,
Бирюзами не покрыт,
Он красуется булатом,
Полумесяцем извит.

Чужд он роскоши восточной,
Не сияет в жемчугах;
Под чеканкой узорочной
Скрыт он в бархатных ножнах.

Говорят, искусством чудным
Был в Дамаске отлит он,
Знойным солнцем, ветром буйным
Прокален и закален.

И по стали серебристой
Сребро-звонкого клинка
Стих златой струей волнистой
Чья-то врезала рука.

Дышит мир в словах Корана:
"Жизнью смертных водит рок!"
Но в значеньи талисмана
Тайный смысл сокрыл пророк.

И преданье сохранилось,
Что не ветр кинжал калил,
Что как сталь в огне томилась,
Он слезою облит был...

Безнадежной, безотрадной!..
То любви слеза была,
И она по стали хладной
Буквы золотом прожгла.

Верен и могуч ударом
Мой кинжал во тьме ночной,
Бледен лик пред ним недаром
У турчанки молодой.

Вероломную моленья
Не спасут, не оградят;
Он, как Эвлис[1], жаждет мщенья...
Мой таинственный булат.

⟨1841?⟩, 1842

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

(*Песнь эстонская*)

Милый брат, ты одиноко
Хочешь жизнь свою провесть;
Ты твердишь: "Нет в женах прока!
И без девы светлоокой
В хороводе пляски есть!"

Милый брат! что ж грустен стал ты,
Иль прокралась в грудь тоска!
Деву сделать загадал ты
Из древесного куска.
Строен образ белой, гибкой,
В формах кругл и стан прямой,
И уста ее улыбкой
Облеклись как у живой.

Милый брат! Три свойства надо
Каждой женщине: душа
Чтоб горела в неге взгляда;
Речь, – из уст текла б услада;
Ум, – сверкал бы, как лампада,
Мыслью светлою дыша.

Вот у статуи чудесной
Позлатил ты юный лик,
Плечи высребрил прелестной
И на грудь ее приник.
Ночь прошла, еще две ночи!..
Серебром лишь блещет в очи
Истукан твой золотой!

Грудь недвижна под рукой;
Жестки, холодны объятья,
Уст не радует привет!..

Брат! любовь не в блеске платья!
Трех вещей в статуе нет:
Губки девы – негой тают
В поцелуях огневых;
Руки – страстно обвивают,
Жмут в объятиях живых;
Перси – дышут и пылают
Лишь дотронешься до них!..

Избери ж из дев любую;
Край наш девами богат.
Не найдешь, возьми чужую
У соседей, милый брат!
На ладье пусть парус бьется,
Море синее пройди!
Иль меж немок друг найдется,
Иль меж русских дев найди.

1843

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Когда угаснет день и ночи мрак победной
Лазурь небесную оденет мантьей звездной,
Усталый от трудов и от заботы дня,
Молюсь, во прах главу смиренную склоня:
“Владыко! этот одр уже ль мне гробом будет[1],
И утро вновь меня для жизни не возбудит!
Страшуся твоего правдивого суда,
А зла не престаю творить, как завсегда.
Достоин казнь приять и муки бесконечны...
Но милосерден ты, Творец миров предвечный!
Хочу иль не хочу, спаси, избавь меня
От смертного греха и вечного огня!
Хранишь Ты праведных и чистого душою;
Но жизнь их – светлая заслуга пред Тобою.
Нет, милосердие на падшем мне яви
И сердце грешное любовью удиви!
Да видя то, всяк власть Твою уразумеет,
Да злобный враг сетей мне ставить не посмеет;
И, благостью Твоей невидимо храним,
Все козни предо мной рассеются, как дым”.

Январь 1840

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДОЧКА

Тонут звезды одинокие
В темно яхонте небес;
Мысль летит в миры далекие –
В край таинственный чудес.
Сладкой думой грудь волнуется.
Не отчизна ль наша там?
И глядит, не налюбуется
Взор, прикованный к звездам.

Есть одна передрассветная,
Ярче всех горит она,
Как мечта любви заветная
Обольстительно-ясна.
С той звездою часто ночи я,
Упоенный, провожу,
До утра от светлой очи я
Ни на миг не отвожу.

И когда, небес в сиянии
Востекает юный день,
Я ловлю в немом страдании
Убегающую тень.
Где, терзаясь, гаснет бледная
Сердцу милая она.
О, как грудь страдает бедная,
Расставанием грустна!

Жду в томленье, с пылкой думою
Вновь вечернюю зарю;
Об утраченной лишь думаю,
В небо дальнее смотрю.

Не блеснет ли сердцем жданная
В темно-синей высоте,
Не зажжется ли желанная
Ночью в свежей красоте!

Вот заискрилась блестящая
Светом теплым, неземным
И манит ярко-горящая
Дивным пламенем своим.
Не цветок ли ты творения,
О звезда, небес краса!
Иль ты Ангел примирения,
Нас зовущий в небеса!

1840. Январь

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Когда с высот небес сбегает ночи тень
И горы окаймит креброгорящий день,
От ложа мирного восставши в час урочный,
Мольбой приветствую я светлый край Восточный;

Всевышний! пред Тобой я тление и прах!
Но ты, Творец миров, источник вечных благ!
Тебе всеведомы и ум и помышленье.
Прости мне праздность слов и мыслей прегрешенье;
Избавь неведенья, забвенья, и в тиши
Согрей любовию преступный хлад души.
Даруй мне твердость сил свершать Твои уставы,
Из сердца отжени все помыслы лукавы.
Да не отринется смиренная мольба:
Из Книги Бытия не исключи раба!
Я доброго ни раз не сделал пред Тобою;
Но Ты покрой меня десницею святою,
И дивною росой всещедрости Твоей
На сердце низойди и свет в него пролей;
Да кознь лукавого в нем не пробудит страсти;
Не отвергай меня и не введи в напасти;
Но целомудрием, терпеньем осени,
И в царствии Твоем меня воспомяни!
Дозволь любить Тебя душой и помышленьем,
Дай волю следовать во всем Твоим веленьям,
Дай послушанье мне, всели в мой разум страх!
Ты многомилостив, благословен в веках!

Январь 1840

КАВКАЗСКАЯ НОЧЬ

Я помню ночь в краю Востока;
Луна сверкала меж ветвей,
У волн нагорного потока
Пел звонко песню соловей;
Но грустно пел любимец розы,
Немую оглашая даль;
В моих очах прокрались слезы,
В моей груди была печаль...

Как были сладостны те звуки!..
В них выражал певец весны
Тоску тревожную разлуки,
Любви восторженные сны.
В садах, где Юг роскошно веет,
Он дальний Север вспоминал,
Где роза миг один алеет,
Где он любил, где он страдал.

И я был мыслию далеко
За песнью звонкого певца,
Как струи горного потока
Скользили думы без конца.
Кавказа дикие картины,
В горах блеск месячного дня,
И к небу вставшие раины –
Все было чуждо для меня.

Август 1839. Кисловодск

КИСЛОВОДСК

Долина есть в краю далеком,
Одна в горах затаена,
В ней блещет и кипит потоком
Нардзана[1] свежая волна.
Приют беспечности и лени!
Ее древес в густые сени
Не раз входил я, полон дум;
Облит прохладной негой юга,
Я, как привет радушный друга,
Любил внимать дубравный шум.

Любил я видеть струй кипенье,
Их ложе, взрытое в скале,
Их бег и звучное паденье
С сердитой пеной на челе.
Любил я ток их молчаливый
Под липой иль плакучей ивой,
Когда луна между ветвей,
Таинственно перебегая,
Как одалыка[2] молодая
Глядится в зеркало зыбей.

Душистый воздух, свежесть сада,
В горах полуугасший день,
И дальний ропот водопада,
И тополей гигантских тень,
И шум Нардзана говорливый...
О, как тогда роились живо
Мечты забытые мои!
Как дух мой окрилялся юный!
Как звучно трепетали струны
Живой поэзией любви!..

Кипи, Нардзан! в лучах востока
Играй клубами жемчугов!
Как хаджи[3] в светлый град пророка,
К тебе сын северных снегов
Придет не раз, надежды полный,
Испить целительные волны,
И, позабыв тяжелый путь,
В твоих струях переродиться,
Усталой грудью обновиться
И жизнью свежею вздохнуть.

Придет, быть может, издалека,
Подобно мне, другой певец
Задуматься у струй потока,
И светлых дум своих венец
Повергнет в ропщущие струи!..
Другие скроет поцелуи
Твоих древес густая тень!
Другие тайные признанья,
Другие пылкие желанья
Пробудит твой роскошный день!

И вновь замолкнут эти звуки!
Лишь ключ один не смолкнет твой –
Свидетель встречи и разлуки,
Свидетель пылкий и немой.
Кипи ж, Нардзан, струей могучей
И пеной звонкой и шипучей
Ласкай пришельца жадный взор!
Шуми, обильный, здравье льющий,
Студеный, жгучий, искробьющий,
Алмазный ключ Кавказских гор!

1839. Кисловодск

ПЯТИГОРСК

Пустынный край! Здесь Дивного рука
Переворот таинственный свершала:
Грядами гор взнеслась за облака
И на Эльбрус порфирой снега пала.

Здесь каждый шаг – живые письмена!
Все говорит о том, чтó прежде было;
И воздух жжет, и пар клубит волна,
И в недрах гор кипит огней горнило.

1839. Пятигорск

ТОСКА ПО ОТЧИЗНЕ

Есть чудный край, – там с утра дышит зной,
Край снежных гор и кущей винограда,
Где воды бьют кипящею струей,
Где Эльборус, скалы и зелень сада.

По скату гор, меж виноградных лоз,
Бегут стези. Прохлада в гротах веет;
Но грустные цветут там купы роз
И соловей их песнью не лелеет.

Когда чело томит палящий жар
И трепетно с предгория Машуки
Роняет ветр, неся тлетворный пар,
Воздушных арф потерянные звуки,

Невольно скорбь в мою теснится грудь!
Все вновь скользит на памяти безумной,
И дальний край, и одинокий путь,
И родина, и берег Волги шумной.

О, дайте ж зреть мне блеск родных небес!
Увижу ль вновь мое уединенье,
Плеск светлых волн, живую сень древес,
И свежее, как утро, вдохновенье!

1839. Пятигорск

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПОТОЦКОМУ[1]

(Записка)

Давно мы ждем вас в новосельи,
И нас найти весьма легко:
От нашей одинокой кельи
Нардзан кипит недалеко.
В виду казачьего пикета
Гора есть, зеленью одета,
За ней идет дорога вкруть,
И это к нам ближайший путь.

Но чтоб найти еще скорее,
Вы Лойвиса спросите дом;
С реки Ольховки путь левее,
Военный пост у нас кругом.
И против окон гриб, без шутки!
Гриб деревянный вместо будки,
Где ходит часовой с ружьем,
Храня покой наш в ночь и днем.

Но я боюсь, что Эссенту́ки
Надолго не отпустят вас;
Что искренней приязни звуки
Прийти к вам могут не подчас,
Когда вы в щелочные волны
Спускаетесь, довольства полны,
Когда, лелея, искрит вас
Их тонкий сернокислый газ.

Решитесь кинуть узы лени
И нас денечком подарить;

У нас и лип душистых тени,
Цепь гор, – уж есть где походить!
Полн воздух неги и прохлады,
Ольховка даже бьет в каскады;
А как шумит, кипит Нардзан,
Молю! вас жду... готов стакан!

1839. Кисловодск

УВАРОВИТ[1]

Есть камень, на излом, на вид,
Как изумруд, в отливах ясен;
Но он скромней, не так блестит,
Хоть так же цвет его прекрасен.
Сибирь кристалл нам сей дарит;
Его зовут Уваровит.

Таил не сланец, не гранит
Сей камень светлый, благородный;
В пустынном поле вскрыл на вид
Его случайно вихрь свободный;
Века под корнем древа скрыт,
Лежал в тиши Уваровит.

Роскошно и светло горит
Теперь кристалл сей гранью чудной,
Когда, алмазами обвит,
Сверкает искрой изумрудной;
Невольно взор к нёму летит,
Пленяет всех Уваровит.

И сей кристалл напомнит вам
Того, кто не искал хвалений,
Парил умом во след векам,
Вскач встал на первые ступени;
Чья жаждой знаний билась грудь,
Чей полон славы дольний путь.

1839

АЛЬПИЙСКИЙ ЕГЕРЬ

Всю жизнь один, средь горных льдин,
Где лишь орел жилец,
На миг схожу я в глубь долин
Взять порох и свинец,
И снова в край мой снеговой,
Отколь все люди прах,
Где блещет молнья подо мной
В тяжелых облаках.

В ловитве ль жаждою томлюсь,
Из снега воду пью;
Там следа нет, где я стремлюсь
В заоблачном краю!
Лазурный воздух свеж и тих;
Дышать привольно там,
И я из всех существ земных
Всех ближе к небесам.

Мое жилье – гнездо орла;
Мой недоступен трон;
И вольны все мои дела,
И чужд мне там закон.
Когда ж умру, моим ковром
Вихрь будет снеговой,
И ляжет сребряным холмом
Лавина надо мной.

1842

ПРУД ЗАМЕРЗ

(*Ezeras uz' sjabo*)

Литовская песня

Что это за чудо,
Что за диво стало;
В середине лета
Пруд весь льдом сковало!
Где светлогнедого
Напою коня я?
Где наполню ведра
У льдяного края?
Солнечным денечком
Лайма[1] подарила:
На пруду, от зноя
Лед весь растворила.
Вот теперь гнедого
Напою коня я,
Липовые ведра
Я налью до края.
У боярей братом
Куплена гнедая,
С понизовья взята
Девица младая.
Отчего ж гнедой так
Изо всей ржет мочи?
Отчего у милой
Слезы день и ночи?
Конь гнедой, знать, ржет всё
О зеленом луге,
А невеста плачет
О далеком друге.

1842

КАВКАЗСКОЕ УТРО

Люблю я кавказское утро: тот час, как полночные тени,
Свиваясь в холодном тумане, бегут с горной выси
Машука;
Бегут в беспорядке, и след их – как облако, странник
небесный,
Дымится на дальнем Бештау – земли каменистом пороге.
Но вот ветерок пробудился, как страстный любовник
лепечет
С листами чинары и айвы, с роскошной и сладкой
черешней;
То к липе душистой прильнет он; то музыкой шепчет,
играя
По ветвям зеленой раины[1], – живом минарете Востока;
То ластится к розе, – но грустно цветет здесь столистная
роза:
Одна, без любимеца сердца, румянец свой быстро
теряет,
И, бледная, гаснет вдовицей без песен и ласки бульбуля.
Долина вся дремлет, и сонно Подкумок в ней льется
ленивый,
Чеченцем прокравшись в кустарник, иль словно Донец
на свободе,
Широкою лентой ложится на зыбкий песок, или быстро
Кружится в каменьях, и роет, и рвет их; жемчужную
пену
Как гривы на берег бросает, кидаясь как конь одичалый.
Но снова все тихо и пусто; чуть слышно блеяние стада;
Лишь ласточка ранняя вьется и сладко под кровлей
щебечет,
Да изредка робкая серна, очнувшись от тонкой дремоты,
Проскачет в испуге по степи, при взлете златого фазана,

И телом дрожит, слыша ржанье и шум табуна
отдаленный.
Вот солнце блеснуло, и горы оделись златой диадемой,
(То солнце беззнойное утра, враг тени, увы, ненадолго!)
Как шаха чепрак[2] изумрудный сверкает вершина
Машука;
Как грозные Дивы на страже стоит пятигорье – Бештау;
А там, как шатер падишаха[3], полночной земли
властелина,
Двуглавый Эльбрус поднебесье прорезал челом
серебристым,
Пятою на горы возлег он; а чресла, как шашкой
черкеса,
Облек в громоносную тучу, и в небо глядится
державный;
За ним потянулись грядою гор снежных вершины, как
будто
Царь белый со флотом на взморьи раскинул свой парус
на ветер,
А бурное море, волнуясь, в плавучие бьется громады
И хочет их вскинуть на небо; но царскому слову
покорно,
Как раб малодушный ложится, дивуясь невиданной силе.

Июль 1839. Пятигорск

ПРОСТИ, ПЯТИГОРСК

Прости, Пятигорск! расстаюсь я с тобой,
Расстаюся без грусти тревожной!
Я влеком был к тебе неприветной судьбой,
Но тебя позабыть... невозможно!
Нет, надолго твои огнебьющи струи
И любить и ласкать будут думы мои!

Прости, Пятигорск! бриллиант между скал!
Сколько раз я тобой любовался!
Как Машук твой в громах изумрудом сверкал
И, дымясь, в облака одевался;
Как горел над тобой яркой молнией день;
Мне казалось, в тот миг ты был в небо ступень.

Прости, Пятигорск! твой вечерний закат,
Твои утра с роскошной прохладой;
Твой двуглавый Эльбрус, снежных гор дивный ряд,
Твой Бештау, где скалы громадой;
Яхонт южный ночей; твой полуденный зной,
И вдали от тебя будут вечно со мной!..

1839. Пятигорск

* * *

Тебя я увидел и дивным мгновеньем
Любовь пробудилась во мне!
Грудь вспыхнула светлым, святым вдохновеньем
И жизнь разгадал я вполне.

Но это виденье лишь было случайное, –
Полярного неба заря!
Виденье миража в степи обычайное
Воздушным обманом горя.

Зачем же на миг ты блеснула, прекрасная!
Дай силу тебя позабыть!
Дай силу в груди моей, где ты полновластная,
Горящее сердце разбить.

Чтоб с ним истребились и думы летучие,
Чтоб замер минувшего след.
Как в небе теряются звезды падучие,
Которым возврата уж нет.

1840

АДМИРАЛ

Venient annis
Saecula seris, quibus oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellia, Typhisque novos
Detegot cerbes, nec sit terris
Ultima Thule.

*Seneca. Medea**

1. Первая мысль Колумба об Америке. 2. Нищий в Андалузии. 3. Поверье о Новом Свете. 4. Отплытие судов для открытия Нового Света. 5. Плавание по Океану. 6. Первый взгляд на Новый Свет. 7. Эпилог

I

Над Павиею[1] ночь и сон;
Один Колумб во мраке ночи,
Лампадой тусклой озарен
Не спит, над картою склонен,
К ней жадные вперяя очи!

Что в этой карте он следит?
Что ищет в мире Птоломея[2]?

---

* Пройдет еще несколько столетий, и океан растворит свои преграды; обширная страна будет открыта; новый мир явится за пределом морей и Орк не будет конечною гранию земли.

Пролетят века, и наступит срок,
Когда мира предел разомкнет Океан,
Широко простор распахнется земной
И Тефия нам явит новый свет,
В ней Фула тогда будет краем земли.

Сенека. Медея (пер. с лат. С. Ошерова).

Не мнимой ль древней Атлантиды[3]!
За Фулой[4] мрак один лежит,
И лжет Сенекова Медея.

Анталлов брег исчез давно,
Покрыт волнами Океана:
В них мало ль что погребено!
Что есть, то все подведено
Под тесный градус Альфрагана.

Не Лиссабонца ль первый путь
Он ищет в островах Азора[5]?
Мечтает Африку ль обгнуть?
Что ж юноши забилась грудь,
Отколь вокруг ⟨*нрзб.*⟩ взора.
Какой внезапною он думой увлечен?
Быть может брег открыл Осрира,
Где злато черпал Соломон?..
Нет! циркуль вдаль отбросил он;
Воскликнув: "треть безвестна мира!"

И вскоре, мыслью сей горя,
Предстал он к Трону Иоанна[6],
⟨*нрзб.*⟩ царя
Великодушно мир даря –
Живое перло Океана.

Осмеян, презренный, беглец
Блуждал в Венецию, в Геную:
Три корабля просил пловец;
Отвержен всеми был венец
И скиптр, облегший треть земную!..

II

"Для Бога, хлеба и воды!
Два дня томит нас тяжкий голод,

Его легко убьют труды,
Осенний дождь и резкий холод.

Вблизи жилья нет; ночь темна;
Нам незнакома здесь дорога;
Сегодня мы прошли так много!
Ребенок падает от сна...
Соломы, угол, ради Бога!.."

Так в Андалузии молил
Однажды нищий ночью темной,
К нему ребенок жался сонный;
И этот бесприютный был
Колумб, презревший мир огромный.

III

За Океаном брезжит ад,
Чудовищей роит там бездна,
Там ткань небес лежит беззвездна;
Клокочут волны и кипят.

Там нет росы, там нет дождей;
День знойный раскаляет камень;
Испепелит мгновенно пламень
Того, кто в мир лишь вступит в сей.

Сквозь мрак ночной скрыт путь туда;
Оттоль горою море встало;
И то, что раз в тот край упало,
Не возвратится никогда!..

IV

Мир древний уходил в лазуревые волны;
На быстрых парусах летели корабли,
Сердца у моряков печалью были полны,
И жадно взор ловил последний край земли.

Как отделенные от жизни сей заране,
С волной, закрывшей брег, заныло сердце в них;
Но долго взор искал в синеющем тумане
Отчизну милую, и близких и родных!

V

Ясно небо, тихо море,
Нет конца равнинам вод!
Льются воды на просторе,
Обвивая небосвод.
День восходит и нисходит,
Вслед зари встает заря;
Месяц звезды хороводит,
На пловцов с небес смотря,
Месяц грусть на них наводит,
Будто втайне говоря:
"Вы куда ваш бег стремите?
Океану нет преград!
Воротитесь, поглядите!
Воротитеся назад!
Я с начала мирозданья
Исходил весь небосвод,
Знаю звезд всех расстоянье,
А конца не видел вод!"

Спит бездонная могила,
Как сверкающий кристалл,
Не шелохнутся ветрила,
Не плеснет случайно вал.
Не взыграет ненароком
Рыба в солнце; ветр заснул,
И в кругу небес далеком
Хоть бы кто крылом порхнул.
Всюду небо, всюду море,
И над морем корабли...
В грудь пловцов закралось горе:

Грусть потерянной земли.
Безграничных вод громада
Перед нами все растет,
Как живая пропасть Ада
Поглотить их жадно ждет.
Страх родил невольно шепот,
Шепот от часу сильней,
И раздался громкий ропот
У бегущих кораблей.
Но Колумб предстал угрюмый,
Ропот смолк, мятеж бежит,
И опять, с безмолвной думой,
Вдаль он пристально глядит.

Что глядел он, думой полный,
Утаив в душе печаль?
Перед ним недвижны волны,
Перед ним безбрежна даль!
Но в душе его надежде
Столь же светлый путь открыт;
Верит он сильней, чем прежде,
Что земля пред ним лежит.

VI

Они плывут, – и страх, и упованье
Волнуют грудь пугливых моряков.
Вот стая птиц, их внятно щебетанье;
Вот пеликан – знак верный берегов!
И слышно на волнах прибрежное плесканье,
И утки взлет недальний от судов: –
Все о земле им громко говорило,
Хотя ее в волнах не видно было.

Они плывут, – роскошным ароматом...
От трав речных весь воздух напоен;
А брега ⟨нет⟩, бледнеет день закатом,

На кораблях вновь ропот возбужден,
Все поднялись, торопятся возвратом,
Один Колумб их воплем не смущен:
Один средь всех, он воли мощным словом
На дальний путь их полнит жаром новым,
Они плывут, – речные травы гуще;
Вот стадо рыб зеленых, близких скал;
Вот трость скользит жильца безвестных
кущей,
Вот доску к ним принес покорный вал;
Вот мимо их промчался терн цветущий,
Как будто кто случайно ветвь сорвал.
Печальный дар, – венок из терна свитый,
Тебе, Колумб, стал мир, тобой открытый!

Они скользят над бездной с быстротой,
Попутный ветр несет их в край безвестный.
В сердцах восторг; с ночною темнотой
Сон чужд для них. Пред ними край чудесный!
Еще лишь миг, и свежей красотой
Откроется брег Индии прелестной!
К стопам пловцов, пришельцев дальних стран,
Свой сложит перл, рыдая, Океан!..

VII

Свершилося!.. Завесы мира пали!
Ты победил, великий Адмирал!
Но мир, куда мечты твои летали,
Не ты, другой ему названье дал![7]
Но подвиг твой не лавром увенчали!..
Твой памятник лишь Фердинанд[8] венчал! –
На острове, где скрыт твой прах забытый[9],
Лишь ветр шумит и плещет вал сердитый!..

1840. Январь

НАРДЗАН

(*Кавказская легенда*)

Говорят, Кавказа кущи
Див коварный и могущий
В древни годы обитал.
Воздух мрачен был, и льдины
Покрывали гор теснины,
Возвышались грудой скал.

Ни былинки, ни растенья
В сей стране грехопаденья
Не встречал унылый взор,
И потоки не журчали,
Не змеились, не сверкали
У подошвы грустных гор.

Мертво было все творенье!
В вековом уединеньи
Презирал все грозный Див.
В хладном пологе тумана
Он, как в хлябях Океана,
Жил суров и молчалив.

Вот однажды, ясным утром
Рос сверкая перламутром,
Плыла Пери в Джиннистан[1];
Плыла в музыке небесной,
Томно-бледен лик прелестной,
Стройно-гибок тонкий стан.

И на Дива, ненароком,
Взгляд очей ее потоком
С думой страстною упал.

Взгляд сей полн был чудной силой;
Встретил Див улыбку милой
И любовью запылал.

Быстро скрылося явленье!
Тщетно милое виденье
Див влюбленный звал опять.
Взвившись дымкою тумана,
Тщетно розу Джиннистана
Мнил на миг он увидать.

Дни текли, тянулись ночи;
Но ее не зрели очи
С недоступной высоты.
Там ключи одни журчали,
Там, блестя, благоухали
Неба райские цветы.

Неутешный и убитый,
Он ударился в граниты,
Проклиная Джиннистан.
Задрожал Кавказ суровый,
И волной вскипел громовой
Вечноропщущий Нардзан.

Льдины скрылися. Раины
Встали вкруг как исполины,
Изменилась вся страна!
Воздух дышит негой сладкой,
По плитам звенит украдкой
Быстробьющая волна.

Вспыхло солнце в небосводе;
С звучной песнью на свободе
Птицы в воздухе кружат.

Полны негой блещут розы,
И росы вечерней слезы
Ярким жемчугом горят.

Но кипит, клокочет шумный,
Полный страсти и безумный
Див тоскующий – Нардзан.
Он с небес не сводит очи,
Он глядит и дни, и ночи
В свой заветный Джиннистан.

Солнце ль в небе засияет:
Он огнистый луч ласкает
И на грудь к себе манит.
Месяц тихо ли восходит:
Он во глубь его уводит
И задумчиво кипит.

Но когда, в звездах сверкая,
Сходит ночь, и молодая
Взглянет дева в сонный ключ,
Как заплещет, как забьется,
Словно выпрыгнуть он рвется,
Как властительно-могуч!

Всё в мечтах своей потери,
В сладкой думе: это Пери –
Неба райского цветок!
Вы, чьи очи негой полны,
Бойтесь взгляд ваш бросить в волны,
Чтоб Нардзан вас не увлек!

1839. Кисловодск

КЮВЬЕ[1]

Таинственный, безмолвный и великий
Был край, куда он, смелый, нисходил:
На зов его являлись мертвых лики,
И с ними он, бесстрашный, говорил.
В скупой земле он не искал стяжаний;
Он жизнь искал, где жизни след погас –
И дивный мир пред силой обаяний
Затрепетал, услыша вещий глас.
Раскрылися предвечные скрижали;
Вотще потом горами их облек;
Пред мыслию во прах граниты пали:
Минувшее разоблачил пророк...
Он мир прозрел, но чуждый нам и дальный,
Где мамонт жил, дракон и кракен злой,
В столетьях бурь, где каменели пальмы
И человек над всем царил главой.
Созданий всех пред ним мелькнули тени,
Забытые в преданьях на земле;
И он прошел подземные ступени,
Не утомясь и с думой на челе.
Был краток путь его от колыбели, –
Но в этот путь как много он вместил!
Века пред ним в хаосе пролетели,
И мрачность их он светом озарил.
Как Прометей, обнявши все сказанья,
Он древний мир в обломках разгадал,
И чудные, погибшие созданья
Из персти взял и к жизни воссоздал.

Февраль 1840

КАВКАЗСКИЙ ПОЛДЕНЬ И БУРЯ

Но вот уж на небе лазурном высоко поднялося солнце;
Ни облачка в тверди не видно, ни тени на горных
вершинах;
Трава сожжена, и граниты стоят раскаленные жаром;
Стоит Эльборус в отдаленьи, сверкая нетающим снегом;
Запал ветерок, и в долинах зной полдня мучительно
дышит,
Как раненый воин, на битве приявший смертельную
рану.
Подкумок чуть льется усталый, волну за волной
расстилая.
Не свежесть томимому жаждой, а жаркие струи
приносит.
Все грустно и мертво, как будто исчезло дыханье
Вселенной,
И жизнь в сокрушительном зное средь цвета мгновенно
угасла,
Подобно бойцу молодому, на играх погибшему в блеске
Надежд и мечтаний победных, при смутном молчаньи
народа.
Томителен полдень Кавказа! на душу невольно оковы
Кладет он, и чувства слабеют, дух бодрый впадает в
дремоту
Не сна, придающего силы, а тяжкого самозабвенья.
Но вот, задымился Бештау! вот ризой туманной оделся;
Вершины скрыл в белую тучу и вихрем дохнул на
долину.
Где яркое солнце? – Столб пыли, мрак ночи сменил
блеск полудня,
И небо смешалось с землею, и твердь обратилась в
пучину,

Но чудную, дивную мраком, горящую заревом молний,
Все в звуках громовых ударов, сто раз повторенных
горами,
Как будто бы цепь великанов, от миросозданья на
страже
Стоит, и глаголы Эговы разносит в бездонном хаосе.
Дождь с шумом ударил на землю. В горах запоздалое
стадо
Несется потоком в долину, в испуге не видя приюта,
И прячется робко в теснины с мычаньем и жалобным
ревом.
Мгновенье!.. и буря утихла, и небо по-прежнему ясно;
В безоблачной, свежей лазури, как в зыбях широкого
моря,
Блеснуло беззнойное солнце и юную землю лелеет
Своим поцелуем огнистым, обняв семицветной дугою;
Шумит ветерок между листьев, играет в вершинах раины
И негой прохладною веет, далеко неся ароматы.
Все дышит восторгом блаженства, земля новой жизнью
трепещет,
Как грустный невольник в темнице при вести о сладкой
свободе.
Край гор бесконечных! Как часто любил я по злачным
уступам
Громадных ступеней Кавказа блуждать с моей думой
привычной,
Теряться в долинах, утесам вверяться бесстрашной
стопою,
И мыслью, как голубь ковчега, носиться в то грозное
время,
Когда разливалися воды потопом на грешную землю,
Чтоб лик запоздалой планеты покрыть вековечной
завесой,
Где мощной рукою Всеведца начертан высокий
Эроглиф!
О, чудное было то время! Тогда было небо отверзто,

И долу слетали нередко посланники светлого Рая
С утешною вестию мира, с отрадным обетом прощенья!
Как часто раскаянья голос и вздохи стесненного сердца,
Подслушав у падшего рода, нес Ангел в надзвездные сени!
Как плакал бессмертный о людях, неся их горячие слезы!
Молитва, как дым от кадила, была тогда небу доступна,
Незаперты были для падших небес беспредельные своды,
Где утро и вечер земные сменялися днем беззакатным,
Где в музыке райской потоки на душу свевали блаженство,
И чувства все были так свежи к приятью высокой услады,
И радости были так живы, так новы, так сердцу приветны,
Как встреча с любимою девой, как светлый восторг поцелуя!

1839, 1842. Пятигорск

МАШУКА И КАЗБЕК

О первенстве в распрю вошли меж собой
С зеленой Машукой[1] Казбек снеговой.
Казбек говорит ей: “Всех гор я славней,
Всех выше поднялся главою моей!
На мне мирозданья нетронутый след.
Я отжил не годы, а тысячи лет.
Как царь полуночный стою я один
В блестящей короне сверкающих льдин.
Снеговые горы, двуглавый Эльбрус
Мне в пояс; я в небо отважно гляжусь.
Заря ль на Востоке роскошно горит,
Я пурпурным блеском, как морем, обвит.
Все спит еще в мраке; но первый луч дня
С любовью целует и нежит меня.
Полдневное солнце, катясь надо мной,
На мне освежает палящий свой зной.
Для смертных мои недоступны снега,
Бесстрашно кочует одна в них сайга,
Да изредка, к небу взвиваясь, орел
Усталый садится, любуясь на дол.
У ног моих шумно, как дикая лань,
С сердитою пеной несется Кубань!..
А ты что? стоишь ты ничтожным холмом,
Вчера рождена лишь подземным огнем,
Почти незаметна Бештау[2] в скалах,
Одета плитою, обрóсла в кустах.
Младенец, не вышед из детских пелен,
Туда же гордится и кичится он!”

Машука

Казбек, величав ты! Но что в вышине!
Как в саване мертвый стоишь ты в луне;
Пришелец из гроба, глядишь ты на мир
Один с поднебесья, и грустен и сир.
Луч солнца играет поверх твоих льдин,
Скользит, но не греет тебя, исполин!
Тебе недоступно дыханье весны,
Ни в роскоши луга волшебные сны.
От века в снега ты зарыл свою грудь,
И, чувства утратя, не смеешь вздохнуть!
А я, полюбуйся! Живые ключи
Из недр моих льются, как огнь горячи,
И смертный, их силой целебной влеком,
Пьет жаркие струи на лоне моем.
Не снегом уступы покрыты мои,
Там кущи из гроздьев, приют для любви;
Тень в полдень дарю я; дерновый ковер
На самой вершине привествует взор.
Где были лишь скалы нагие окрест,
Взгляни, уж воздвигнут спасительный крест.
На арфе воздушной по скату горы
И в полночь, и в утро, и полдня в жары,
Див юный Востока о мире другом
Играет, незримый, воздушным перстом;
Чудесные звуки разносятся в даль,
Далеко от сердца свевая печаль!

1839. Пятигорск

МУЧЕНИК ЛЮБВИ

О милый друг, еще в моей груди
Не бился вздох под дымкой покрывала;
Я тайных слез в тиши не проливала,
И для меня все ясно впереди.

Но говорят, что с новою весной
И я, как ты, мечтой томиться буду;
Что игры я подруг моих забуду,
И силу чар узнаю над собой.

Как я боюсь весны сей недалекой;
Как весело ждала ее сперва.
Скажи мне друг, о друг мой черноокой,
Тех чар отвесть не могут ли слова? –

Она к нему склонила взгляд свой ясной;
Так прост ее младенческий язык;
А он молчит, волнуем думой страстной,
А он в слезах и головой поник.

1830

ЗЮЛЕЙКА

У лазурных струй Босфора
Дремлет пальма – дочь степей;
Ветерок любовно шепчет,
С тайной негой ластясь к ней.
Загорелася лампадой
В небе вечера звезда;
Тихо, как дервиша в келье.
О, скорее, Зюлейка,
Дева милая, сюда!

Пусть другая одалиска
Блеском пышности ланит!
Под кисейною чалмою
Взор твой сладостней горит.
Брось факиру эти четки,
Легкой тканью стан обвей,
И, как Пери, Зюлейка,
Из печальных стен Сераля
Прилети ко мне скорей!

Говорят, Джемшида[1] в чаше
Скрыты радости земли,
Капли влаги той – рубины,
Розу Сирии зажгли.
Но твоих ланит румянец,
Но огонь – твои уста!
Поцелуй твой, Зюлейка!..
Соловей забудет розу...
Дева милая, сюда!

Легки серны Саганлука[2],
Их сребристый держит снег,

Черны очи их и быстры.
Ветр в полях – летучий бег.
Но твой стан, Босфора серна,
Зыбкой тени легче он;
Он стройнее гибкой трости.
Взгляд твой, Зюлейка, томен,
Как вечерний небосклон.

У лазурных струй Босфора
Пальма юная шумит;
Сквозь туман волнистый утра
Берег Азии глядит.
Бульбул в роще кипарисной
Песнь любви завел нежней;
Нет тебя лишь, Зюлейка,
Перло милое гарема!
Грусть и ночь в душе моей!

1830

СИРОТА

(*Sirrata*)

Литовская песня

Раз меня послали
Ягод брать в лесочке,
Ягод брать в лесочке,
Ягоды черничке.
Брать ее не брала,
Ягод я не рвала,
День весь на могиле
С грустью прорыдала.

– Кто так плачет горько
Надо мною стоя? –
Это я, сиротка,
Я, дитя родное.
Кто мне, кто расчешет
Шелковые кудри?
Освежит водицей
Голубые очи?
Вымолвит мне с лаской
Дорогие речи?

– Воротись домой ты,
Воротися, дочка!
Мать другая кудри
Вычешет златые,
Освежит водицей
Очи голубые,
Вымолвит жених твой
Речи дорогие.

1842

УМИРАЮЩИЙ ВСАДНИК

(*Богемская песнь*)

У могилы сижу и один, при луне;
Все друзья от меня далеко!
И как весть к ним придет; весть дойдет обо мне,
Буду я уж зарыт глубоко.

Ярко звезды блестят синей тверди вдали,
Что вы, звезды, вы неба краса!
Сколько раз, я при вас, на коне, весь в пыли
Сквозь дремучие мчался леса.

Утренница-звезда! ярче всех ты светил!
Озарен твоим светлым лучом,
Я невесты моей скромный дом находил,
И счастлив был при блеске твоем.

Сквозь волнистый покров, средь ночных облаков,
Как прекрасно плывешь ты, луна!
Но как ты высоко, мысль моя далеко,
Душа грустным предчувствьем полна!

Ах, я помню теперь, как ребенком я был –
Пред очами былое, как сон! –
Глядя с грустью отец обо мне говорил:
"Горький хлеб в жизни есть будет он!"

Мать, лаская меня, мать сквозь слезы глядя,
Говорила мне с скорбью не раз:
"Будет горько питье твое в жизни, дитя!
Горче будет, чем слезы из глаз!"

Наклоняясь ко мне, брат с участьем о мне
Так шептал мне: “о бедный мой брат!
Головы ты своей не снесешь на коне,
Как траву тебя скосит булат”.

И тогда меня мать принималась ласкать,
Говоря: “не к лицу ему мечь!”
Помню я, как друзья все рвались унимать;
Но была понапрасну их речь!

Телом слаб, тверд душой, вихрем мчался я в бой;
Я был там, где кипел он сильней;
Но в борьбе роковой час пробил, видно, мой!
Но грущу!.. жаль невесты моей!

У могилы сижу я один, при луне;
Все друзья от меня далеко!..
И как весть к ним придет, весть дойдет обо мне,
Буду я уж зарыт глубоко.

О, молю, надо мной вы хоть камень простой
Положите дубравы в глуши,
Где невеста меня ждет вечерней порой,
Ждет давно, ждет рыдая в тиши.

Пусть на камень на тот друг бесценный придет
Не грустить, не рыдать надо мной,
Но в молитве своей обо мне вспомянет,
И легко будет мне под землей!

1842

ГОНДОЛЬЕР

(*Венецианская баркарола*)

“Посади меня с собой,
Гондольёр мой молодой, –
Близко до Риальто[1].
Дам тебе за труд я твой
Этот перстень золотой,
Перстень с бриллиантом”.

“Дорог перстень, госпожа!
Не ищу я барыша,
Мне не надо злата.
Беден я, но в цвете сил;
Златом труд я не ценил:
Есть другая плата!”

“Что ж тебе? Скажи скорей...
Ночь становится бледней,
Близок день к рассвету.
До Риальто довези, –
Все, что хочешь, попроси,
Хоть мантилью эту”.

“Что в мантилье дорогой!
Шелк с жемчужной бахромой
Пышен для наряда!
Беден я, но в цвете сил;
Плащ мой прост, но мне он мил, –
Перлов мне не надо!”

“Что ж тебе? Скажи скорей...
Море óт часу синей,
Утро недалеко.

Мне в Риальто надо плыть,
Мне в Риальто надо быть
До лучей востока!"

Тих и робок слов был звук,
Нежен блеск прелестных рук,
Ножка – загляденье!
Очи в маске – ярче звезд...
"Поцелуй за переезд
Мне в вознагражденье!.."

Ночь. Гондол в заливе нет,
Месяц льет уж тусклый свет;
Гондольёр прекрасен...
Муж – ревнивец; дорог час, –
Стерегут ее сто глаз;
Утра блеск опасен.

Руку молча подает,
Гондольеер ее берет,
Посадил с собою.
Быстр весла был гордый взмах,
И гондола на волнах
Понеслась стрелою.

Далеко от берегов
Снят красавицей покров,
На лице нет маски;
В кудрях шепчет ветерок,
Гондольёр лежит у ног,
Ждет заветной ласки.

И в смущеньи и бледна,
Пала к юноше она:
Смолк стыдливый ропот;

Томен блеск ее очей,
Дышит в музыке речей
Сладострастный шепот.

Как ее он целовал!
Клятвам милой он вверял
Перл слезы бесценной,
Мир блаженства впереди!..
Он, счастливец, на груди
Дремлет упоенный...

Над Риальто блещет день;
Во дворец скользнула тень,
Что ж гондола стала?
Где же юный гондольёр?
Иль обратный путь не скор?..
Весть о нем пропала.

Говорили: пред зарей
Кто-то сонный в тьме ночной
В волнах хладных бился,
И на взморье шумный вал
Труп унес – и в нем кинжал,
Весь в крови, дымился.

Декабрь 1840

К***

Друг милый! над моей могилой не рыдай,
Внезапно колокол услыша погребальный;
Верь, этот тихий звук попутник лишь прощальный
От мира темного, в надзвездный, светлый край!
Напрасны жалобы и громкие упреки!
Рок хладный жертв своих назад не отдавал!
Тобой забытым быть скорее б я желал,
Чем вызвать памятью из сердца вздох глубокий!
Промчится много лет!.. случайно книга эта
Раскроется тобой, и вдруг, в ее листах,
Как замогильный глас, ты встретишь стих поэта!..
Молю, чтоб и тогда слез не было в очах!
Коварный свет твою печаль легко заметит
И не участием, – насмешкой горькой встретит!

Забудь меня! и мир с притворным состраданьем
Не будет спрашивать: чем дорог я тебе?
Чем мог я приковать любви твоей вниманье
К моей, во цвете лет угаснувшей судьбе!
Забудь меня! мой прах фантазией игривой
Чудесной радуги не облекай в цветы!
Что в блеске мертвому пред истиной правдивой!
Не прах мой, призрак лишь мечтой украсишь ты!
Пусть позабудут все, что это сердце билось
Восторгом счастия, порывом светлых дум!
Пусть вместе б с брением навеки схоронилось,
Что порицать всегда готов суровый ум:
Чувств пылких проблески и сердца заблужденья,
И вдохновенные тобою песнопенья!..

1841

ГОРНЫЙ ДУХ

(*Ирландская мелодия Мура*)

Жил юноша скромный в долине глубокой;
И жизнь его тихо лилась одиноко;
Но вот днем и ночью он чары узнал –
Дух горный следить, сторожить его стал.

Вот берегом шел он; плыл месяц сребристый,
Волна ударялась в песок золотистый;
Вдруг чудной след ножки прельстил его взор, –
Прелестная ножка была Духа гор.

В день ясный, однажды, мечтанием полный,
Прелегши к потоку, глядел он на волны.
Блестящие глазки прокрались за ним,
И в зыби потока Дух горный был зрим.

Он вмиг оглянулся; – но птичкой пугливой
Дух скрылся; был слышен лишь шум торопливый,
Как зведочки с неба скатившейся звук;
Далеко, невидим уж был горных Дух!

Вот ночью, виденьем чудесным томимый,
Взял кисть он и краски, любовью водимый,
Как сердце внушало, как помнил лишь взор,
Он начал – и ожил на ткани Дух гор.

"Ты, любящий призрак, очам незаметный, –
Шепнул ему сзади тут голос приветный, –
Взгляни, обернися!" – и страстного вдруг
На алые губы приял горный Дух,

"Все духи земные и вод в поднебесной,
С тобой не сравнятся, о Гор Дух прелестный,
И чаще, – он вскликнул, – и чаще с сих пор,
Ко мне приходи ты, бесценный Дух гор!"

1829

ДРИАДА

(*Из Парни*)

“Куда, прекрасные Дриады,
Из мрака рощи молодой
Вы мчитесь шумною толпой?
На миг ко мне склоните взгляды;
Всмотритесь, не сатир я злой,
Я с ним и сходства не имею; –
Он дерзок, – я благоговею
Пред вашей юностью живой!
Забудьте гнев ваш; заклинаю
Священным именем богов!”
Но тщетно резвых умоляю,
Они бегут, не внимля слов;
На миг одна остановилась,
Назад главу ко мне склоня;
Взглянула, – в рощу устремилась
Быстрее серны от меня.
Шестнадцать лет – года прелестной,
Во взорах робких – огнь небесный,
Венок из миртовых ветвей
На кудри пышные прилег,
Роскошно обвил шелк кудрей,
Дубравы лиственный венок.
Прохладный Эвр[1], вкруг ней играя,
Тюнику легкую клубит,
И, гибкий стан ее лаская,
Ей прелесть новую дарит.
Бегу!.. Красавица далеко!
О радость! я ее нагнал;
Она у шумных вод потока,

Под темным сводом грозных скал,
Обросших мохом и травою,
Прижалась с робостью немою,
Стыдливой прелести полна.
Я обнял стан ее прекрасный,
И ропот неги сладострастной
Покрыла шумная волна.

1823

ДВЕ МОГИЛЫ

Две могилы одиноко
Встали царства на краях:
Два певца – две жертвы Рока!
Пал один в горах Востока,
Пал другой в родных полях.
Светлой мысли исполины!
Гор заоблачных вершины
Вновь обрадует весна;
Вновь, в дыханьи теплом юга,
Далеко умчится с вьюгой
Снеговая пелена.
Но весны благоуханье,
Солнца блеск и вод журчанье
Не пробудит их от сна!
Вкруг могил их тишина.

Поли тревоги, чувств, сомнений,
Был один – властитель дум;
Он в порыве вдохновений
Дивной силой песнопений
Волновал невольно ум.
Лишь рукой ударил в струны –
Русь отклинулася им,
И во гроб сошел он юный,
Как певец непобедим.
Сколько славы схоронил он!
Сколько ждать он мог венков!
И Россию как любил он!
Как громил клеветников![1]

Был другой, – лет юных в цвете,
Музой дивною водим;
И, мечтая о Поэте,
Мы задумывались им.
Струны звонкие дышали,
Чудной музыкой полны,
И во звуки воплощали
Вдохновительные сны.
То у Каспия седого
Он подсматривал дары[2],
Пел опричника младого,
Мцыри, пальмы и шатры;
То над юной колыбелью
Над младенцем он стоял;
Иль, могучий, к новоселью
Чуждый край на суд сзывал;
Иль, оставя песнь и битвы,
Сердца теплые молитвы
Пред Скорбящей проливал.

Спят в могилах ранних оба!
Суд потомки изрекли:
Музы братством их свели.
Русский! проходя близ гроба,
Кинь с молитвой горсть земли!

Ноябрь 1841

ДЕВИЦА И РЫБКА

(*Песнь сербская*)

В раздумье девица у взморья сидела,
И, глядя на волны, так весело пела:

Лазурного моря нет глубже и шире;
Степной кобылицы нет в беге быстрее;
Зеленого поля длиннее нет в мире;
Нет сладостней сына, нет брата милее!

Вдруг, всплывши из моря сребристой главою,
Ей молвила рыбка, блестя чешуею:

Проста и глупа ты, младая девица!
Где морю небес глубиною сравниться?
Там солнцу с звездами широкий простор;
Быстрей кобылицы у смертного взор;
Зеленого поля ткань моря длиннее;
Нет сахара слаще, нет мужа милее?

1841. Октябрь

УМИРАЮЩИЙ КЛЕФТ[1]

(*Песнь новогреческая*)

Бросься в море! Кинься смело!
Весл в замену – две руки!
Как ладья скользит пусть тело;
Грудью мощной и дебелой
Волн пучину рассеки!
Если Бог и Пресвятая
Путь пловца благословят;
Если брег родного края
Очи светлые узрят;
Если вновь в стоянке нашей
Будешь ты, о милый брат,
Где совет был с звоном чашей,
Где заклали мы козлят, –
Снова чаши вкруг заносят,
Снова пир начнут друзья,
И тебя, быть может, спросят:
"Где? здоров остался ль я?" –
Скрой, как, бедный, я томился,
Промолчи про смерть мою;
Но скажи им: я женился
В грустном, чуждом мне краю.
Взял я в тещи – камень гладкий,
Взял в зятья – песок речной,
И с женой обнялся сладко,
Да, с женой – землей сырой!

Ноябрь 1841

МУРИЛЬО[1]

Когда пред картиной Мурильо стою я,
Из глаз моих слезы неслышно бегут;
В душе моей небо; восторгом горю я,
Исполнен блаженства высоких минут!..

Сребром полумесяц прорезал мрак ночи;
Над ним совершает торжественный путь
Пречистая дева. Горят Ея очи,
И руки смиренно скрестились на грудь;

Земная улыбка в устах не играет,
Но мир упованья на ясном челе;
Край темный и хладный Она покидает
С молитвою теплой о грешной земле.

Роится вкруг Дивной сонм ангелов юный;
Восток озарился сияньем светил,
И слышно: бряцают хвалебные струны
Несчетных, надзвездных невидимых сил!

Где, где созерцал ты, художник чудесный,
В воздушном полете сей сонм бестелесный!
Восторг твой был дивен, могуч и глубок;
Ты неба царицу постигнуть возмог!

Пред яркою тканью, немой, в удивленьи,
Стою я, и слезы бегут в умиленьи,
Молюся и долу склоняюсь главой
Пред славой небесной и славой земной.

25 марта 1842

ПЛОДЫ

(*Подражание Петронию*[1])

Мне часто от тебя, иль яблоков душистых,
Иль чашу полную каштанов шелковистых
Рабыня верная, вечернею порой,
Приносит, говоря, что сорваны тобой.
С досадой, с завистью глядят все на счастливца!
Благодарю за все! Но если б ты решиться...
Но если б ты могла сама их принести!
С каким восторгом бы к пылающей груди
Тебя прижал бы я!.. Рукой твоею данный,
Незрелый апельсин, безвкусный, безуханный,
Мне показался бы приятней во сто крат,
Чем сот, чем пурпуром горящий виноград.
Приди, о милая, приди ко мне украдкой;
Душистей всех плодов мне поцелуй твой сладкий.

1843. Март

УФА

(посвящено И.Д. Талызину[1])

Есть страна, вдали от Юга;
Каждый день шумит там вьюга,
И, украдкой из-за туч,
Блещет тускло солнца луч.

Край снегов и непогоды –
Грустный уголок природы,
Где, окованные льдом,
Дремлют реки долгим сном.

Край, где молньями изрытый,
Грудь свою одев в граниты,
В море упершись пятой,
Встал Урал, старик седой;

Приподняв чело высоко,
Он, как страж в степи широкой,
На златой склонясь песок,
Смотрит с думой на Восток.

В том краю на выси горной,
Лентой рек обвит узорной,
Развернулся городок,
Как пустынник одинок.

Прежде рыскал там свободно
Рой башкирцев многородный,
И Тептырь, и Мещеряк,
Встарь платившие ясак[2],

И поклонник Магомета,
И поляки, и Мулла,
И чего в том крае света
Уж Судьба не собрала.

Но следы кибитки дымной –
Древний быт страны пустынной,
В людных улицах исчез,
Будто силою чудес.

Как в ночах Шехерезады
Дам роскошные наряды
И мундиров пестрота
Изменили те места!

Там звенят, рисуясь, шпоры;
Там блестят в кадрилях взоры,
И язык страны чужой
Льется с милой остротой.

Там, где было кочеванье,
Там, где плакали в изгнанье,
Целый век влачась, как тень,
Где тяжелый длился день,

Ныне день там – невидимка!
Словно миг, легок, как дымка,
И нередко сладкий сон
В жертву балу принесен;

Там театр, пиры, собранье;
Там за полночь ликованье,
И бокал, где бьет Моэт[3],
Час рассвета застает.

Там давно безвестно горе;
Там лишь спор идет о своре,

Иль на сцене как мила
Александрова была!

Иль о том (там чужды прений,
Политических суждений!):
Что в театр влечет смотреть:
Головинский иль медведь?

Взвился занавес. Все толки
Стихли. Вот из уст Торопки,
Как гармонии поток,
Льется: Веет ветерок!..

Это Бантышева[4] звуки!
В них восторг, в них сердца муки,
Все знакомое слилось
И в душе отозвалось.

Плещут все Александриты,
Громко плещут Иваниты,
Все от кресел до райка
Снова просят: *ветерка**.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Там! Молчу, боясь сплетен;
День лишь только тем заметен,
Тем отличиен от *вчера*,
Что различны *вечера*.

---

* Александрова, Иванова и Головинский – актеры, представлявшие в Уфе "Оскольдову Могилу", оперу Верстовского. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

Кто же город этот дальний
Посреди зимы печальной
Новой жизнью воскресил?
Кто весельем обновил?

Он – Ермолова любимец,
Он – чье имя Кабардинец
и Лезгин и Карабах
Вторят в песнях на горах;

Он, в глуши, на краю света
Встретил ласкою Поэта,
С кем забудешь так легко,
Что Сибирь недалеко.

Снег валит; вкруг вьется вьюга;
А пирующего круга
Зимний холод не страшит,
Преферанс в углах шумит.

Пред вьюгой никто не робок;
Слышен залп один лишь пробок...
О, чудесный городок!
О, как жаль, что ты далек!

1842. Уфа

ЛОКОН

(*Песнь новогреческая*)

Там, где улица глухая
Вьется, в море низбегая,
Константин, моряк седой
Спит с гречанкой молодой.
Чуткий сон смежил ей очи,
Сон тревожный. В мраке ночи
Тяжкий вздох теснит ей грудь;
Будит мужа: "Время в путь!

Пробудись! Как сон твой долог!
Якорь поднят. Час ведь дорог.
Пробудися, Константин!
Ты останешься один!"
– Дай вздохнуть мне хоть мгновенье:
Сладко льстит мне сновиденье;
Ты торопишь для чего?
Уж не ждешь ли ты кого? –

С кем могу тебя сменить я?
Не тебя ль клялась любить я!
О, так гневно не гляди;
Лучше в море не ходи".
И на грудь к нему припала,
Страстно, нежно целовала;
Нет укора на устах;
Но упрек блестит в слезах.

Конь оседлан. В стремя ногу;
На знакомую дорогу
Скачет он. Уж мачт леса

Поднялися в небеса;
Вот уж бьются в берег сонный
Моря утренние волны;
Чайка сребряным крылом
Блещет в небе голубом.

Вот и пристань уж белеет...
Вдруг коня сдержал, бледнеет,
Изменилося лицо:
Дома он забыл кольцо.
И назад стрелой из лука
Он летит быстрее звука;
Он стучится в ворота.
Глядь! Калитка отперта.

Входит в спальню он украдкой...
Спит жена в дремоте сладкой;
Пышный шелк ее кудрей
Разметался вкруг плечей;
Пламень роз в ланитах пышет,
Мрамор персей негой дышит;
Подле ней, блестя красой,
Чужеземец молодой.

Крепким сном он с ней забылся,
Вкруг нее как плющ обвился,
Поцелуй в устах горит,
Что-то сонный говорит,
Нежных слов был слышен лепет...
Муж глядит. Невольный трепет
В Константине пробежал,
Он булатом засверкал;

Но жену сначала будит...
"Вероломство Бог пусть судит!
Встань! сравни, скажи скорей,
Кто из двух из нас храбрей!"

– Ты!.. Но он! должна ль признаться?
С ним мне слаще целоваться! –
Он не дал ей кончить речь;
Голова скатилась с плеч.

Пал и юноша... безмолвный
Кудри шелковые волны
Мертвой с бледного чела
Он обрезал... Их тела
Бросил в море. Одинок он
С той поры глядит на локон,
Неподвижный и немой,
Словно камень гробовой.

1843

МАТЬ И ДОЧЬ

Легенда

Ночь зимняя была. Стучала вьюга в окна
Убогой хижины; снег хлопьями валил.
И в этой хижине, где ветр врывался в щели,
В углу прижавшися, у гаснущей жаровни,
Сидели, сгорбившись над рукодельем бедным,
Две женщины.

Одна с сребристыми власами,
Другая свежая и юная как утро.
Старушка почасту хладеющие руки
Держала на углях, чтобы согреть их жаром.
Из плошки глиняной чуть лился свет в избушке,
И блеском трепетным, как будто умирая,
Скользил на древний лик в углу стены стоящей
Иконы Матери Заступницы Скорбящих.

Вкруг бедной хижины, как зверь, ревела буря;
Но в ней ни голоса, ни шума, как в могиле.
Вот младшая, – цветок полей Эдема светлых,
Головку приподняв от медленной работы,
Очами ясными, в молчаньи скромном, долго
На сребровласую старушку взор уставя,
Ей тихо молвила: “О матушка, ты, верно,
Не век свой в бедности жила такой, как ныне?”

Во звуках девушки была живая сладость,
И так вопрос ее был полн любви тревожной
И кроткой нежности, ничем не выразимой!

“О дочь моя, – в ответ сказала ей старушка, –
Бог знает, что творит. Он все творит ко благу!..”
Сказала, и потом как бы склонилась в думу,

И, помолчав, опять так речь к ней продолжала:
“Когда лишилася в отце твоем я мужа,
Казалось, скорбь моя была без утешенья;
Но ты осталась мне, – одна мне в жизни радость!
И даже на душе всегда мне было легче,
Как только вздумаю, что если б жил покойный,
Что если б нужду он узнал, с которой ныне
С тобой мы свыклися, его б разбилось сердце!
Тут я изведала, сколь благ к нему был Промысл!”

Красавица в ответ ни слова не сказала;
Но только милую головку опустила,
И из очей ее, как два живые перла,
Слезы две канули на холст в руке лежащий.

Мать продолжала речь: “К нему благой
Создатель
И нам не отказал в удел своей щедроты!
До сей поры еще нам чужд был недостаток,
Меж тем, как многие, посмотришь, терпят
крайность!
То правда, что всему вторая мать привычка,
И мы с лишеньями сроднились; и хоть мало
Трудами рук своих себе мы доставляем;
Но этой малости для нас еще довольно,
Роптать мы не должны. В Писаниях открыто:
“Трудами рук своих снищи свой хлеб насущный!”
Бог в милосердии нас не лишает хлеба,
Меж тем как многие проводят время в гладе;
Он не лишил еще приюта нас, а сколько
Не знают где склонить главы от непогоды!
Он, дочь моя, тебя мне дал на утешенье,
И ты со мной!.. На что ж осмелюся роптать я!..”

При сих словах, где вдруг с высокою любовью
Всё чувство матери так высказалось ясно,
Младая девушка, растроганная, пала

К коленям матери, ее схватила руки,
И поцелуями их жадно осыпая,
На грудь склонилась к ней, тая свои рыданья.

Но мать, стараяся пред ней казаться бодрой,
Так продолжала речь: "О дочь моя, ведь счастье –
Не в том, чтоб обладать избытками сей жизни.
Все наше счастие, все радости – в надежде!
Все наше счастие: одной любви в избытке!
И не земные то надежды; нет, не долу,
Как и любовь: она ведь так же не земная,
А если есть и здесь, то разве мимоходом.

Да! после Бога, ты мне всё здесь в дольнем мире;
Но этот мир прейдет быстрей, чем сновиденье,
И оттого любовь моя, с тобой сливаясь,
На крыльях Ангела меня возносит к небу.

Я помню время то, когда под этой грудью
Еще ты билася, младенец не рожденный,
В слезах молилась я усердно пред иконой
Заступницы в скорбях Святой Марии Девы.
Она явилась мне в одном из сновидений,
И мне казалося, с небесною улыбкой,
Младенца милого мне в руки подавала.
Из рук Божественной я приняла младенца;
Когда ж с любовию его прижала к сердцу,
Тогда Пречистая, с главы своей державной
Сняв белых роз венок, венчала им малютку.

Немного месяцев прошло, и ты родилась;
А между тем еще в очах моих горело
Виденье светлое, какого не забыть мне."
Сказав слова сии, старушка вдруг вздрогнула;
Ей в душу пробежал какой-то дивный трепет,
И крепко дочь свою она прижала к сердцу.

Дни протекли. И вот, однажды, ясным утром
Отшельник праведный, окончивши моленье,
Увидел над собой как два бесплотных лика,
При сонме ангелов, летящих к ним навстречу
На небо горнее, в лучах горящих солнце
Всходило весело, и вторилось: Осанна![1]

1842

ЧЕРКЕШЕНКА

У черкеса горстью злата
Дочь купил я в цвете лет:
От Невы и до Ефрата
Ей в красе подобной нет!
Ясны очи с поволокой
Ярче молнии блестят,
И бегут волной широкой
Кудри черные до пят.
В нежных щечках роза пышет;
Ка̀к рубин уста у ней;
Сладострастной негой дышит
Дивный звук ее речей,
Ельборуса верх двуглавый
Ей уступит белизной;
Стан – стан пальмы величавой;
Ножка – чудо красотой!
Целый день гляжу и млею,
Целый день не нагляжусь;
Как цветок ее лелею,
И "люблю" сказать боюсь.

Чисто сердце непорочной,
Как Эдема первый свет!
О сияй, мой перл восточный!
Гор кавказских лучший цвет.

1835

ВИДЕНЬЕ

(Из Парни)

Беспечно в хижине дремая,
Мечтою сладкою томим,
Лежал он сонный! Перед ним
Свежа, как роза огневая,
Явилась девушка младая.
На незнакомке был убор
Нездешний. С головы сбегало
По плечам полным покрывало,
Под ним горел роскошный взор,
Густые локоны небрежно
Повиты золотым венком;
Прильнули к груди белоснежной
Две нитки с крупным жемчугом;
Сверкают золотом браслеты;
Котурны[1] легкие надеты
На чудных ножках. Гибкий стан
Сжат в пояс пурпурно-атласный.
Скользит тюника на прекрасной
Как зыбкий утренний туман.
Он смотрит, полный удивленья,
Он слышит тихие моленья
Из свежих уст: "Спаси меня!
На эту ночь дай где укрыться;
Мне тяжко с недругом томиться;
Дай мне приют до свету дня!" –
Мой беден кров и тесно ложе,
Сплетенное из тростника.
Они твои! Бежишь почто же?
Останься здесь. Побудь пока!

Я ложем поделюсь с тобою...
Поникнув робко головою,
Не смея и боясь взглянуть,
Она присела; вся пылает,
И вздох невольный воздымает
Ее девическую грудь.
Горят в очах живые слезы...
Сбылось... Восторгов час настал!
Вотще Морфей роскошно грезы
Над скромным ложем расстилал;
Чужда их юность утомленья,
Потерян поцелуям счет;
Взор тает, полный упоенья,
И снова к неге их зовет.
Они приют забыли тесный,
Любовью пылкою горя...
А между тем, уж свод небесный
Давно румянила заря.

1844

ПЕСНЬ ЗЕЛИКИ

(Из Мура)

Средь рощи весенней, у волн Бендемира*,
Где утром и ночью поет соловей,
В дни детства любила я, сидя на розах,
Песнь звучную слушать во мраке ветвей.
Той рощи, тех звуков я век не забуду;
Но думаю часто, весна лишь придет:
Пылают ли розы у волн Бендемира,
Всё также ли бульбуль**, как прежде, поет?
Нет, рано у брега поблекнули розы;
Но в блеске срывала я нежный их цвет;
И свежий их запах, как утра дыханье,
Минувшего лета дарил мне привет.
Так светлая память печаль услаждает
Протекшего счастья приятной мечтой,
Так ныне для сердца, как прежде для взоров,
Брега Бендемира блистают красой.

1825

* *Бендемир* – река, протекающая близ развалин Чильминара. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

** *Бульбуль* – соловей. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)

ОКСАЙСКАЯ СТАНИЦА

Роскошно и шумно воинственный Дон
Бежит у Оксайской станицы!
Как море в разливе раскинулся он –
Зеркальный в сияньи денницы.
На степи нахлынув широкой волной,
Он ясен и горд, как Донец молодой.

Под парусом с песнью несутся ладьи,
Как чайки на быстром мелькая;
Два града с нагорья глядятся в струи,
Сребром и лазурью сверкая.
Но дивно град древний из пенистых вод,
Как старец маститый, церквами встает.

И странник, любуясь, недвижим стоит,
Не верит, очами прикован,
Что в стогнах подводных торговля кипит,
Что город у рыб завоеван.
Он мыслит: все это минутный обман,
Виденье без жизни, прозрачный туман!

И я по тебе плыл, воинственный Дон[1],
С моею беспечной ладьею;
И я был твоею красой изумлен, –
Свободной и буйной красою;
Когда ты, могучий поитель степей,
Помчал меня быстрой волною своей!

Пред мной в небосводе синелся Ростов
И берег станицы цветущий,
И степи, – приволье лихих табунов,
И села, и мирные кущи.
Ты сам, звучно-волный, нашептывал мне
Сказанье о дивной своей старине.

Я слушал, – а ветер попутный шумел,
Дрожало в порывах ветрило;
Я слушал, – мой кормчий так весело пел, –
Но сердце в сочувствии ныло;
Твой говор чудесный, воинственный Дон,
В кровавом минувшем терялся, как стон.

Пред мной раскрывалась событий скрижаль,
Заветные тайны курганов...
И, мнилось, я видел сквозь темную даль
Дни смелых наездов и ханов,
Когда и Нагаец, и Ляхи, и Крым
Рубились и бились булатом твоим!

Но веки промчались. Свободен и тих
Ты льешься, о Дон, полон неги!
Довольство, обилье средь кущей твоих
Сменили войну и набеги.
Ярмо чужеземцев ты свергнул давно,
Дон светлый! России живое звено!

Я помню то время, как двигнулся он,
Народов полсвета водитель[2],
Царь вскликнул: "Где ж Дон мой?", и вспрянул ты, Дон, –
И каждый твой сын был воитель:
Колосьями стали ты степи покрыл
И в Сене удалых коней напоил!..[3]

Красуйся ж ты, пестун роскошных степей!
Шуми у Оксайской станицы!
Торжественно-грозный и в неге своей...
Событий блестящих страницы
Для русского сердца ты свято сберег!
Ты – перло в короне! твой клич: "С нами Бог!.."

1839

К КАРТИНЕ ТЫРАНОВА[1], ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ КУПАЮЩУЮСЯ СУСАННУ

Нет! не Сусанной молодою,
Лишь только вышедшей из волн,
Не целомудренной женою
В то время Ты́ранов был полн,
Когда он творческою силой
На холст накинул образ милой,
Сей чудно-свежий, дивный лик!
Не ею он мечтал в тот миг!..
Вглядитесь в очи, – шарит нега!
Полураскрытые уста!
И с этих персей ярче снега
Недаром веет теплота.
Недаром, будто ненарочно,
Красавица косы роскошной
Искусно пряди собрала;
Она купалась, и – ждала...
Она в томленье страсти часто!
Недаром блеск сих темных глаз!
С плечей тюника ниспадает,
А ниспадет... боюсь за вас!
Нет! Это не израильтянка,
Не иудейские черты!
Пред вами гордая римлянка
Во всем соблазне красоты.

Декабрь 1845

ПИСЬМО

Письмо! ее рукой начертанные строки!
Сто раз целую их. Умолкните упреки!
Нет тени мрачных дум, нет более тоски!
Я счастлив, не забыт! Письмо ее руки!
С какой тревогою смотрел на путь я дальний,
Когда ты ехала. Безмолвный и печальный
Всего страшился я. В разлуке так легко
Утратить память тех, от нас кто далеко!
Нет, нет! я не забыт! Среди столицы шумной
Меня ты вспомнила; а я роптал безумный!
Я укорял тебя, и в час ночной не раз
Подушку обливал слезами жарких глаз.
Когда за окнами шумит и воет вьюга,
И серебристый снег вокруг туманит даль,
Ты пишешь: "Камелек теперь горит у друга,
Он делит с музою досуги и печаль;
Стихами, полными любви и вдохновенья,
Он встретит вновь меня в тиши уединенья,
И в звуках сладостных его я буду жить!.."
Нет, друг мой, трудно песнь и горе согласить!
Окрест меня теперь все мрачно и уныло;
С природой мертвою восторг во мне упал;
Была б со мною ты, и вдохновенье б жило, –
Поэзией души я весь бы трепетал!
Тебя со мною нет! Угрюмый, одинокой,
Ищу тебя везде, забыв, что ты далеко;
Ищу в той комнате, где в ризах золотых
В кивоте[1] блещет лик угодников святых;
Где льется тихий свет негаснущей лампады,
Где в грустные часы и в светлый час отрады,
С надеждой теплою, сияющей в очах,

Молитва у тебя носилась на устах...
Ищу одной тебя средь залы опустелой,
Где Виртовский рояль[2] стоит осиротелый,
Звучавший сладко так рук беглых под игрой;
Где эхо вторило приятный голос твой,
Когда Варламова[3] ты воскрешала звуки,
Или Титова песнь[4], исполненную муки,
Или Бетговена передавала мне...
Там все молчит теперь; и только на стене
Привычно маятник свершает ход урочный...
Вхожу в гостиную: узор каймы восточной
На пяльцах начатый, бросается в глаза;
Кипсеки[5] на столах... и грустная слеза
Увлажит очи мне мечтой былого счастья.
Но слезы тяжелы в тиши и без участья!..
Да! их отрадно лить тому, кто полн тревог,
В минуты ревности, возлюбленной у ног,
Когда, следы сих слез рукою белоснежной
Спешит она стереть, ласкаясь к другу нежно,
Целует милого, любовью вечной льстя,
И за слезу журит, сама сквозь смех глядя!

В деревне грусть зимой; всегда одно и то же
Скажи ж мне, нравится ль тебе столичный свет?
Спектакль французский, где к твоей блестящей ложе,
Наверно, не один уставился лорнет?
Где шепчут вкруг тебя: "Не знаете ль, кто эта?
Вся в блондах[6], в бархате и так к лицу одета!
Как хороша она! Свежей весенних роз!
Как пышны локоны каштановых волос!
Какая на очах разлита неги сладость
И в милом личике задумчивость и радость!.."
Или когда тебя уносит шумный бал,
Где ты являешься средь говора похвал,
И на паркет ступя под Ланнеровы звуки[7],
Танцору юному стыдливо бросив руки,
С ним весело летишь в блистании свечей;

Когда тебя следят вкруг тысячи очей;
Когда соперницы, которым видеть больно
Сильфиду легкую, смущаются невольно,
И, зависть затая и сердцем не любя,
Улыбкой светскою приветствуют тебя...
Но вот ты кончила уж вальса круг блестящий;
Кто ж этот юноша, так сладко говорящий?
Кто он, замеченный, щеголеватый князь,
На спинку кресл твоих небрежно наклонясь,
Передает тебе затверженные речи
Про балы, про наряд и счастье первой встречи –
Случайно между слов бросает он шутя?..
О, бойся сих речей, души моей дитя!
В них яд скрывается; они коварства полны!..
Зачем я не могу, невидимый, безмолвный,
С тобою вместе быть, следить твой каждый шаг,
Ловить тво́й милый взгляд, улыбку на устах,
Угадывать твои все мысли и движенья,
Все чувства тайные и тайные волненья!..
Зачем!.. Куда меня мечтанья увлекли?
Один, в деревне я; ты в городе, вдали!..

Когда в час полночи, покинув бал блестящий,
Ты возвращаешься, усталая, домой,
И сбросив свой наряд, на столике лежащий
Конверт с письмом моим увидишь пред собой;
Когда его к устам и к груди торопливо,
С восторгом пламенным и с думой боязливой
Прижмешь ты, милая, – я это буду знать!
Верь, друг мой, на певцов нисходит благодать;
Они провидцами зовутся не напрасно!
Вдали я буду жить твоей любовью страстной;
Вблизи свиданья час с тобой благословлять.

Февраль 1846

К ГРУППЕ ЮПИТЕРА[1], ПОХИЩАЮЩЕГО ЕВРОПУ

(Из Шенье)

Взгляни, как этот бык в лазурной глуби вод
Легко и с гордою отвагою плывет;
Как брызги вдаль летят от мощного копыта!
Он к Криту бег стремит. Доселе Амфитрита[2]
Не зрела у себя столь дивного пловца!
На нем красавица. С прелестного лица
Покров отвеял ветр; слезами очи полны;
Схватясь за рог его дрожащею рукой,
Зовет она родных, подруг веселый рой,
И в страхе чтоб вокруг дробящиеся волны
Сребристой пеной ей не омочили ног,
В испуге прячет их, вся полная тревог.

Искусство в эту медь и жизнь и легкость влило.
Чу, слышишь! бык ревет! Плывущий по волнам
Никто иной, как бог; то Зевс могучий сам!
Чело двурогое блеск царственный не скрыло;
Громометателя признаешь в сих чертах.
Сидона[3] пышного нисшедший на лугах,
Он в этом образе, скрыв умысел опасный,
Для юных всех телиц предмет любви был страстный.

Европа милая, краса Сидонских дев,
Виновница всему. Державного узрев,
Неосторожная, ласкать его дерзнула;
Он пал к ее ногам – и ласка обманула.
Вот на главу его из свежих роз венец
Накинула она; вот, смелая, садится

На дымчатый хребет... Он с ношей в даль
стремится;
Он в волны ринулся. И дивный сей пловец,
Сей бык – Олимпа царь, сей похититель водный
Позадь себя уж Кипр оставил плодородный;
Уже из волн встает стоградный Крит пред ним,
Где в храме жертв ему клубится сладкий дым.

1846, февраль

ОБНАРУЖЕННАЯ ТАЙНА

(Из Шамиссо)

Когда меня в уста и в очи
Ты, милый друг мой, целовал,
Одни мерцали звезды ночи:
Скажи, кто ж тайну рассказал?

– В ту ночь с небес звезда упала,
И, в темной моря глубине,
О нашей тайне прошептала
Сребросверкающей волне.
Волна веслу проговорилась;

Подслушал тайну у весла
Младой пловец. В нем грудь забилась,
И тайна в звуки обратилась
И в звонкой песне ожила.
Он громко пел; – его напевы
Внимала милая не раз.
Теперь и юноши и девы
Везде ту песнь поют про нас.

Ноябрь 1846

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ

(*Южин Кернер*[1])

Ее уж нет! сквозь слезы
Рыдаете вы вслух;
Ланит поблекли розы,
Веселый взгляд потух! –
“Скорей ее ребенка
Велите принести,
Пусть он прильнет легонько
К хладеющей груди.
О, ежели мгновенно
В ней сердце не вздрогнет,
Рыдайте, вам бесценной
Никто уж не вернет...”

1846. Ноябрь

УЖАСНЫЙ ЗВУК

(Южин Кернер)

Набатный звон, собаки вой
Тревожат слух во мгле ночной!
Но мне грустней, тяжелей мне
По мертвым вопли в тишине.

И памятен один мне звук,
Ужасный, полный скорби, мук;
Его заслышу только я,
Бледнею, стынет кровь моя.

То звук пронзительно-глухой,
Встающий в крышке гробовой,
Когда закрыт дубовый гроб,
Вбивает гвоздь свой гробокоп.

1847

ТУДА

(Н. Т. А-ву)

Туда, где волны Инзы[1] плещут,
Где в их зеркальной тишине
Цветные стекла ярко блещут
В час полуночи, при луне;
Где сладко луч горит востока,
На лилиях снегов белей,
Где пальма с зеленью широкой;
Где астропея[2] так высоко
Раскинулась в красе своей;
Где пышный сад зимой таится,
Растет ваниль, цветет банан;
Где ветерком не шевелится
Листок камелий южных стран;
Где с негой утопают взоры
В ползучих листьях пассифлоры[3];
Где купы роз, где фукций[4] ряд
Унизан пышными серьгами,
И рододендр[5] одет цветами,
И золотистыми плодами
Лимоны дышат и горят...

1846

БЕЗУМНЫЕ СТАРЦЫ

(Карл Симрок[1])

Не все ли на земле живем мы упованьем?
И кто безумные надежды не питал!
Об старцах древнюю легенду я читал, –
Надежда с юных лет была существованьем.

Два старца: – некогда с Бавкидой Филемон[2]
Так жили: – чувства в их груди не остывали;
Уж тридцать лет они с чужбины сына ждали,
И все надеялись, что к ним вернется он.

А он был на войне. В час горестной разлуки
Дал слово им придти. – И верили они,
Что он воротится. Промчались долги дни!
Надежда, как любовь, слепа; но верит в звуки!

Давно их волосы покрылись серебром;
Но чужды ропота с надеждой о приходе,
Они твердят одно, при солнечном восходе:
– Наш сын теперь в пути! Сегодня обоймем!

Но ежели придти он не замедлит ныне,
Знак верный: завтра здесь; – ему сопутник бог!
Чтоб милого скорей наш взгляд заметить мог,
С зарей мы будем ждать гор ближних на вершине,

И всходят на гору. Там взгляд их погружен
В глубь спящую долин, на луг еще дремотный,
Покажется ль вдали им странник беззаботный:
– Он! – вторят с радостью. – О, странник
этот он! –

Но это был не он!.. За ним прошли другие;
Другие им вослед. Пусть!.. вера в них тепла!
Бесплодный, долгий день скрывала ночи мгла;
Но день сей полнили надежды их святые!

И много лет прошло. Отяжелел их шаг;
Под бременем годов чело и стан склонились;
Но для надежд они душой не изменились,
Хоть изменился путь на горных высотах.

Всё кто-то шепчет им: пригор постройте бедный
На горной крутизне; оттоле каждый час
Вдаль будет проникать ваш любопытный глаз
В солнцегорящий день и в сумрак ночи звездной.

Вот выстроен шалаш. Труд поздний вызвал смех!
Что нужды! Пусть зовут надежды их безумством!
Но сына как прижмут они с горячим чувством,
Не будут ли тогда стократ счастливей всех!

И диво! средь толпы, для чувства их враждебной,
Богач нашелся. – Он их верой тронут был,
И на вершине гор, где даль их взгляд следил,
Надежды вздумал храм создать великолепный.

Славнейших зодчих он созвал со всех сторон,
Чтоб храм сей пышностью достоин был богини;
Неугасимый огнь пылал всегда б в святыне;
Тот огнь поддерживать доверил старцам он.

Задумал. На горах злаченными главами
Храм блещет. Засверкал огонь на алтаре;
Долг старцев начался; но днем и на заре,
Как прежде им вольно спускаться вдаль очами.

Они житейских всех избавлены забот;
К ним вестник каждый день являлся с пищей новой,

В устах его всегда приветливое слово:
– Пришел ли милый сын? – У них ответ: идет! –

У них один ответ: спасибо за участье!
Родной наш не пришел; но, верно, уж в пути.
– Друг! с нами час побудь; ему должно придти!
О, только час один: увидишь наше счастье!

– Но ты всегда спешишь! Короток твой приход! –
С улыбкой вестник им лишь головой качает:
– Безумцы, – мыслит он, – надежда вас прельщает!
Надежда вас живит! Где ж долгих жданий плод!

И шагом, вдаль от них, полн хладного сомненья,
Он едет в дом к себе, где чужд ему привет;
Он одинок; в груди надеждам места нет:
Жизнь без любви не жизнь, а тяжкое мученье!

Вот у порога он. Но кто вослед спеша
Бежит за ним, шаги так тяжко торопливы?
То путник, весь в пыли; коня он ловит гривы,
Хватает за узду, и молит чуть дыша:

– Друг! матерью твоей, для бога, всем, что мило!
Будь добр! Часы не ждут, а смерть так жестока!
Я выбился из сил; дорога в круть тяжка!
Дай мне коня!.. Увы! когда б имел я крылы!..

Когда сегодня гор мне суждено не зреть,
Напрасны жизни всей тяжелые страданья,
И ночи вечные, и сорок лет изгнанья.
Дай насладиться днем, – и после умереть! –

Но сердце жадное корысти лишь открыто.
– Друг! Дай коня! возьми, вот с златом кошелек!
Возьми! сын старцев я безумных! – ...быстрый скок
Раздался на горе от звонкого копыта.

– Так не глупцы ж они! – на злато кинув взгляд,
Подумал вестник тут. – Не понапрасну ждали!
Зачем же гор верхи так ярко запылали?
И этот ночью звон? Колокола гудят!

О, верно, там пожар. На миг надежда ныне
Польстила, старцы, вам! Весь храм обвит огнем!
Нет, не напрасно вас безумцами зовем!
Ваш сын еще не мог на горной быть вершине! –

Но вот, лишь день блеснул, он на гору и в храм.
О чудо! Портики, столбы блестят цветами,
И сына милого с горячими слезами
Старик с старушкой жмут к трепещущим устам.

И в ночь ту не пожар. Нет! радостной толпою
Был разложен огонь пылающих костров;
Всю ночь и целый день был звон колоколов:
Их потрясал народ ликующий толпою.

В том звоне, мнилось, глас таинственный звучал:
– Надейтесь! в вашу грудь да не войдет сомненье!
Стыд маловерному, кто в жизненном боренье,
Не выждав вечера, душою робкой пал.

1846. Ноябрь

ТРИ ЦВЕТКА НА ГРОБЕ

II

Не парчою золотистою
Гроб бесценный я покрыл,
Я гирляндою душистою
Бледный лик ее повил.

Кисеею белоснежною
Друга милого одел,
И с тоскою безнадежною
На усопшую глядел.

Тщетно, павши к изголовию,
Взгляда жду поникших глаз!..
О! с какою бы любовию
Посмотрелся б в них хоть раз!..

Но ресницы шелковистые
Неподвижные лежат;
Но уста сладкоречистые
Милых слов не говорят!..

Дайте ж слез мне; пусть бы лилися,
Дайте сил, чтоб плакать мог!
Пусть бы очи освежилися;
Давит грудь тяжелый вздох!

Пробудись, гроза полночная!
Вдаль умчи меня с собой,
Где она, – звезда восточная,
Блещет дивной красотой!

Унеси ты безутешного,
Дай мне сердцем отдохнуть,
Чтоб на персях друга нежного
Вечным сном я мог уснуть.

Над безвременной могилою
Неутешный я стою:
Смерть! зачем взяла ты милую,
Не взяла с ней жизнь мою.

1846, 11 декабря, с. Троицкое

I

О дайте мне на милую
Взглянуть в последний раз,
Пока не скрыл в могилу я
Бесценный мой алмаз!

Увы! мечта напрасная!
Не встанет уж она!
В гробу лежит прекрасная,
Как лилея бледна;

Ресницы шелковистые
Навек опущены,
Волнистые, душистые
Власы заплетены.

Безмолвно бездыханная,
В гробу она лежит;
Но мнится – дума тайная
В лице ее скользит.

О чем же дума тайная,
О чем скорбит она?
Скажи, моя желанная,
Скажи, о чем грустна?

Взгляни! весна так весело
Подкралась; всё цветет;
Береза кудри свесила
И соловей поет;

Как яхонт небо ясное;
Всё радостно вокруг;
И шепчет сладострастная
Волна, плескаясь в луг;

Всё дышит жизнью светлою
В тебе лишь жизни нет!..
Тоскою безответною
Твой бледный лик одет.

Не грустны ли желания
В последний были час? –
Нет! Тихо, без страдания
Ты, ангел кроткий, гас!

Быть может, сына милого
Хотелось приласкать,
И много, много было ей
Чего ему сказать?

Нет! взгляд ее наверное
На друга брошен был,
И горем сердце бедное
Мгновенно сокрушил.

III

Ее уж нет, о ком грущу я!
Зачем же плачу я об ней?
Слезами вновь не возвращу я
Жемчужины души моей!

Ее уж нет! но образ милый
Пред мною носится живой;
Не верит сердце, что могилой
Разлучена она со мной!

На миг забудусь: – слышу звуки:
То песнь любимая ея;
Знакомый голос будит муки,
И как ребенок плачу я!

Заснул; – во мраке тихой ночи
Она беседует со мной;
Она, задумчивая, в очи
Глядит мне с грустию немой,

И сладко в душу льются речи;
Гляжу с любовью ей в глаза;
Трепещет грудь восторгом встречи,
И в очи просится слеза...

Но день блеснет над синей далью,
И где ж мой призрак дорогой?..
Один я вновь с моей печалью,
С моей безумною тоской.

1847

* * *

(Из Рюккерта[1])

Я понял! не бьется лишь сердце в одной,
Одна только взята могилой!
Не боле!.. всё в мире обычной чредой
Идет незаметно, как было!

Всё вечность умчала в свой быстрый поток
И след ее умер для света!
Напомнит лишь разве, наверно, листок,
Дрожащий от вздохов Поэта!..

1847

АЛЬБОМ IV

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Отец наш, в небе чья обитель,
Чье имя свято чтим в устах,
Правь и царствуй, Вседержитель!
Да на земле, как в небесах.
Твоя лишь воля будь, взываем!
Даруй здесь хлеб насущный нам;
Прости нам долг наш, как прощаем
И мы всем нашим должникам!
О; не введи нас в искушенье;
Дай от лукавых избавленье!

Твои здесь: царство, сила, слава!
Ты есть, Ты будешь, вечно был!
Вселенная Твоя держава,
Звучит весь сонм бесплотных сил.

ВИДЕНИЕ

(*Из Иова*)

То было в мраке тихой ночи,
Я полон был тревожных дум,
В часы, когда у смертных очи
Смежает сон, мой бодр был ум,
Объял меня вдруг хладный трепет,
Все кости в ужасе тряслись,
В испуге крик мой замер в лепет,
Власы горою поднялись.
Казалось, Дух, скользящий мимо,
Передо мной стоял чуть зримый…
Лица не мог я распознать,
Но облик был перед очами
И тиховейными речами
Меня он начал укорять:
“Равняться ль можешь чистотою
С Творцом безумный смертных род?
Иль возгордиться правотою
Пред тем, в ком правда вся живет,
Кто, сонму слуг не доверяя,
Зрит тень и в Ангелах своих!..”

НАЯДА[1]

Как часто дня в палящий зной,
Над быстрольющейся рекой
Стою, незримый за ветвями
У берега склоненных ив,
В груди дыханье затаив,
К струям прикованный очами!

Я жду, смятеньем робким полн, –
Вот, из жемчужной пены волн,
Всплывет стыдливая Наяда!
Горит сапфир[2] ее очей,
Младой Армиды лик у ней,
Улыбка для души услада.

Чу! плеск и смех вблизи. Она
Плывет, – коса распущена
По плечам прядью золотою;
От взмаха белоснежных рук
Сребром дробятся струи вкруг,
И бьют фонтаном под ногою!

Чудесный несравненный вид!
Смеясь красавица скользит,
В струях сверкающих играя;
Какою негой грудь полна!
Как страстно к девственной волне
Льнет, в поцелуях замирая!..

Стою, любуюсь и молчу;
То к персям, то к ее плечу
Мой взгляд стремится торопливый;
А душу наполняет страх,
Не скрылся б образ вдруг в волнах
Моей красавицы пугливой!

1869

ПОЛИНЕ ЛЕВИЦКОЙ

(*певице-примадонне, в опере “Фауст”*)

Я любовался Маргаритой, –
В Левицкой все ее черты:
С ее косой, в две пряди свитой,
С сияньем робким красоты!
Звучал напев ее свирелью;
Но дайте два, три года ей,
И полнозвучной, дивной трелью
Прельстит вас русский соловей!

Сентябрь 1870

АДЕЛИНЕ ПАТТИ[1]

Нет, нет! я не поклонник Патти!
Венец искусства вижу в ней;
Но дивный голос, чужд симпатий,
Не шевелит души моей!
Волшебным звуком очарован,
Я весь восторгам предаюсь;
К ее устам мой слух прикован,
Звук каждый проронить боюсь!
Они игривы, свежи, новы –
Алмазный плещет водомет!..
Любуюсь Душенькой Кановы[2],
Но мрамор холоден, как лед!

И вот немного лет промчалось,
Как вновь я Патти услыхал;
Все тот же голос!.. но казалось,
Не тот уж звук мой слух ласкал:
Пыл чувств в нем искрился безвестный,
Что свято в сердце мы таим!..
Такие звуки в поднебесной,
Летя, роняет херувим!
Вполне сбылось перерожденье!
Так в древности Пигмалион
Влюбился рук своих в творенье
И, поцелуя в упоенье,
Был хладный мрамор оживлен.

1869, 1875

ПОЧТОВЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК И ДОРОГА

Баснь

– Скажи мне, ради Бога,
О чем безумолку гудишь ты под дугой? –
Так колокольчику почтовому Дорога
Пеняла, ширясь в Крым по степи луговой. –
Никак я не могу на миг один забыться,
Чтоб в тихой неге подремать,
Иль песнью соловья ночного насладиться,
Лишь трель он заведет, как ты бренчишь опять!

Я было думала, услыша о запрете:
Не ездить всем с колоколом;
Теперь-то дам я высыпку путем,
И будет мне житье на свете!
Ан нет! Ты все гудишь, пустой головолом!

Проскачет ли почтарь, промчатся ли курьеры,
Иль, обгоняя ветр, летят фельдегеря,
Ты все звенишь на разные манеры,
Качаясь под дугой ни свету, ни заря!
Хоть раскололся б ты скорей, болтун докучный! –
Тут колокольчик ей, залившись прервал речь:
– Широко разлеглась, Дорога ты, и тучно
Щебнем закуталась кой-где до самых плеч,
А пусто в голове. От всех сестер отстала!
На Запад посмотри! Взгляни на Новый свет!
Пока с надменностью шоссе ты насыпала,
Чугунные мосты роскошно воздвигала,
Оне железных рельс оделися в корсет[1];

Пар мощный засвистал; исчезло расстоянье;
Мой голос там давно замолк!
Ты ж, гордая, спала в каком-то обаянье
Под льстивый чужеземца толк!
– Как!.. я спала!.. Молчи, молокосос! –
Дорога с сердцем вдруг вспылила! –
Смотри! где я прошла, – там лес дремучий рос,
Тут были горы – я прорыла;
Болота, топи иссушила!
Хотела б поглядеть, чей сунулся бы нос
Туда бы без меня? А если счесть ухабы!..
Да что и рассуждать с тобою, пустозвон!..
– Твой подвиг был велик, и я б сказал, когда бы
С расчетом выполнен был он! –
Ей колокольчика так отозвался звон, –
Но, признаюсь, что я не постигаю цели!
Трудилась годы ты! Какой же вышел прок?
Где день бы для езды, там тянутся недели!
Твой многоценный труд часов не сблизил срок!
Примерно хоть сказать, – вот к Северной столице
Из Белокаменной забыт твой пышный путь[2]
И пред чугункою-сестрицей
Тебе нельзя теперь словечка заикнуть!
А если б знала ты, как грустно я мотаюсь
Подчас, к дуге притянутый ремнем,
Боясь, не треснула б вдруг ось под седоком,
Когда из Крыма я на Север подымаюсь
И весть несу, как Русь там борется с врагом!
А если б знала ты, какой восторг и трепет
В груди у каждого до батюшки-царя
Об Севастополе мой пробуждает лепет!
Как жадно ждут меня с мольбой у алтаря!
Твоя упала б спесь, в глаза б ты не пылила!
Смирнехонько б и тихо улеглась.
Ведь не в трудах огромных сила!
Нет! Над тобой пословица сбылась:

“Крепки умом мы задним, скажут,
Грешно китайцами нам быть!”
Но знай, что рельсами пока тебя не свяжут,
Немолчно буду я и день и ночь звонить!

Боюсь, чтоб эту басню не счел кто за упрек,
Я личности ничьей не задеваю.
Хвалы достоин труд, и честь тому, кто мог
Дорогой первою служить родному краю;
Но должно веку вслед идти;
Ошибка не беда! Не медли в исправленье!
Все сделать вовремя – великое уменье!
С ним порицателей не встретишь на пути.

Март 1855

ЧАСОВНЕ ЛЕТНЕГО САДА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

4 апреля 1867

Здесь Промысла святого сила
Безумца выстрел отразила!
Ликуй, Россия! Здрав твой Царь!
На месте дивного спасенья
Воздвигла в день благодаренья
Любовь народная алтарь.

ГРАФИНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ТОЛСТОЙ, УРОЖДЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ

(*При посылке ей кваса*)

Желал струями б Ипокрены[1]
Я угостить, графиня, Вас;
Но стерегут тот ключ Камены[2],
И я к Вам посылаю – квас!

В напитке этом вдохновенья
И нектара ни капли нет;
Он не спасает от забвенья,
Не даст и вечно-юных лет!

Но он безвреден; он кипучий;
Под пробкой богатырский дым:
Игрист, забористый, шипучий
И вкусом усладит своим.

Напиток этот наш народный, –
Он Руси православный сын!
И, как Приволжский, нам природный,
К Вам шлет Симбирский Дворянин.

1866, 10 декабря
Симбирск

ЦЫГАНКА В ЦЕРКВИ

Какой соблазн, очам заманка
В соборе искушает вас!
Молиться хочешь, а цыганка
Вас сжет сверканьем блудных глаз!

1867. 10 декабря

ЗАЛЕТНЫЙ СОЛОВЕЙ

Под небом зимних вьюг, где под покровом льдяном
Полгода скована красавица-Нева,
Я очарован был блистательным сопраном:
Звук дивный нежил слух и таяли слова;
Оне свежей росы врывались в грудь каскадом;
Казалось мне, свой скиптр весне отдал Борей[1]!
Пальмира Севера[2] преобразилась садом, –
В ней пела Патти[3] – наш залетный соловей!

ИСТОЧНИК КИФАРА, ИЛИ ЧИСТЫЙ

Из Антологии

О путник, для тебя мой ток живой и чистый
С холмов господственных журчит струей
сребристой,
Где явор с лаврами сплетясь над зыбью вод,
Зеленолиственный образовали свод.
Не оскорбляй меня, в зной летний мимо идя;
Но, жаждою томим, здесь освежися сидя.

Неизвестный

КОРИНФ[1]

Из Антологии

Коринф, Дориды[2] всей и гордость, и краса!
Где блеск твой, башен ряд, глядящих в небеса?
Сокровища веков? Строй зданий горделивых?
Где храмы, где дворцы? Рой дев твоих игривых?
По стогнам весело толпящийся народ? –
Несчастный град! Твой след и путник не найдет,
Все мертво; гибельной разрушено войною!
Плач юных Нереид[3] лишь слышен над тобою,
Иль, приютившися в пустынный берег твой,
Роняет чайка крик над влажною травой.

Антипатр[4]

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI!*

Как изменился век! В дни светлые Эллады
Ристалища бойцов приковывали взгляды;
Средь Олимпийских игр, куда бежал народ,
Бывало с свитком Муз являлся Геродот[1];
Волненьем трепетным все оживлялись лицы,
Когда на Гипподром взъезжали колесницы
И в пыльном облаке там исчезали вмиг;
Иль пестрая толпа внимала страстный стих
Певицы Лезбоса[2], тая в груди дыханье,
И долго дивной вслед неслось рукоплесканье.

Те времена прошли. Настал черед другим!..
Мы в биллиардную на зрелище спешим,
Где новые бойцы вступают в битву с жаром,
Блистая ловкостью, рассчитанным ударом.
Там, разместившися внимательным кружком,
С участием глядим на новый Гипподром,
Где вместо колесниц, в замен десятой Музы
Пять костяных шаров и шелковые лузы[3];
Где не Архонтов[4] суд решает шумный спор,
А с ластиком в руке дремающий маркёр!
Там бойкий мы дуплет встречаем восклицаньем,
И к мастерской игре прикованы вниманьем,
Вслух ценим зоркий глаз и чья верней рука,
Венчая похвалой счастливца-игрока.

24 августа 1866

* Так проходит земная слава! (*лат.*)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ ПСАЛМОВ

Когда псалмы мои, смущенный,
Пред Филаретом[1] я читал,
И православья столп, смиренный,
Мне снисходительно внимал, –
Был чужд мне помысл дерзновенный,
Что удостоюсь я похвал!
Я жаждал строгого урока;
Но кротко, в назиданье мне,
Святитель наш, певца-пророка
Постигнув сердца в глубине,
Разоблачал пред мной вполне.
Мой труд он не отверг сурово,
Не осудил мой *русский* стих;
Но взвесил каждое он слово,
И стало все светло и ново
С беседы той в очах моих!
Он указал мне путь правдивый, –
Годами ветх, но бодр умом!
Его язык методочивый
Звучал мне в слух красноречиво;
Небесным взгляд сиял огнем!

Пред пастырем благоговея,
Сознал я немощь гордых сил, –
Великий труд свершить робея;
Но он, мой страх уразумея,
Ко мне с участьем взор склонил
И подвиг мой благословил.

24 марта 1867. Москва

НАДПИСЬ,

напечатанная золотом на бархатном переплете моей книжки: “Пребывание блаженной Памяти Цесаревича Николая Александровича[1] в Симбирске”. Книжка эта поднесена была мною Государыне Императрице[2] в 1870 году и в то же время Великому Князю Константину Николаевичу[3] другой экземпляр ея.

Он был средь нас, блистательный и юный;
Приволжский край был очарован Им;
Звенят и днесь Певцов там вещих струны,
Так горячо Он всеми был любим!

1870

1-го ИЮЛЯ 1868

*(На память милой
Александре Ивановне Дубельт*[1]*)*

Ох, уж мне эта Лоттерея!
Как много от нее тревог!
Все, от вельможи до жокея,
Все трутся об ее порог;
Все ждут: авось слепой тот бог,
Который случаем зовется,
Им *полновесно* улыбнется
И двѐсти тысяч ниспошлет
На тяжкий, високосный год!

Вот отпечаталась афишка,
Играя ходит по рукам!
Какой восторг, какая вспышка,
Как номер свой кто взвидит там!
Рассмотрит… серия другая!
Мечты рассеялись как дым!
Прости, фантазия златая!
Ножом зарезали тупым!
И льются вслух судьбе проклятья;
Невольно ум напомнит блажь!
Играющая в цифры братья
Не в силах выяснить понятья:
Что всем нельзя ж попасть в тираж.

Против судьбы я не воюю,
Своих билетов и не ждал,
В афишке нет их. Но тоскую,

Что крупный выигрыш не пал
Для той, которая так льстила
Себя игривою мечтой,
И всех давно обворожила
Лица и сердца красотой!

СПИРИТИЗМ

Александру Николаевичу Аксакову[1]
по прочтении его книги о Спиритизме[2]

Когда под пальчиком спиритки
Вертится столик, слышен стук,
Бьет барабан и струны скрипки
Взыграют от незримых рук. –

Я вижу явственно явленье,
Встревожен смесью новых дум;
Причину ж чудного движенья
Не может разглядеть мой ум.

Понятно! Взглядом обаянный
Я, как дервиш, кружиться мог;
Но столь бесчувствен, деревянный!
Отколе ж взял он прыть для ног?

Под пальчиком прелестной тоже
Моя легко забьется грудь;
Но барабан обтянут кожей!
Он пуст! В нем чувств не шевельнуть!

Волшебной силою улыбки
Владычит медиум над мной;
Но чтоб струна запела скрипки,
Улыбки мало тут одной!

Пред дивным действием магнита,
Пред гальваническим столбом,
Стою в раздумьи, – сила скрыта,
Хоть вижу действие кругом.

Первопричинного Закона
Вам никогда не разрешить!
Светла гипотеза Ньютона[3]
Все тяготеньем объяснить;

Но перст зиждительный с Вселенной
Отымет пусть Творец! – и вот
Сожжемся в солнце мы мгновенно,
Иль Землю океан зальет.

Мирюсь я с мыслию, что сфера
У каждого из смертных есть;
Но сферы все ⟨1 *нрзб.*⟩ у Гера[4]
К его мечтам должно причесть.

Его духов не видят взоры;
Так бестелесен их состав,
Неясны, темны разговоры!..
И Доктор Бель[5], их критик, прав!

Что мы бессмертны, что в могилу
Душе сойти не суждено,
Все знаем твердо, Духа ж силу
Нам, смертным, взвесить не дано!

Напрасно разрешить стремимся,
Пройдут века, – без пользы труд!
И поневоле убедимся:
Humanum est errare* тут.

1868 августа 30

* Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

П.П. КОСАГОВСКОМУ[1]

при ходатайстве об утверждении Устава Московского Общества Гимнастов, представленного Московскому Обер-полицмейстеру за № 1758

Немецкий люд, в Москве живущий, –
Артистов разнородных род,
Весь обруселый и не врущий,
Как Ширрен[2], Бок[3] и разный сброд,
Окрайнам Балтики присущий,
И нам о пунктах все поющий,
Мольбу к Вам униженно шлет:
Чтоб Ваш министр могущим словом
Устав гимнастов утвердил,
И тем на поприще их новом
На подвиг птиц благословил,
Не отвергайте их моленье!
Обрадуйте немецкий люд.
Их цель одна – пищеваренье,
Для рук и ног невинный труд.

Апрель 1870

СОЛОВЕЙ

Соловей, любимец розы,
В хладный май, из-за морей
Прилетел на ветвь березы
И задумался на ней:
Мало листьев у ветвей!
Бедный, бедный соловей!
Потерпи! вот канут росы,
Будет в воздухе теплей;
Будешь ты, звонкоголосый,
С каждым часом веселей!..
Не дождался вешних дней,
Бедный русский соловей!

16 мая 1864. Санкт-Петербург

ЛЕКАРЬ И СМЕРТЬ

Лучший рецепт Галена[1] в сравнении с этим был бы только терияком, конским пойлом.

Шекспир. Кориолан. Действ. II. Явл. 1

Однажды Смерть, бродя вкруг света,
Дорогой к Лекарю зашла;
Визит сей был в последний месяц лета;
Жара несносная была.
Закутанный под одеяло,
Под путами едва дыша,
И в лихорадке весь дрожа,
Лежал печальный врач: иссохший, бледный, вялый,
В глазах его темнеть уж стало,
И в дальний путь сбиралася душа.

Священник призванный, присевши к изголовью,
Его напутствовал молитвой и крестом,
Готовясь смыть грехи духовною любовью,
И сладко говорил о мире, о другом.
Немая исповедь в устах врача носилась…
Кто в этой жизни без грехов?..
Вдруг Смерть! приметил он. В нем сильно грудь забилась,
Он видел: страшная носилась!
И, думая, что он добыча докторов,
Взмахнула на него костлявою рукою…
Вздрогнул наш врач; остаток сил собрал,
Поднялся слабый головою:
"Остановись! – ей закричал. –

Всмотрись! Сама ты изумишься,
Кого ты поразить стремишься!

Я Лекарь, я твой верный сын!" –
Ты Лекарь! лжешь! – "Поверь мне!" – Дудки!
– "Из Академии я выпущен!" – Без шутки? –
– "Ей, ей, родная! Год один!.."
– Зовут тебя? – "*Фаддей Резило*"...
– Нет! Имя слышу в первый раз;
Доходу мне оно не приносило;
Твои собратия все на счету у нас,
От них мне жатва каждый час. –
– "Помилуй! Да когда ж мне было!..
Мне двадцать лет лишь с небольшим;
В моих руках бывало
Больных так мало,
И тех я победил, чтоб вбиться в веру к ним.
Но я божусь тебе *Гермесом*[2], *Авиценной*[3],
И *Галлиеном*, – всем, что только есть священно,
Дай мне пожить. Я заплачу вполне;
Теперь есть практика. Обо́зы постепенно
К тебе отправлю я... Услышишь обо мне!"
– Ну, так и быть! Дарю тебе здоровье, –
Сказала Смерть, – да только не забудь
Скорее оправдать условье.
Чтоб выполнить его, найти не трудно путь:
"Иди во след за стариками;
Микстурой *Леруа*[4] томи,
И *Ганемана*[5] порошками
Корми, и день и ночь корми;
Особенно ж в виду имей ты *Де Санградо*,
Один он Гений, – это знай!
Побольше крови отворяй,
И ни о чем тебе заботиться не надо.
Но мне пора!.." – Вот врач здоров стал как сперва;
Ланцет в руках его сверкает,
Желудок ли болит, кружится ль голова:
Всем кровь пускает.
И пациентов гибнет тьма;

Ну так что Смерть сама,
Едва
За ним считать уж поспевает.

Я это к личности не отношу ни к чьей;
У нас не сыщешь и примера;
Но Боже сохрани от этаких врачей!
Что перед ними и холера!

1830 октябрь. Москва

ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ МОКРИНСКОЙ

Три акростиха

Вас кто увидит, – весь в смятенье:
Еды нет, сон бежит очей!
Роскошен дивный бюст плечей,
А ножка... просто загляденье!

или

Вас слушать – сердцу наслажденье!
Еда, питье на ум нейдут...
Румянец свеж Ваш, очи жгут,
А ножка – просто загляденье!

или

Вас Верой назвали нарочно,
Езду забыть чтоб в край восточный;
Распятый *там* не уследим;
А *здесь* мы Ангела в Вас зрим!

1841. С.-Петербург

ДЖОН БУЛЬ[1]

Об Русских, Джон, у вас твердят:
    “Плательщик неисправен!”
Мы платим честно; долг нам свят!
    Одно, – платеж не равен!

Вот, слушай: был у нас разгром –
    Нашествие Батыя[2].
Татар под тягостным ярмом
    Томилася Россия.
Казалось час последний бил
    Ее суровой доле…
Но встал Донской – и отплатил
    На Куликовом поле.

От бед вздохнули мы едва; –
    Ворвался лях крамольный,
И плавала в крови Москва –
    Наш град первопрестольный;
В раздорах гибнул край родной;
    Был вдов престол наш царский!..
Но Минин[3] глас возвысил свой, –
    И отплатил Пожарский[4].

Мужала Русь. Нахлынул Швед!
    Вновь грады вспепелились!
Кровав был Карла[5] гневный след!
    Мы – воевать учились!
Под Нарвой нас он разгромил,
    И затрубил победу…
Не дрогнул Петр[6], – и заплатил
    Полтавой долг свой Шведу.

Тяжел двенадцатый был год!
Отвсюду бранны клики…
Европу вел на нас в поход
Наполеон[7] великий.
Он был заклятый враг ваш, Джон!
Не то, что друг ваш ныне!
Того, лишь вспомнит Альбион[8],
Бледнеет при помине.
Тот был в Кремле, с ним воев тьмы…
Пред тем дрожали троны…
Кричали все нам: "гибнем мы!"
"Москве он даст законы!"

Но вспыхнул Кремль, заслышав толк…
И вот, в два года, ближе,
Благословенный[9] отдал долг
Торжественно в Париже.

Теперь уверился ль ты, Джон,
Что платим мы исправно?
Платила Русь веков с покон
И вновь отплатит славно.

НАРОДНАЯ ПЕСНЬ

(на голос английского народного гимна "Rule Britania")

Когда Творец могучим словом
Впервые к жизни Русь воззвал,
Хор Ангелов над царством новым
С небес пророчески звучал:
Цвети, народ, в краю державном!
Царелюбивый, православный!

Не столь, как ты, благословенны
Царств много вкруг тебя падет!
Но мир увидит изумленный
Орлиный к славе твой полет!
Цвети, народ, и проч.

Вотще Ордынец горделивый
Отяготил тебя ярмом[1],
Как дуб ты стерпишь бурь порывы,
Крепясь корнями с каждым днем!
Цвети, народ, и проч.
Придут несметны легионы
С вождем, прославленным в боях, –
Ты крест возьмешь для обороны
И будет враг зарыт в снегах!..
Цвети, народ, и проч.

Дух вероломства, дух гордыни
Народы Запада смятет;
Но за Царя, – своей святыни
Ты смело двинешься вперед!
Цвети, народ, и проч.

Твой флаг моря покроет славой!
Там клич побед, где ступит рать!
И будет твой орел двуглавый
Хранить друзей, врагов карать!..
Цвети, народ, и проч.

В твоих степях неизмеримых
Златые нивы заблестят!
В твоих странах необозримых
Не будет солнце знать закат!..
Цвети, народ, и проч.

В тебе найдут приют науки, –
Ты им укажешь верный путь!
Восторга пламенные звуки
Твоих певцов наполнят грудь!
Цвети, народ, и проч.

Россия! Промысл над тобою!
До поздних будешь ты веков
Греметь и дев своих красою,
И сердцем доблестных сынов!
Цвети, народ, в красе державной!
Царелюбивый, православный!

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Матушки России
Всем орел знаком!
Миру не впервые
Песнь звучит о нем:
Альпы-великаны
В тучах зрели нас!
Знают нас Балканы,
Знает и Кавказ!

Братцы! Смолкла битва!
Дружно, у шатра:
Господу – молитва,
А царю – ура!

За Кремлевски стены
Русский меч отмстил,
Волны мутной Сены
Конь казацкий пил!
Мы твердыни Воли
Взяли на штыки!
Венгры в бранном поле
Сдали нам полки!

Братцы! Смолкла битва!
Дружно, у шатра:
Господу – молитва,
А царю – ура!

Ярко наш двуглавый
Блещет в знаменах!
Юный флаг наш с славой

Веет на морях!
Пламень бранной бури
Помнит Наварин!
Помнит бриг “Меркурий”[1]
Турок не один!

Братцы! смолкла битва!
Дружно, у шатра:
Господу – молитва,
А царю – ура!

ДЕТИ ФРАНЦИИ*

(*Die söhne Frankreichs*)**

Храним швейцарцев стражей, в чертогах Тюильри[1],
Играет чудный мальчик[2], прелестнее зари;
Младая мать мечтает, на резвого глядя:
"Он – Франции властитель! Король – мое дитя!"
Вокруг златой решетки в народе толк идет:
Умрет отец, – дофин[3] наш престол его займет.

Увы! годов немного мелькнуло чередой, –
Угаснул королевич от глада и побой,
И мать главу сложила на плахе палачей,
Сперва отнявших мужа и с ним престол у ней!

В колясочку златую два агнца впряжены[4],
Белы как снег, – ребенка везти они должны;
Вот он!.. и гренадеры, чей ус от битв седой,
Ура! кричат ребенку державы мировой.
Вокруг златой решетки в народе толк идет:
Умрет наш император, – он трон его займет.

Воспрянула Европа; ярмо разбито в прах!
Где ж юный император? – изгнанник и в слезах!
От Франции далеко он в цвете лет угас,
Угас, все об отчизне тоскуя в смертный час!

В чертогах тюльерийских, смеясь и чужд забот,
Святого Людовика[5] роскошный зреет плод;
Отца его могила слез свежих носит след;

* В X томе посмертных стихотворений В.А. Жуковского помещено на странице 153 стихотворение: "*Четыре сына Франции*" почти в этом же роде. (*Примеч. Д.П. Ознобишина.*)
** Прекрасная Франция (*нем.*).

Он *Богоданным* назван, сердечных чувств в завет.
Вокруг златой решетки в народе толк идет:
Умрет король наш, – герцог Бордоский[6] трон займет.

Но пламенно-желанный скитается теперь!
К его стране прекрасной ему закрыта дверь;
Одно ему на долю, – с терпеньем крест свой несть,
Питать в груди надежду, когда надежда есть!..

В чертогах тюльерийских, средь сонма слуг своих,
Дитя в одежде скорби и в локонах густых.
Храним военной силой сиротка без отца;
Мать нежная не сводит очей с его лица.
Вокруг златой решетки в народе толк идет:
Умрет король, – ребенок престол его займет.

Но с матерью изгнанье ребенок разделил.
Хоть при рожденьи графом Парижским[7] назван был!
Не смеет в край вступить он, где б быть ему в венце;
Иное знамя веет на родовом дворце!

Там, в пышной колыбели, покоится дитя[8],
Прелестное, как утро, в алмазах весь блестя,
Его викарий[9] папы крестил святой водой,
Он в громе пушек встречен восторженной страной.

Дитя земной юдоли! как блеск твой ни велик,
Но власть есть выше блеска венцов земных владык!
И сколько ни старайтесь вы колыбель златить,
Над нею грозной Парки все будет прясться нить.

Учитесь же смиренью, вы, сильные земли!
Ни золото, ни стража детей не сберегли.
Вознесшийся на небо, мир искупивший весь,
Не колыбель златую, а *ясли* избрал здесь[10].

2 декабря 1856

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мечты

---

* Страницы примечаний указаны по второй книге.

Альбом I

Альбом II

Альбом III

Альбом IV

Научное издание

Д.П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза
В двух книгах

Книга первая

Утверждено к печати
редколлегией серии
"Литературные памятники"

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*

Редактор *Е.Л. Никифорова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры
З. Д. Алексеева, А.Б. Васильев, Н.П. Круглова, Р.В. Молоканова

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано к печати 07.12.2001
Формат 70×90 1/32. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 21,1 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 22,9. Уч.-изд.л. 17,6
Тираж 1550 экз. Тип. зак. № 4807

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet:www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ВЫШЛИ КНИГИ:

Теодор Агриппа д'Обинье

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА де ФЕНЕСТА ЖИЗНЬ, РАССКАЗАННАЯ ЕГО ДЕТЯМ

(Серия "Литератур. памятники")

34 л.

Книга французского писателя Агриппы д'Обинье (1552–1630) включает в себя его сатирический роман и мемуары. Роман "Приключения барона де Фенеста" живописует нравы двора последних представителей королевской династии Валуа. Он написан в форме диалога между стойким протестантом, пожилым господином Эне, весьма схожим с самим д'Обинье, и юным вертопрахом-перевертышем бароном де Фенестом, беспринципным и беззастенчивым искателем приключений. Гражданские войны, придворные обычаи, религиозные распри подробно отражены в их диалогах, пересыпанных анекдотами о реальных личностях, близко знакомых самому д'Обинье. Мемуары "Жизнь, рассказанная его детям" дают полное представление о самом авторе, одном из достойнейших представителей общественно-литературной жизни Франции конца XVI – начала XVII в. Роман переведен на русский язык впервые.

Для широкого круга читателей.

Аполлон Григорьев

ПИСЬМА

(Серия “Литератур. памятники”)

41 л.

В книге собрано все дошедшее до настоящего времени эпистолярное наследие поэта, литературного и театрального критика Аполлона Григорьева (1822–1864). Это первое научное издание его сохранившихся писем (декабрь 1842 – сентябрь 1864 гг.). Они знакомят с художественно-эстетическими взглядами автора, его активной деятельностью в журнале “Москвитянин”, рассказывают о короткой, но бурной жизни поэта и критика, затрагивая яркие события русской истории. В книге собрано 305 писем, из них 92 публикуются впервые. Среди адресатов автора Н.В. Гоголь, М.П. Погодин, А.С. Фет, В.П. Боткин, А.В. Дружинин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.Н. Страхов, Е.Н. Эдельсон и др.

Для широкого круга читателей.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ГОТОВИТСЯ КНИГА:

Джеффри Чосер

ТРОИЛ И КРЕССИДА

Роберт Хенрисон

ЗАВЕЩАНИЕ КРЕССИДЫ

Уильям Шекспир

ТРОИЛ И КРЕССИДА

(Серия “Литератур. памятники”)
26 л.

В книгу вошли произведения, связанные с сюжетом рассказа о троянской войне – историей любви царевича Троила, юного сына Приама, и Крессиды, дочери сбежавшего в греческий лагерь жреца Калхаса. Этот сюжет стал популярен, а его герои обрели статус “архетипов” мужской верности и женского непостоянства. Легенда о Троиле и Крессиде привлекла внимание писателей разных европейских стран, особенно в английской литературе, где ею заинтересовались Джеффри Чосер (1340–1400), посвятивший легенде свою лучшую поэму “Троил и Крессида”, шотландский поэт XV в. Роберт Хенрисон, по-своему завершивший рассказ Чосера в “Завещании Крессиды”, и Уильям Шекспир (1564–1616), написавший на этот сюжет одну из самых сложных и интересных пьес, которую он назвал, как и Чосер, “Троил и Крессида”.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-02-011811-7
9 785020 118119

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга–почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга–почтой"); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга–почтой"); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга–почтой"); (код 3832) 35-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга–почтой"); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-94-64

По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

«НАУКА»

ISBN 5-02-011811-7

«НАУКА»

Д. П. ОЗНОБИШИН

Стихотворения
Проза

